

Национальный комитет византинистов Российской Федерации
Историко-филологический факультет НИУ «БелГУ»
Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

**ИМПЕРИЯ РОМЕЕВ
ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ:
ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ**

Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов
Белгород 20-23 апреля 2016 г.

Москва – Белгород
2016

УДК 94(37)
ББК 63.3
И 54

Оргкомитет XXI Всероссийской научной сессии византистов:

Председатель

С.П. Карпов академик РАН, доктор исторических наук,
президент исторического факультета МГУ.

Сопредседатель

Н.Н. Болгов, доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой всеобщей истории НИУ «БелГУ».

Ответственный секретарь

М.В. Грацианский, кандидат исторических наук,
в.н.с. исторического факультета МГУ

М.В. Бибииков, доктор исторических наук,
профессор, г.н.с. Института Всеобщей истории РАН;
В.Н. Залесская, доктор искусствоведения,
в.н.с. Государственного Эрмитажа;
В.В. Майко, доктор исторических наук,
и.о. директора Института археологии Крыма РАН;
Т.В. Куц, доктор исторических наук,
зав. кафедрой Уральского федерального университета;
В.А. Шаповалов, доктор исторических наук,
профессор, проректор НИУ «БелГУ».

Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия :
И 54 тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византистов /
Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. – М.; Белгород :
ООО «Эпицентр», 2016. – 236 с.

ISBN 978-5-9907865-5-4

Издание содержит тезисы докладов, сделанных на XXI Всероссийской научной сессии византистов, проводившейся на базе Историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета 20-23 апреля 2016 г. В докладах представлены научные темы и направления современного российского византиноведения.

УДК 94(37)
ББК 63.3

ISBN 978-5-9907865-5-4

© Национальный комитет византистов РФ, 2016
© ИФФ НИУ «БелГУ», 2016

Ю.А. Аверьянов

*Институт востоковедения РАН,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)*

Османские документы XV–XVI вв. из библиотеки Русского монастыря на Афоне: преемственность византийских традиций

Русский монастырь (Росдикон) на Святой Горе (Агион Орос, тур. Айнарроз) Афон в течение более пяти веков пребывал под властью Османов и вступал с османскими властями в разнообразные взаимоотношения, о которых мало известно даже профессиональным историкам в силу слабой изученности архивного собрания данного монастыря. Во времена Российской империи этот архив был объектом изучения Степана Ивановича Чахотина, российского консула в Салониках. Он занимался изучением и переводом османских актов из библиотеки Свято-Пантелеймонова монастыря в 1879–1883 гг. в сотрудничестве с отцом Матфеем Ольшанским и отцом Макарием Сушкиным. Но в те времена это дело так и не было доведено до конца. Сохранились лишь некоторые записи С.И. Чахотина в архиве Русского монастыря.

В настоящее время исследование османско-турецких актов из архива Русского монастыря на Афоне возобновлено стараниями созданного несколько лет назад в Москве Института Русского Афона.

Древнейшим из обнаруженных на сегодняшний день османских документов из архива Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне является фирман (указ) турецкого султана Мухаммеда (Мехмеда) II Завоевателя (1451–1483), датированный последними числами месяца *рамазана* (*рамадана*) 883 года хиджры (соотв. концу декабря 1478 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что споры между двумя христианскими «субъектами» (Русским и Ксенофским монастырями) решаются на основании мусульманского религиозного законодательства (шариата) в силу суверенитета Османского государства над Афоном. Султанское правительство в целом придерживалось принципа справедливости и осуждало любые незаконные и насильственные действия (тем более, в случае, если вопрос касался отношений между христианскими подданными, а не между христианами и мусульманами, когда вершить правосудие было, конечно, сложнее).

Имена должностных лиц, к которым были обращены султанские фирманы, в текстах фирманов, как правило, не приводятся (особенно в ранний период существования Османского государства). Видимо, подразумевалось, что личность человека, исполняющего ту или иную государственную должность, сама по себе не имеет никакого значения (к тому же происходили частые, почти ежегодные смены всех чиновников с переназначением их в другие места).

В фирмане 1506 г. говорится, что к султану обратился монах Русского монастыря на Афоне по имени Феофан и пожаловался на то, что земельные участки его монастыря, являющиеся с давних времен частью вакфа Русского монастыря, были заняты посторонними лицами, которые стали заниматься их распашкой и не давали русским монахам пользоваться этими землями. Таким

образом, это на сегодняшний день самое древнее упоминание Русского монастыря в исследованных нами османских архивных документах и первый султанский указ, который рассматривает дела Русского монастыря. Как и в большинстве других султанских грамот, здесь речь идет о земельном споре и о попытке пересмотреть существующие границы монастырских владений, которые с точки зрения османского законодательства имели статус вакфа – неотчуждаемого благотворительного пожалования. Сам султанский фирман кадий после ознакомления с ним должен был передать монахам Русского монастыря, чтобы он оставался у них на руках. Эта практика объясняет нам наличие большого количества османских государственных документов в архивах афонских монастырей.

В правление Сулеймана Кануни (Законодателя) (1520–1566) Русский монастырь, можно сказать, стал объектом особого внимания султанского двора. В архиве монастыря имеется в наличии 11 указов султана Сулеймана. Вполне вероятно, что какую-то роль в благосклонном отношении этого султана к Русскому монастырю могла сыграть его любимая жена Хюррем-Султан, дочь русского священника из «Рутении». Но нам неизвестно о каких-либо вкладах или пожертвованиях монастырю со стороны самой Хюррем-Султан, хотя исключить подобную инициативу с ее стороны тоже нельзя.

Сам султан формально не мог вмешиваться в процесс судопроизводства, осуществляемый судом шариата, он только следил за соблюдением справедливости и порядка и, пресекая случаи подлога и обмана, добивался (хотя бы в теории) «чистой правды» (эти слова содержатся в заключительной части многих фирманов). Особенно султана заботило, чтобы к его двору не поступали повторные жалобы со стороны истцов по уже решенному делу (это означало бы сбой в работе системы, чего в идеале не должно было быть).

В шариатском документе, датированном началом месяца *мухаррем* 973 г.х. (начало августа 1565 г.), кадий Салоник мулла (*мавла*) Ибн Муса в ответ на обращение монахов Русского монастыря по поводу их земельных угодий (*чифтлик*) вне Афона, урожаем с которых кормились не только сами монахи, но и многочисленные паломники, посещавшие Святую Гору, приводит интересные цифры о количестве афонских монахов в ту эпоху (2060 монахов, помимо слуг и паломников) и о числе самих земельных наделов (40 владений, с каждого из которых в среднем собирали ежегодно по 50 *мертеров* зерна)¹.

Мурад III направил кадию Салоник и кадию Драмы (греческий город в Фессалии) любопытный указ об укрывательстве неких людей (мусульманских еретиков?) в монастырях Святой Горы и о притеснениях, чинимых султанскими посыльными и другими лицами, состоящими на службе, в монастырях (датирован апрелем 1599 г.)². Трудно сказать, в чем именно заключалось вероотступничество этих беглецов (в переходе их в православие или в приверженности к какому-либо сектантскому толку внутри самого ислама?). Но сам факт того, что монастыри Афона служили убежищем для подобного рода

¹ Библиотека Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне, папка А-595, док. 5.

² Там же, папка А-596, док. 1.

людей, весьма примечателен и приоткрывает завесу с межконфессиональных отношений в Османской империи того времени.

В монастырской библиотеке наряду с государственными актами и шариатскими документами османской эпохи сохранились переведенные на османский язык жалованные грамоты византийских императоров, сербских королей и греческих управляющих соседними областями позднего византийского периода (XIII–XV вв.), что показывает интерес Османов к поддержанию традиционного уклада и об отказе их от радикальных изменений порядков, доставшихся им в наследство от доосманской эпохи.

Л.Т. Авилушкина

*Российский государственный институт сценических искусств
(Санкт-Петербург)*

Из эпистолярного наследия Михаила Глики (письма к светским лицам)

Эпистолярное наследие Михаила Глики включает 95 писем, тексты которых сохранились более чем в 50 рукописях, датируемых XIII–XVII вв. (в кодексах тексты писем и имена адресатов варьируются), и занимает особое место в его творчестве. Письма, написанные в последние три десятилетия XII в., посвящены, в основном, проблемам богословия, канонического права и этики, а также астрономии и естествознания. Они адресованы как светским, так и духовным лицам, и являются весьма важным источником для изучения богословской мысли Византии в конце XII столетия, так как показывают, какие вопросы, занимали умы византийцев, и какие ответы удовлетворяли их¹.

29 писем Михаила Глики (полный текст 22 писем и 7 фрагментов) были опубликованы по разным рукописям в XVII–XVIII вв., тексты которых в 1866 г. были напечатаны в греческой Патрологии². В начале XX в. 95 писем Глики были изданы по семи спискам С. Евстратиадисом под заглавием «Главы о трудных вопросах Священного Писания» в двух томах (38 в первом томе, 57 – во втором)³.

В заглавиях 22 писем названы имена 9 светских корреспондентов Глики. Приведем их имена, указывая число писем, адресованных каждому, и номера писем по изданию С. Евстратиадиса: 1) великий этериарх и севаст Иоанн Дука (Τῷ μεγαλοδοξοτάτῳ μεγάλῳ ἐταιριάρχῃ καὶ σεβαστῷ κυρῷ Ἰωάννῃ τοῦ Δούκα) (два: № 23, 53); 2) Андроник Палеолог (Τῷ μεγαλοδοξοτάτῳ κυρῷ Ἀνδρονίκῳ τῷ Παλαιολόγῳ) (№ 44); 3) пансеваст севаст Константин Палеолог (Τῷ πανσεβάστῳ σεβαστῷ κυρῷ Κωνσταντίνῳ τῷ Παλαιολόγῳ) (четыре: № 36, 37, 42, 76);

¹ Grumel V. Michel Glykas // Dictionnaire de theologie catholique. Paris, 1929. T. X/2. Col. 1705-1707; Βετός I.X. Η ψυχή τοῦ ἀνθρώπου κατὰ τὸ Μυχαῖλ Γλυκᾶ. Θεσσαλονίκη, 1984; Magdalino P. Manuel I Komnenos. 1143-1180. Cambridge, 1993. P. 370–382.

² PG. T. 158. Col. 647–958.

³ Μυχαῖλ τοῦ Γλυκᾶ εἰς τὰς ἀπορίας τῆς Θείας γραφῆς κεφάλαια / Ἔκδ. Σ. Εὐστρατιάδου. Τ. I. Ἀθήναι, 1906; Τ. II. Ἀλεξάνδρεια, 1912.

4) племянник императора Алексей Контостефан (Τῷ ἀνεψιῷ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως κυρῷ Ἀλεξίῳ τῷ Κοντοστεφάνῳ) (№ 63); 5) деспот и севастократор Мануил Комнин (Τῷ ἁγίῳ μοι δεσπότη τῷ σεβαστοκράτορι κυρῷ Μανουήλ τῷ Κομνηνῷ) (три: № 4, 6, 7); 6) племянница императора Феодора (Τῇ περιποθήτῳ ἀνεψιᾷ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως κυρᾷ Θεοδώρῳ) (№ 57); 7) «брат во Христе» Иоанн Трих (Τῷ πανεντιμοτάτῳ καὶ ἐν κυρίῳ ἡμῶν ἀδελφῷ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ Τριχᾷ) (восемь: № 69, 70–75, 80); 8) человек из круга близкого к императору Никифор Синаит (Τῷ οἰκειοτάτῳ ἀνθρώπῳ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως κυρῷ Νικηφόρῳ τῷ Σιναίτῃ) (№ 26); 9) император Мануил I Комнин (Ἀνταπολογητικὸν ἐκ μέρους πρὸς τὴν ἐγχειρισθεῖσαν αὐτῷ γραφὴν τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως κυροῦ Μανουήλ τοῦ Κομνηνοῦ τὴν ἀπολυθείσαν πρὸς τινα μοναχὸν ἐπιμεμψάμενον οὐ μικρῶς αὐτῷ διὰ γε τὸ τῆς ἀστρολογίας μάθημα καὶ φιλονεικαῦσαν τὸ τοιοῦτον συστήσασθαι μάθημα φυσικαῖς καὶ γραφικαῖς ἀποδείξεσιν) (№ 40).

К. Крумбахер идентифицировал имена некоторых адресатов Глики с известными по источникам историческими личностями: 1) Иоанн Дука, сын Андроника Дуки, кузена императора Мануила I Комнина, получивший звание *севаст* в 1181 г.; 2) Андроник Палеолог, которого император Андроник Комнин (1183–1185) назначил военачальником против норманнов; 3) Константин Палеолог, брат Георгия Палеолога (в 1163 г. был послом в Венгрии); 4) племянник императора Алексей Контостефан, сын Стефана Контостефана и сестры императора; 5) севастократор Мануил Комнин, первый сын Андроника Комнина и сестры императора Мануила I Комнина, имевший звание *севастократор* в 1182–1184 гг.

Относительно адресата с именем «брат во Христе» Иоанн Трих, К. Крумбахер предполагал, что, «может быть, это поэт Иоанн Трих». Что касается письма, адресованного племяннице императора Мануила I Комнина Феодоре, то, перечислив четырех племянниц императора, носивших это имя, К. Крумбахер полагал, что адресатом этого письма была одна из них – Феодора Комнина, дочь Андроника Комнина, второго сына императора Иоанна¹. В рецензии на работу К. Крумбахера В.Г. Васильевский отмечал, что у императора Мануила была и пятая племянница Феодора, дочь его сестры Марии и кесаря Роджера, из князей Капуанских, которой, по мнению ученого, и могло быть адресовано письмо².

Среди писем, адресованных светским лицам, только одно содержит частные обстоятельства. Оно адресовано племяннице императора Феодоре и имеет следующее заглавие: ἀθυμονούση σφόδρα καὶ τὴν ἑαυτῆς ἀλογίωσκούση

¹ *Krumbacher K. Michael Glykas. Eine Skizze seiner Biographie und seiner litterarischen Thätigkeit nebst einem unedierten Gedichte und Briefe desselben // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der Kaiserlichen Bayrischen Akademie der Wissenschaften zu Mühchen. 1894. Heft. III. München, 1895. S. 421–438.*

² *Васильевский В.Г. Рец.: К. Крумбахер. Michael Glykas. Eine Skizze seiner Biographie und seiner litterarischen Thätigkeit nebst einem unedierten Gedichte und Briefe desselben (Sitzungsberichte d. philos.-philol. u. hist. Cl. d. K. bayr. Ak. d. W. 1894, H. III. SS. 391-460) // ВВ. 1899. Т. 6. С. 524–537.*

σωτηρίαν δι' ὃν ἐτόλμησε φόνον ἐπί τινι γυναικί ζηλοτυπίας ἔνεκεν («Упавшей духом и отчаявшейся в своем спасении из-за убийства некой женщины, на которое она решилась из-за ревности»). В этом письме, опираясь на ветхозаветные и новозаветные тексты и приводя исторические примеры из своей «Хроники», Глика пытается успокоить и утешить Феодору. Он пишет, что и она может получить прощение и спасение души и искупить свой грех, совершенный в порыве гнева, через искреннее раскаяние.

Остальные письма, как показывает анализ их заглавий, посвящены разным богословским проблемам. В одних письмах рассматриваются канонические вопросы (№ 63, 26, 70, 71) и апокалиптические (№ 7, 69); в других – вопросы, касающиеся астрологии (№ 40, 76), антропологии (о разуме и душе) (№ 72, 80), предопределения (№ 36, 37), новозаветных изречений (№ 73, 75) и сюжетов (о 12 апостолах: № 23; о Павле: № 42, 74; о Рождестве: № 44). Заглавие письма № 53 «Следует ли слушать тех, кто говорит, что мать Господа беременная пила воду обличения» позволяет полагать, что в нем могут содержаться апокрифические сведения.

Три письма, посвященные ветхозаветному сюжету о грехопадении первых людей (№ 4, 6, 7), в издании С. Евстратиадиса адресованы монаху Максиму Смениоту. К. Крумбахер писал, что адресатом этих писем в Парижском кодексе (Paris. gr. 228, XIII в.) назван деспот и севастократор Мануил Комнин. По нашим наблюдениям, такое же надписание имени к этим письмам дают Синодальный (ГИМ, Син. гр. 434, XVII в.) и Иерусалимский (Jerus. gr. 63, XVI в.) кодексы. Может быть, оно имеется и в других списках писем Глики, еще не привлекавшихся к изучению.

Таким образом, дальнейшее источниковедческое изучение писем Михаила Глики, адресатами которых являются лица из придворного окружения, позволит расширить наши представления об интеллектуальной жизни высших слоев византийского общества в конце XII столетия.

Ю.Н. Агаркова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

К проблеме реальной христианизации ранневизантийского общества (V–VI вв.)

С тех пор, как император Константин в начале IV в. разрешил исповедовать христианство, в церковь хлынула масса людей, которые внутренне оставались еще, по сути, язычниками. Формальные запреты официального исповедания языческих культов не привели к их искоренению в быту. Многие христиане, внешне приняв новую веру, сохранили старую картину мира, систему ценностей, мораль и нравы, что проявлялось в общественной и частной сферах, в поведении¹. Именно на это обратил

¹ Поляковская М.А., Чекалова А.А. Быт и нравы в Византии. Свердловск, 1989. С. 102.

внимание патриарх Иоанн Златоуст, начав в первые годы V в. борьбу за реальную христианизацию населения столицы.

Основные пороки населения Константинополя того времени, связанные именно с пережитками язычества, но не общечеловеческие и внутренние христианские, можно классифицировать следующим образом:

1) *Собственно античные пережитки общественной жизни*: театральные зрелища, ристалища на ипподроме, публичные травли зверей, пережитки античных праздников календарного цикла смены сезонов (Новый год, праздники весны, урожая и др.);

2) *Античные пережитки в частной жизни*: оргиастика и неумеренность свадебных церемоний (πομπή); неумеренность в трапезе и пиршествах, чревоугодие; пьянство; неумеренность в эмоциях, смех; неумеренность в речах, «срамные и постыдные песни», слова, прибаутки, суеверия;

3) *Античные пережитки в интимной жизни*: проституция, прелюбодеяния; сластолюбие и похоть, противоестественные вожделения;

4) *Гендерный аспект*: проживание дев-христианок в домах духовенства; роскошь женщин в украшениях, одежде, обуви, распущенность поведения женщин-христианок, семейное насилие;

5) *Отступления от нормативного поведения христианина, вызванные как языческими пережитками, так и нетвердым усвоением христианства*: неумеренная пышность похорон, приход в храм как повод «себя показать и на других поглазеть», разглядывание в храме девушек и женщин, шум и разговоры в храме, делание чего-либо благочестивого лишь для вида, «пиршества для тунеядцев», неумеренная скорбь на похоронах.

Как известно, напряженная борьба Иоанна Златоуста не увенчалась полным успехом. Не только формальные христиане и крипто-язычники, но и открытые язычники существовали в империи еще во 2-й половине VI в., что вызвало к жизни несколько серий антиязыческих законов Юстиниана¹. А отдельные места языческого культа, как храмы Афродиты в Афродисии Карийской², Юпитера в Баальбеке реально функционировали еще в 1-й половине VII в. Помимо сохранения прослойки собственно язычников (CTh. XVI; CJ. I.11.9.3), речь идет именно о «смутном состоянии» умов, морали и нравов массы формальных христиан (Procopius. HA. XI.31–32) в течение достаточно длительной эпохи. Следовательно, мы можем постулировать не только весьма продолжительный период сепаратного сосуществования, но и взаимопереплетения несовместимых на наш современный взгляд картин мира и мировоззрений, при сохранении общих реалий светской общественной жизни и многих сходных черт менталитета³. С догматической точки зрения невозможно быть «недохристианином», или одновременно христианином и язычником (пусть и в отдельных проявлениях). Однако в реальной жизни позднеантичного

¹Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010. С. 112–113.

²Erim K.T. Aphrodisias. A Guide to the Site and its Museum. Istanbul, 1989.

³Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время. СПб., 2003.

общества ранней Византии такое все же случалось, и достаточно часто. Придя домой из императорской канцелярии, отдельные люди могли совершать языческие обряды на домашних алтарях, почитая предков или даже языческих богов. Один из крупнейших государственных чиновников эпохи Анастасия, Зосим, ок. 498 г. пишет чисто языческую историю (а ведь доступ язычникам на государственную службу был закрыт законами Феодосия Великого более чем за столетие до этого). Юстиниан издает три серии антиязыческих указов с 529 по 562 гг. (СJ. I.11.9.3).

О неискреннем приходе многих в христианство писал и Прокопий: «Даже те из них, кто на словах решили принять христианство, надеясь таким образом избавиться от гонений, и они вскоре были заставаемы за своими возлияниями, жертвами и другими нечистыми делами» (НА. XI.31–32). Политику Юстиниана по искоренению язычества подтверждают его современники Евагрий, Иоанн Малала, Иоанн Эфесский и др. Однако, если язычники специально не возмущали народ своим поведением, то их в основном оставляли в покое. Поэтому следы язычества обнаруживаются в империи еще и в VII в.

Таким образом, мы вправе допустить наличие феномена (или даже эпохи) не просто сосуществования двух религиозных традиций, но и в определенной мере «двоеверия»¹, полагая, что наиболее активно он проявился в первые полвека после антиязыческих указов Феодосия I, в ходе борьбы за реальную христианизацию морали и нравов ранневизантийского общества. В дальнейшем формальные христиане и крипто-христиане всё в большей мере становились подлинными христианами, а открытые язычники исчезли с исторической сцены. По мере укрепления христианства, отпадения провинций, дезурбанизации VII в. почвы для городского античного образа жизни и соответствующих ему проявлений морали и нравов практически больше не осталось². Глубокий парадокс дела Иоанна Златоуста заключался в том, что его призывы не только к борьбе с пережитками античной оргиастики, но и к строгому христианскому идеалу в реальной жизни, оказались мало восприняты. Этот идеал в результате сосредоточился за монастырскими стенами, а Византия сохранила в целом светский характер своей общественной и частной жизни, включивший ряд адаптированных античных пережитков.

---

¹ В истории Древней Руси наличие такого феномена признается вплоть до XV в. (Б.А. Рыбаков).

² Cameron A. *Continuity and Change in Sixth-century Byzantium*. L., 1981; Haldon J.F. *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture*. Cambridge, 1990.

Н.А. Алексеенко

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический» (Севастополь)

**Византийский Херсон:
Империя и полис по данным сфрагистики***

Из общего комплекса археологических источников для исследования проблем административно-политического и торгово-экономического развития византийского Херсона, определения его места и роли в интересах государства и общества особый интерес представляют памятники сфрагистики. Они не только существенно дополняют скудные сведения средневековых хронистов и немногочисленных памятников эпиграфики, но и, – что самое важное, – несут беспристрастную информацию о своих владельцах.

Обнаружение в Херсоне целого комплекса византийских печатей VI–XIII вв. и до сих пор продолжающиеся находки новых булл демонстрируют самый широкий спектр городских корреспондентов.

В первую очередь, данные сфрагистики позволили представить определенную модель эволюции городского управления¹. Согласно моливдовулам, с VIII в. Херсон является архонтией. Около середины IX столетия в Таврике создается фема Климатов во главе со стратигом, присланным из столицы. Однако в скором времени она получает и новое имя (фема Херсон), и новый аппарат управления, с традиционно входившими в состав большинства фем *ἐκτροβωλοῖ*, коммеркиариями и нотариями, печати которых хорошо известны среди херсонских находок². В то же время, в X в. империя осуществляла и широкую практику привлечения к управлению представителей местных аристократических кругов³ – своеобразных внетабельных чиновников, не входивших в официальные списки обширного бюрократического аппарата империи. Так в местной практике обозначились новые фигуранты бюрократического аппарата, такие как *κῆρ*, *πατερ πολισα*, *ἐκδικ* или *στаторы*, о которых стало известно лишь благодаря находкам их печатей⁴.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15–31–10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

¹ Алексеенко Н.А. Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2016. С. 435–474.

² Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. Paris, 2012. P. 179–212. № 94–127.

³ Храпунов М.И. К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII–XI вв. // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 111–131.

⁴ Alekseyenko N. L'administration Byzantine... P. 115–117, 213–215. № 23–25, 128–131; Alekseyenko N. The Particulars of the Byzantine Administration in Taurica: Seals of the Stratores of Cherson // Byzantine and Rus' Seals. Proceeding of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography (Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013) / Ed. by H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. Kyiv, 2015. P. 55–60.

В XI в. Херсон все еще считается центром византийских владений, и к середине этого столетия в юрисдикцию местного стратига уже входила значительная прибрежная территория Таврики от Херсона до Сугдеи. Активизация кочевников на северных границах империи вынудила имперскую администрацию на создание в Таврике в конце XI в. вслед за фемой новой военно-административной единицы – катепаната, о чем стало достоверно известно также благодаря сфрагистической находке¹.

Но данные херсонских печатей представляют не только местных должностных лиц в структуре имперской чиновничьей иерархии, но и дают ценнейшую информацию о месте и роли Херсона во взаимоотношениях с окружающим миром.

Печати адресантов Херсона во многих случаях позволяют подтвердить или дополнить свидетельства письменных и других источников о самых различных сферах жизнедеятельности Херсона.

Анализ булл показывает, что Херсон не только не был обделен вниманием различных имперских и провинциальных ведомств, но, очевидно, играл весьма заметную роль в защите финансово-экономических интересов империи и в развитии международной торговли в причерноморском регионе.

Иллюстрацией особой заинтересованности в Херсоне как проводнике и защитнике имперских интересов, безусловно, являются находки печатей императоров, константинопольских патриархов и других церковных сановников (Боспор, Сугдея, Готия, Анхиал, Амастрида, Смирна, Русь).

Важное стратегическое положение Херсона как форпоста империи обуславливало постоянное внимание к городу и со стороны различных чинов византийской армии и флота, о чем свидетельствуют находки печатей комитов, турмархов, друнгариев и фемных стратигов (Эллада, Фессалоника, Сицилия, Опсикий, Армениак)².

В то же время, Херсон являлся и активным участником процесса развития финансово-экономических коммуникаций Византии в причерноморском регионе. Находки печатей представителей фиска и таможен очерчивают вполне определенный ареал контактов местных чиновников со своими коллегами не только из столицы, но и центров Южного Причерноморья, Геллеспонта и малоазийского побережья Средиземноморья³, существовавших с VII и вплоть до XI столетия.

Таким образом, совокупность сфрагистических данных на данном этапе показывает достаточно широкий, но, надо полагать, не исчерпывающий спектр

---

¹ *Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 7–17.

² *Алексеевко Н.А.* Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиск, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны (Волгоград, 26–27 сентября 2014 г.). Волгоград, 2014. С. 69–83.

³ *Алексеевко Н.А.* Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы // Труды ГЭ. Т. LXIV. СПб., 2015. С. 415–424.

связей византийского Херсона – города-порта и города-стража с его спецификой и особенностями, и дает возможность во многом по-новому рассматривать его место и роль в кругу интересов Византийской империи в Северном Причерноморье.

А.Ж. Арутюнян

Ереванский государственный университет

Остров Кипр согласно данным «Ашхарацуйца»

В «Ашхарацуйце» («Армянской Географии»), источнике, написанном Мовсесом Хоренаци в V в., переработанном и дополненном Ананием Ширакаци (VII в.), особое место занимает описание острова Кипр (Κύπρος, арм. *Кипрос*)¹.

Согласно данным этого источника, Кипр являлся 16-й страной общей Азии (в этом перечислении 15-й являются Первая и Вторая Киликии, а 17-й – Вторая Армения). Армянским источником Кипр обозначен в составе стран азиатского континента. Представляется весьма любопытным, что страны Азии в «Ашхарацуйце» названы средиземноморскими.

Поскольку в «Армянской Географии» отсутствуют хронологические данные, то (как и при описании других стран) сведения о Кипре следует отнести к эпохе древнего мира и раннего средневековья (периодизация древней истории Кипра делится на два этапа: а) ранний исторический: 1050–480 гг. до н.э.; б) классический, эллинистический, римский: 480 г. до н.э. – 330 г. н.э.). Раннесредневековая (византийская) история Кипра охватывает период с 330 г. по 1191 г.).

О расположении острова авторы «Ашхарацуйца» свидетельствуют: «... находится восточнее Памфилийского моря около Саврии и Киликии и распространяется до Финикийского моря»². Страбон восточную часть Средиземного моря также делит на два маленьких моря и в дополнение упоминает моря: Египетское – с юга, Сирийское – с востока, Родосское – с запада и Исский залив. Греческий историк считает, что продолжением Египетского моря являются Ливийское и Карпафийское моря (Strabo. XIV.VI.1).

Относительно соседних с Кипром стран самые скудные упоминания мы имеем об Исаврии (Ἰσαυρία), которая приобрела известность только в VIII в. благодаря Льву III Исавру, основателю одноименной династии (716/717–802) в Византии³. Это подсказывает, что название Исаврии в рукописи «Ашхарацуйца» могло появиться в результате дополнений Ананием Ширакаци в VII–VIII вв.

¹ См.: *Анания Ширакаци. Избранные труды. Ашхарацуйц* / Пер. с древнеарм. А.Г. Абрамяна, Г.Б. Петросяна. Ереван, 1979. С. 284–285 (на арм. яз.).

² Там же. С. 284–285.

³ Об этой области более подробно см.: *Диль Ш.* История византийской империи. М., 1948. С. 56 и далее; *История Византии* / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2. М., 1967. С. 49 и далее; *Любкер Ф.* Иллюстрированный словарь античности. М., 2005. С. 456.

Согласно «Ашхарацуйцу», длина Кипра составляет 3 градуса с востока на запад, а ширина – 1 градус с севера на юг¹. В действительности Кипр находится между 32–35 градусами северной широты; по территории острова проходит 35-й меридиан, то есть, он расположен восточнее и западнее 35 градусов восточной долготы. Страбон эти данные не знает, однако представляет длину острова с востока на запад в 1400 стадиев, а в окружности – 3420 стадиев (Strabo. XIV.VI.2). Сведений, касающихся длины острова с севера на юг, нет, однако Страбон упоминает, что длина Кипра была измерена Дамастом (Strabo. XIV.VI.4).

Относительно вопросов орографии Кипра «Ашхарацуйц» упоминает, что на острове находятся гора Олимп и еще три горы. Страбон же свидетельствует только об Олимпе (Ὀλύμπος: высота 1925 м, находится в горной системе Τρόδος, Τρόδος). Фактически в этом отрывке «Ашхарацуйц» дополняет сведения греческого историка, однако не упоминает названий других трех гор.

В аспекте гидрографических данных «Ашхарацуйц» упоминает о четырех реках: трех длинных и одной широкой². Согласно подсчетам, на территории современного Кипра текут чуть более 25 рек и ручьев, которые часто засыхают. Самой длинной рекой является Акаки. Реки здесь обычно имеют протяженность от 50 до 70 км, однако о них ничего не знает Страбон.

Интересны сведения «Ашхарацуйца» об экономическом развитии Кипра. Как известно, остров является родиной меди (Strabo. XIV.VI.5) и богат лесами. Единственным источником, где имеются сведения об обработке ладана на Кипре, является «Ашхарацуйц», который упоминает: «Там бывает лаган, который, как роса, сидит на траве, прилипает к шерсти и волосам козлов. Таким образом собирают ладан»³. Любопытно, что необработанный ладан армянский источник называет *лаган*, а уже готовый продукт на армянском именуется *хунк*, что переводится на русский как ладан.

В «Ашхарацуйце» нет прямых сведений о городах Кипра, и это вполне естественно, ибо в тексте источника мы неоднократно встречаем пояснение, что о данных вопросах подробно сообщает Клавдий Птолемей. Авторы «Ашхарацуйца» не считали нужным обращаться к проблемам, о которых уже свидетельствовали предшествующие историки или современники, что доказано подробным анализом данного источника. Это относится и к вопросам урбанизации Кипра, о чем уже говорили другие авторы (Strabo. XIV.VI; Ptol. V.XIV.1–6). Именно поэтому «Ашхарацуйц» опускает это описание.

Таким образом, благодаря «Ашхарацуйцу» можно реально дополнить сведения об острове Кипр, имеющиеся как в «Географии» Страбона, так и у Клавдия Птолемея в одноименной работе. Памятник раннесредневековой армянской географии занимает важное место в истории тогдашнего круга знаний.

¹ Анания Ширакаци. Ашхарацуйц. С. 285.

² Там же.

³ Там же.

Н.Д. Барабанов

Волгоградский государственный университет

Волосы – змеи. Метаморфозы образа в контексте проблемы интерпретации византийских амулетов-змеевиков

Тема доклада имеет отношение к нескольким аспектам проблемы изучения византийских народных верований, в частности, к вопросу о месте волос в антропологических, магических, религиозно-бытовых воззрениях ромеев. Но в данном случае аналитическая задача ограничена сюжетом, который определен конкретным кругом источников – широко известных византийских амулетов-«змеевиков», для интерпретации которых уже было приложено множество усилий. Следует напомнить, что глубокое и последовательное осмысление феномена амулетов этого типа было инициировано в России, благодаря находке в 1821 г. на реке Белоус под Черниговом знаменитой «черниговской гривны» – золотого филиacteria, изучение которого породило множество мнений. В данном случае важно то, что думали об изображении головы со змеями вместо волос. Среди скороспелых и поверхностных суждений, высказанных на этапе первоначального знакомства с темой, в то время выделялась точка зрения киевского митрополита Евгения (Болховитинова), связавшего памятник с традицией изготовления амулетов, идущей от гностиков. И.И. Толстой связал содержание заклинательной надписи и изображения головы и клубка змей с текстами Апокалипсиса. Н. Петров полагал, что змеевики имеют отношение к культу римского бога врачевания Эскулапа, одним из центров почитания которого был Пергам. Атрибутом божества являлся жезл, обвитый змеей: он-то и мог стать прототипом змеиного гнезда на изучаемых памятниках. В христианское время змей Эскулапа отождествился с Сатаной, престол которого, согласно Апокалипсису (2:12–13), находился в Пергаме. М.И. Соколов сделал важные наблюдения по византийской демонологии, связав изображение на змеевиках женской головы или фигуры, окруженной змеями, с представлениями о похищавшем детей злом демоническом существе, победу над которым одержал св. Сисиний. Змеи же, исходящие из головы, по его мнению, символически представляют многообразные «козни» дьявола. По мнению А.С. Уварова, в период продолжения борьбы с гностической ересью змей должен был представлять самого Сатану, а человеческая природа должна была слиться со змеиной. Влияние «воспоминаний об античном искусстве» дало подходящий образ головы Горгоны или Медузы, представлявшей тип человека-змеи. Тем самым исследователь подчеркнул, что змеиный сюжет на амулетах не был простым подражанием античным горгонам, а являлся элементом развития христианской демонологии. Анализируя змеевидную композицию на амулетах, В.Н. Залеская пришла к мысли о том, что число изображенных змей – это важная деталь, позволяющая поставить вопрос о различных источниках того или другого типа филиacterиев. Обереги с двенадцатью головами змей она связала с

обозначением многоименного демона, представленного в византийских заклинательных молитвах, популярных в XII в. Подвески этого типа отнесены ею к XI–XII вв. Амулеты с изображением семи змеиных голов, по мнению В.Н. Залесской, обозначают демона, который фигурирует в Testamentum Solomonis, магическом тексте, имевшем широкую известность в IV–VII вв., а позже забытом. Филактерии с заговором против истеры исследовательница датировала периодом X–XI вв. Ж. Бланков, изучая тот же сюжет, неоднократно и твердо высказался в пользу понимания его в связи с сохраненным Византией античным мифом о Медузе Горгоне, голова которой обладала апотропеическими свойствами. Лучший до сих пор обзор проблематики, связанной с древнерусскими амулетами-змеевиками был сделан Т.В. Николаевой и А.В. Чернецовым. Изучая иконографические варианты змеевидной композиции на древнерусских змеевиках, авторы неизбежно затронули некоторые аспекты византийской демонологии. В частности, по их мнению, изображения человеческой головы в окружении змей в византийское время утрачивают связь с мифом о Медузе Горгоне и ассоциируются с персонажем под названием «истеря». Образы демонических существ сближаются. Среди других интерпретаций изучаемого феномена следует отметить мнение Г. Вайкена и Е. Кислингера, считающих, что речь должна идти о трансформированном образе египетского бога Хнубиса, который заведовал астрологическим деканом, имеющим отношение к органам и заболеваниям низа человеческого тела. Изображался он в виде змеи с головой льва. Упомянутые исследователи полагают, что облик царя зверей, грива которого часто представлялась в виде лучистого ореола, постепенно преобразовался в человеческое лицо, окруженное змеями. Эта надуманная точка зрения вполне заслуженно была подвергнута разрушающей критике Д. Спайером, который, отвергнув связь медузоподобного существа с Testamentum Solomonis и, тем более, с Хнубисом, счел, что речь должна идти об изображении истеры. Собственное мнение Д. Спайер выразил в следующих словах: «Средневековые византийские амулеты происходят от параллельной, но особой магической традиции, базирующейся более на медицинском, чем магическом фольклоре, который рассматривал матку как независимое творение, живущее в человеческом теле». Ранее схожие суждения высказали В. Дрекслер и А. Барб.

Подводя итог краткому обзору, следует отметить, что ни одна интерпретация не может быть признана достаточно аргументированной. Изучаемый образ следует рассматривать не только и не столько в связи с континуумом архаических магических, астрологических или медицинских традиций, но поместить в контекст византийских народных верований и практической религиозности, которые отражены в иных видах источников, более близких пониманию и реальным потребностям потребителей амулетов. В качестве примера может выступить Житие св. Феодора Сикеота, памятник VII в., являющийся настоящей энциклопедией религиозной жизни провинциального населения империи. Народная демонология представлена в

нем в различных аспектах, в частности, касающихся этиологии болезни, которая воспринималась как результат проникновения в человека нечистой силы в образе змеи. Хорошо известен безграничный метаморфизм сил зла, но в данном случае важен змеиный облик, отмеченный агиографом, который в двух рассказах о чудесах исцелений, совершенных св. Феодором, сообщил, что из больных вышел змей. Еще один сюжет о чудесах касается изгнания болезни из человека через волос. Поскольку обращение к святому и употребление филактериев имело одну цель – избавление от недугов, представляется, что автор жития дал ценную информацию, позволяющую понять смысл изображений на амулетах. Анализ свидетельств такого рода и рассмотрение проблемы в контексте народных демонологии и антропологии позволяет предположить, что смысловым центром изображений на амулетах являлась презентация желаемого действия. В данном случае голова со змеями – не демон, не Горгона, не Хнубис и не истера, а образ исхождения из человека недуга, зла, нечистой силы, визуализированной в облике змеи.

А.В. Бармин

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Осуждение Евстратия Никейского (1117 г.)

В созданной П. Йоанну и Ж. Даррузесом картине событий, связанных с синодальным осуждением Евстратия Никейского, присутствует, по крайней мере, одно неясное обстоятельство. Оно обусловлено противоречивыми данными о содержании и ходе процесса в основном источнике наших сведений о нем, а именно в рукописи Parisinus Suppl. gr. 1179.

Сначала там помещено датированное 27 апреля 1117 г. синодальное определение, содержащее текст отречения Евстратия от его воззрений, решение о его прощении и об уничтожении двух его спорных сочинений. Затем следует выступление патриарха Иоанна IX Агапита, пытавшегося переубедить тех архиереев, которые «отвергали» никейского митрополита, и предлагавшего оставить Евстратию «[его] собственное достоинство, сан архиерейства и его церковь», но запретить в служении до того времени, пока тот не явит вместе с православным исповеданием веры «достойные плоды покаяния». Далее в рукописи помещен протокол синодального голосования, состоявшегося после оглашения предварительно записанной речи Иоанна IX. Восемь из двадцати двух присутствовавших архиереев высказались за пожизненное запрещение в священнослужении Евстратия, остальные же полностью поддержали предложение патриарха.

Наконец, за итогами голосования следует речь ираклийского митрополита Никиты Серрца. Она была составлена после оглашения перед синодом императорского послания с призывом сообщить причины, по которым

некоторые иерархи считают неправильным «принять» Евстратия (οὐκ ἔδοκει αὐτοῖς δεχθῆναι δεῖν τὸν Νικαίας καὶ ... ἄδεκτον εἶναι τοῦτον εἶλομεν). Отвечая от имени сторонников более строгого наказания, Никита приводил разнообразные высказывания свв. отцов, требовавших строгого наказания вождей и основателей ересей. В итоге ираклийский митрополит делал вывод, что никейского предстоятеля нельзя «принимать на его седалище» (εἰς τὸν θρόνον αὐτοῦ μὴ παραδέχεσθαι).

Когда именно имели место две названные речи и голосование, остается неясным. На листе 244 рукописи Vaticanus gr. 1611, содержащей выполненную Никитой Серрцем подборку комментариев на Евангелие от Луки, содержится примечание, согласно которому она была изготовлена 19 мая 1117 г., и переписываемое сочинение принадлежит «диакону Великой Церкви и дидаскалу» Никите Серрцу. Ж. Даррузес принял эти слова за указание на то, что в указанный день Никита был еще дидаскалом и диаконом св. Софии в Константинополе. Ввиду более ранней датировки синодального определения по делу Евстратия (27 апреля 1117 г.) исследователь заключил, что принявший участие в голосовании ираклийский митрополит мог быть не Никитой Серрцем. С этим предположением согласуется то обстоятельство, что, согласно протоколу голосования, ираклийский предстоятель хотел для Евстратия лишь пожизненного запрещения в служении (ἡ ἱερουργία δὲ ἐπισχεθῆναι αὐτῷ εἰς τὸ παντελῶς), в то время как Никита Серрец требовал «не принимать» того на «его седалище». Исследователь предположительно отнес голосование к лету 1117 г., а окончательное решение по, как он полагал, расколовшему архиереев делу – на еще более поздний срок. Именно к этому событию Ж. Даррузес и отнес выступление Никиты Серрца.

Новое изучение всех документов дела Евстратия Никейского позволяет пересмотреть этот вывод и допустить, что все решения были приняты в течение короткого промежутка времени, т.е. в самом конце апреля и, возможно, в начале мая 1117 г. Этот пересмотр также позволяет оспорить мнение П. Йоанну, согласно которому суд над Евстратием был связан со стремлением императрицы Ирины и некоторых других членов семьи Алексея I устранить от наследования Иоанна Комнина. Какая-либо политическая подоплека суда над никейским митрополитом выглядит на самом деле мало вероятной, и все предприятие представляется обусловленным сугубо религиозными причинами.

М.Н. Бахматова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**Византийско-генуэзское противостояние в Константинополе
в 70-е гг. XIII в.***

В пятой книге «Истории» Георгия Пахимера приводятся ставшие хрестоматийными рассуждения о соотношении сил между Венецией и Генуей в их историческом развитии, а также о причинах усиления Генуи в период правления Михаила VIII Палеолога (1261–1282). Оставаясь в рамках традиционных политико-идеологических концепций, отчасти скорректированных временем, византийские историки Георгий Пахимер (1242–1310) и Никифор Григора (1290/1295–1359) отмечали то, как неуклонно росла мощь итальянских союзников, постепенно превращавшихся из гостей в полновластных хозяев, сколь трудно было проводить в жизнь политику уравнивания сил морских республик, сдерживать неумных и строптивых итальянцев, прежде всего, генуэзцев.

После переселения генуэзцев в Галату в 1267 г. император, с одной стороны, стал укреплять ведущие в этот район подходы, опасаясь, как бы его мятежные союзники не поддались искушению присоединиться к антивизантийской коалиции, нацеленной на отвоевание Константинополя. С другой стороны, он пытался расположить галатцев к себе, сделав их, по сути, своими вассалами, или же *лизиями*, что нашло свое отражение в установлении особых форм придворного церемониала, формализующего уровень этих отношений, и в обязанности отдавать императору особый знак почтения при проходе через Босфорский залив. Сандра Оригоне отмечает, что данный ритуал должен был напоминать генуэзцам о том, что они заходили на территорию империи, с которой их связывали особые узы союзничества. И конечно, непреложную значимость для Михаила VIII представлял антигвельфский выбор, сделанный республикой в 1270 г. и являвшийся залогом неприсоединения Генуи к планам Карла Анжуйского.

В этой связи особый интерес вызывают два эпизода византийско-генуэзского противостояния середины 70-х гг. XIII в., ставшие вторым серьезным кризисом двусторонних отношений после заговора Гверчо 1264 г. В одном случае речь шла об убийстве византийца генуэзцем, похвалявшимся, что вскоре город вновь достанется «нашим», видимо, намекая на готовящуюся экспедицию Карла Анжуйского. Во втором – о провокационных маневрах генуэзского корабля, тайком прошедшего в Черное море, не отдав при этом должных почестей императору. Хотя Пахимер и объясняет второй эпизод конкурентной борьбой из-за торговли квасцами между двумя группами генуэзцев, тем не менее, согласно

---

* Исследование подготовлено в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

интерпретации византийских историков, речь шла не столько о поправлении норм, установленных взаимными договорами, сколько о нарушении тех положений и принципов, которые, согласно византийской традиции, должны были соблюдаться по отношению к императорскому достоинству. Не случайно изложение данных событий представлено у Григоры как «знак» или «урок», данный царем своим нерадивым союзникам-вассалам, зазнавшимся сверх всякой меры, и напрямую связывается с вопросом о сущности и функциях императорской власти в Византии.

Определенную трудность представляет установление хронологической последовательности и датировки вышеизложенных фактов. Сделать это, исходя из текстов, возможным не представляется. Григора помещает эпизод с вмешательством императора в конфликт между греком и генуэзцем на первое место. У Пахимера он следует за инцидентом с кораблем. Отправной точкой для решения данной проблемы, мог бы быть факт слишком жесткой реакции императора на довольно банальный инцидент уголовного характера (убийство), рассмотрение которого должно было регулироваться на основе двусторонней договоренности, достигнутой сначала в рамках Нимфейского договора 1261 г., а потом в 1267 и 1275 г. Учитывая, что этого не произошло, можно предположить, что эпизод с убийством грека относится к периоду между 1272 и 1275 гг., когда прежний договор (1267 г.) уже прекратил свое действие, а ратификация нового договора продолжала откладываться генуэзским правительством. Не этим ли объясняется решительность карательных мер императора, видимо, опасавшегося того, что республика Св. Георгия может перевернуться в стан гвельфов в надежде получить выгоды от готовящейся кампании Карла Анжуйского?

Наряду с этим, немаловажное значение имел и другой фактор, который позволяет отнести данное событие к 1274 г. Именно в этом году в Византии начали вводиться в действие положения Лионской унии. В православных соборах стали славословить папу римского, что, учитывая настроения византийцев и неприятие идеи соединения с Католической церковью, на фоне репрессий Михаила Палеолога в отношении непокорных священнослужителей, до крайности накалило обстановку в Константинополе. Инцидент с убийством грека давал императору повод для решения двойной задачи: с одной стороны, показать константинопольскому населению, что несмотря на Лионскую унию он остается защитником своих подданных, с другой – подтолкнуть генуэзцев к скорейшей ратификации договора. И действительно, в октябре 1275 г. договор ратифицируется. В нем мы находим положения, регулирующие самые сложные и спорные аспекты византийско-генуэзских отношений, включая право императора влиять на выбор *подеста* в Галате.

Эпизод с кораблем произошел, видимо, после введения в силу договора 1275 г. Именно поэтому реакция императора весьма сдержана, и прежде чем предпринять действия по захвату корабля, он обращается за помощью к *подеста* и генуэзскому населению Галаты. Тем не менее, Генуя, как отмечает М. Балар, ответила на это свертыванием коммерческой активности в зоне и введением

запрета на торговлю с Романией, продлившегося вплоть до 1278 г. и имевшего тяжелые экономические последствия как для Генуи, так и для Византии.

Византийско-генуэзское противостояние середины 70-х гг. XIII в. отражало крайне сложную внешне- и внутривосточную ситуацию, в которой происходило укрепление власти Михаила VIII Палеолога. Решительность мер, предпринятых в ответ на явно провокационное поведение генуэзцев, по всей видимости, имела целью показать подданным, что несмотря на подписание Лионской унии и «унижение» греков со стороны Римско-католической церкви, хозяином в Константинополе остается византийский император, а компромисс с папой римским совсем не означал пораженчества по отношению к представителям католического лагеря, проживающим в столице. Вот почему Григора, живший уже в другую эпоху, с ностальгией вспоминает о «знаках», которые когда-то византийские императоры давали своим зазнавшимся союзникам-вассалам.

К.В. Белый

Сретенская духовная семинария (Москва)

Последствия возвращения Константинополя в 1261 г. в состав империи для византийской Малой Азии

В начале 1281 г. император Михаил VIII, собрав, как передает Георгий Пахимер, все наличные силы, спешно направился к долине Сангария и затем Прусе, чтобы отразить очередное «нашествие туркоманов». Проезжая Вифинию – наиболее процветающую и густонаселенную часть Никейского государства при Ласкарях, он теперь, спустя всего 20 лет, нашел там «скифскую пустыню» и «едва не выдрал у себя всех волос: ему чрезвычайно было жаль той страны»¹.

Экспедиции к границам пока еще византийских областей Малой Азии не давали результата. Восточные провинции империи были разорены, а эффективная акритская служба фактически уничтожена. И как только наемники Палеолога уходили в Константинополь, набеги немедленно возобновлялись. Той же осенью эмиром одного из тюркских бейликов в византийской Вифинии станет Осман, который вскоре предпочтет разбойничьим акциям целенаправленное завоевание. Уже в 1302 г. он, разгромив армию Михаила IX, «констатирует», по замечанию А. Лаиу, утрату Византией Малой Азии и неизбежность дальнейшего продвижения турок через Геллеспонт².

¹ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862. С. 463.

² *Laïou A.E.* Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge: Harvard University Press, 1972. P. 91, 122.

Потеря «Ἀνατολή» исторически лишала Византию не только крупнейшего социально-экономического региона, источника людских и материальных ресурсов, но и надежного «тыла» для балканского театра военных действий. В результате с конца XIII в., по замечанию В.А. Сметанина, ослабленная Ромейская держава, оказавшись в сплошном кольце врагов, окажется втянутой в гибельную «перманентную войну», продлившуюся более полутора веков¹.

Историки, занимавшиеся Палеологовской эпохой, всегда занимали как сам феномен «затянувшейся драмы», так и выяснение ее причин. Некоторые ученые усматривали «точку невозврата» на Востоке в неудачных кампаниях Михаила IX, другие – в военных реформах Андроника II, недооценке турецкого направления во внешней политике Михаила VIII вследствие актуализации западной проблемы или в методах подавления восстания 1262 г. и предшествующей ему трикоккиотской реформе.

Меньшим вниманием в историографии пользовался вопрос об исторических последствиях возвращения Константинополя для судеб империи. Специалисты, исследовавшие кризисные явления, постигшие византийские города и аграрный сектор в середине 60-х гг. XIII в., как правило, акцентировали внимание на специфике фискальной политики Михаила VIII, отходе от протекционизма и способствованию феодализации. Впрочем, и проблема Константинополя не осталась незамеченной. Уже в фундаментальном труде Ф.И. Успенского «История Византийской империи» при анализе событий 1261 г. поднимается острый для Византии вопрос взаимоотношений центра и периферии. По мнению автора, точнее, авторов (раздел о Ласкарях и Палеологах написан при активном участии Б.А. Панченко), именно «перенесение столицы в Константинополь погубило благополучие Никейской империи», так как потребовало колоссальных вложений для хотя бы частичного восстановления города и, что было необходимо самому Палеологу – былого престижа древней столицы².

Для Михаила VIII, пришедшего к власти в результате государственного переворота и искусного политического лавирования, скорейшее взятие города было необходимо для утверждения престола и легитимации своей власти в глазах народа, охваченного патриотическими настроениями. Кроме того, будучи представителем и «избранником» аристократии, новый василевс, следуя как собственным убеждениям, так и «предвыборным» обязательствам, видел конечной целью своей политики максимально возможную реставрацию империи Комнинов и Ангелов, от принципов устройства которой столь последовательно стремились отойти никейские государи, считая их основной причиной катастрофы 1204 года³. Возможно поэтому, как полагает

---

¹ Сметанин В.А. О специфике перманентной войны в Византии в 1282–1453 гг. // АДСВ. Вып. 9. 1973. С. 91–92.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. М.: Мысль, 1997. С. 489–490.

³ Горянов Б.Т. Византийское крестьянство при Палеологах // Византийский временник. Т. 3. 1950. С. 47.

Ф.И. Успенский, Ласкари готовили, но не торопили возвращение Константинополя, предвидя комплекс проблем, которые вызовет данное событие¹. Решать же их пришлось уже Михаилу Палеологу, «новому Константину» – как прозвали его византийцы, узнав о долгожданном и одновременно неожиданном освобождении Константинополя отрядом Алексея Стратигопула.

Всеобщее ликование завершилось довольно быстро. Восстановление разграбленной столицы, возрождение придворного церемониала и прежнего громоздкого административного аппарата потребовало огромных расходов, которые проявились в резком увеличении налогового бремени, что особенно сказалось на богатых аграрных районах Малой Азии. Также очевидным вскоре стал масштаб международного резонанса, вызванного уничтожением «Новой Франции», и военной угрозы с Запада. Императору пришлось приступить к активной и дорогостоящей дипломатической деятельности и к форсированному воссозданию флота и наращиванию вооруженных сил. Увеличение армии, не покрываемое бюджетными средствами, в свою очередь, заставило Михаила VIII расширять институт пронии, причем тем активнее, чем скромнее становилось наполнение государственной казны².

Наконец, вслед за повторной коронацией, Палеолог завершил отстранение прошлой династии, ослепив и заточив в темницу малолетнего царя Иоанна Ласкаря, что в итоге, по словам Пахимера, «послужило началом великих бедствий для римлян и причиной невыносимого смятения»³. В 1262 г. по стране прокатилась волна возмущения, а в Вифинии и Галатии началась настоящая гражданская война между правительственными войсками и пограничными акритами, возмущенными не только «царским злодеянием», но и лишением их налогового иммунитета. Жестокое противостояние завершилось поражением восставших, которое запустило процесс деструкции пограничной системы обороны и разорения широких слоев крестьянства. До конца 1270-х гг. внимание Константинополя всецело смещается на Запад, а всё более погружающиеся в состояние упадка малоазийские города и села, лишённые защиты и государственной поддержки, будут восприниматься лишь как неиссякаемые источники финансовых, материальных и человеческих ресурсов.

Неудивительно, что когда, начиная с 80-х гг., Михаил VIII и Андроник II стали осознавать реальное положение дел, их военные экспедиции на Восток почти неизменно терпели неудачи. Таким образом, Византия, приобретя «царственный город» и некоторые признаки прошлого имперского величия, потеряла свою жизненно необходимую восточную часть, тюркское завоевание которой – с учетом системного кризиса, охватившего весь государственный организм, – оставалось лишь делом времени.

¹ Успенский Ф.И. История... С. 493.

² Хвостова К.В. Прония: социально-экономические и правовые проблемы // Византийский временник. Т. 49. 1988. С. 47–48.

³ Георгий Пахимер. История... С. 153–154.

М.В. Бибиков

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Афонская нарративная традиция о начале русского монашества

Исходный момент монастырского строительства на Руси самым непосредственным образом связан с Афоном. Преподобный Антоний Печерский, основатель Киево-Печерского монастыря, как по версиям Жития преподобного, так и более позднего греческого Великого Синаксаря, был на Афоне, где усвоил правила иноческой жизни. Там же им был почерпнут и опыт межкультурного общения, и полиэтнического культурного строительства, ибо Святая Гора была средоточием не только греческой, но и грузинской, сирийской, болгарской, сербской, русской и даже латинской монастырской культуры.

В современной науке датировки пребывания на Афоне основоположника русского монашества Антония Печерского неоднозначны. Данные в основном черпаются из «Повести временных лет» в составе «Повести о Печерской обители», имеющей существенные хронологические и содержательные различия в разных редакциях памятника, а также из Киево-Печерского Патерика.

Так, сведение о «втором путешествии» Антония на Афон появляется только во Второй Кассиановской редакции Патерика в 1462 г. и является откровенным следом работы редактора, стремившегося преодолеть хронологические несовпадения своих источников. В настоящее время, как датировка, так и сам факт двукратного пребывания Антония на Афоне вызывает небезосновательный скепсис исследователей.

Указания в литературе на Лавру св. Афанасия, Эсфигмен или Иверскую обитель как на место пострига Антония являются лишь недоказуемыми источниковедческими предположениями. Неверифицированной признается и догадка, известная по некоторым местным афонским преданиям, возникшим только в XVIII–XIX вв., о Русском монастыре Ксилурга («Древодела») в том же качестве.

Первый издатель и переводчик на русский язык греческих актов Свято-Пантелеимонова афонского монастыря и историк Русского Афона схимонах Азария (Попцов) фактически дезавуировал рассматриваемую уже в 1865 г. Эсфигменскую легенду, составив совместно с иеромонахом Иаковом Неаскитиотом «Афониаду», включающую в себя «Житие преподобного Антония Русского» и не содержащую в основном тексте следов эсфигменских атрибуций. Сама «Афониада» является звеном в цепи традиции афонских нарративных исторических повествований XVIII–XIX вв. о прошлом и настоящем Святой Горы.

Д.Е. Богданов

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

**Участие Флавия Стилихона в политической борьбе
при дворе императора Аркадия в 395–400 гг.**

При Феодосии Великом Восточный и Западный дворы Римской империи обладали определенной самостоятельностью, что объяснялось тяжелым военным противостоянием императора с Арбогастом и Евгением и привело к его длительному отсутствию в столицах – Риме и Константинополе¹.

Феодосий оставил в столичных городах сыновей: Аркадия – в Константинополе, Гонория – в Риме. Однако, учитывая «незрелость ума» старшего сына (Zos. IV.57.4) и юный возраст младшего, «опекунами» были назначены царедворцы, заметно продвинувшихся по службе при Феодосии: Флавий Руфин и Флавий Стилихон.

Стилихон, бывший одним из военных командиров в ходе кампании против Евгения, оказался наделен колоссальной военной силой, поскольку под его началом были объединены и западные армии, и восточные, не успевшие отойти в Константинополь после смерти императора. Кроме того, Флавий Стилихон был мужем Серены – племянницы и падчерицы Феодосия².

Для подтверждения своего высокого положения и удержания власти, Руфин, «превосходивший Стилихона честолюбием и богатством» (Zos. V.1), желает породниться с императором Аркадием, выдав замуж за него свою дочь, однако, «из-за своей жестокой надменности и постоянно растущей похвальбы» (Zos. V.1.1), становится объектом народной ненависти.

Ключевой фигурой в исполнении заговора против Руфина являлся Евтропий, занимавший важный пост препозита императорской опочивальни – кувикулярия (Marcell. Chron. 395.5). Он возглавлял одну из влиятельных придворных партий, в которую входили осведомители и честолюбцы, которые на первое место ставили устройство своих личных дел и карьеры. Именно он предпринял ряд решительных мер, препятствующих осуществлению династических планов Руфина: скомпрометировал потенциального тестя в глазах императора и устроил брак Аркадия с дочерью франкского военачальника Баутона Евдоксией (Zos. V.3.3).

В это же время Руфин конфисковывал имения Промота, Татиана, Прокла, Лукиана (Zos. V.1–7). Этот факт подтверждают принятые после низложения Руфина законы о передаче его огромного состояния в государственную казну³. К обвинению в вымогательстве, коррупции и злоупотреблениях были

¹ O'Flynn J.M. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton, 1983. P. 18.

² Кулаковский Ю.А. *История Византии*. Т. 1: 395–518 годы. СПб., 2003. С. 142.

³ Сиротенко В.Т. *История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь, 1975. С. 50.*

присовокуплены наветы и клевета приспешников Евтропия, представивших переговоры Руфина с варварами как государственную измену и заговор против Аркадия (Zos. V.7.1; Oros. VII.37.1). Флавий Руфин «был заслуженно обезглавлен перед городскими воротами» (Marcell. Chron. 395.5) по приказу Стилихона, направившего на исполнение вердикта верных ему людей вместе с комитом Гайной. Жена и дочь Руфина были сосланы (Marcell. Chron. 396).

Избавившись от своего принципиального соперника, евнух-кувикулярий удаляет с политической арены влиятельных вельмож Абунданция и Тимасия (Zos. V.9). Теперь его всемогуществу, при беспомощности императора Аркадия, препятствует только Стилихон, союзник в устранении Руфина, командующий многочисленным, закаленным в войне с Персией войском. Поэтому их отношения превращаются во враждебные, и Евтропий становится для Стилихона гораздо более опасным противником, чем Руфин. В 397 г. Евтропий объявил Стилихона врагом государства, конфисковав все его имения (Zos. V.10).

Поскольку Византия отвергла великодержавные притязания Рима, Клавдиан призывал к войне против Константинополя и требовал разрушения его. «Один город, – писал он, – мы уступаем фуриям-мстительницам, во искупление мира» (In Eutrop. II, v. 39).

В 398 г. готы, поселенные еще Феодосием Великим в малоазиатской области Фригии, подняли восстание под предводительством своего вождя Трибигильда и разоряли страну. Именно эти события послужили отправной точкой к стремительному падению Евтропия. Посланный усмирить восставших полководец Гайна в 399 г. объединился с Трибигильдом и добился убийства евнуха-кувикулярия.

Безусловно, результаты деятельности Гайны были особенно выгодны Стилихону, но Гайна, судя по всему, преследовал и собственные интересы: он стремился улучшить свое положение на Востоке, пытаясь заполучить в союзники Иоанна Златоуста (Theod. V.32–33; Soz. VIII.4).

Сам Гайна в скором времени поднял мятеж, на подавление которого был направлен полководец Фравитта, союзник Аврелиана (Zos. V.22), известного крайней неприязнью к варварам и дружественной им политике, и возглавивший в 400 г. Восточный двор.

Таким образом, Стилихон надеялся значительно улучшить свое положение, устранив Руфина, однако, вынужден был противостоять мощной коалиции царедворцев под началом Евтропия. Не сумев после устранения евнуха установить контроль над двором Аркадия, Стилихон приступил к реализации собственных династических планов на Западе, пытаясь влиять на политику Востока в отношении варваров.

Е.Е. Богомаз

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

**Письма Прокопия Газского
в контексте позднеантичной эпистолографии**

При изучении античной и византийской истории эпистолярный жанр является крайне важным. Невозможно не принимать во внимание суждения и оценку событий, которые несут письма, несмотря на то, что эта информация является достаточно субъективной. Данный жанр знакомит исследователей со сторонами жизни, которые он не может нигде более почерпнуть, информирует о важных персоналиях, суждениях о них. Традиции классической эпистолографии продолжались и развивались в ранневизантийское время. На греческом Востоке сохранились сборники писем как языческих, так и христианских авторов (Либаний, Синесий, Василий Великий и др.). До последнего времени исследователи обращали недостаточно внимания на письма видного деятеля Газской школы Прокопия Газского (ок. 475–528 гг.)¹, оставившего сочинения как христианского богословского содержания, так и написанных в традициях классической риторики².

Письма Прокопия, помимо издания XIX в., публиковались в 1963 и 2010 г., причем активный источниковедческий поиск привел к увеличению количества писем, атрибутируемых Прокопию, до 174³.

На сегодняшний день известно 169 писем, написанных собственно Прокопием Газским, а также пять, адресованных ритору Мегецию, и его ответы Прокопию.

Письма Прокопия Газского являются важнейшей составляющей для исследователей личности Прокопия, в контексте эпистолографии ранней Византии. Несмотря на формульность и стиль, характерные для жанра, письма Прокопия содержат ценную информацию о различных культурных, экономических и социальных особенностях жизни восточной части Средиземноморья V–VI вв. Кроме этого, особо важным нужно считать тот факт, что эти письма проливают свет на решающий этап эволюции греческой литературы ранневизантийского периода.

Несмотря на большую популярность в культурной среде, что подтверждается большим количеством рукописей, ныне эти письма редко рассматриваются, в основном из-за сложностей языка, особенностей стиля в

---

¹ Болгова А.М. Прокопий Газский: ритор и богослов // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2014. С. 101–107.

² Ter Haar Romeny B. Procopius of Gaza and His Library // From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron / Ed. by H. Amirav, B. ter Haar Romeny. Leiden, 2007. P. 177.

³ Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. Alessandria, 2010. P. XII.

общем плане, а также эстетических предрасположений, связанных с эпохой поздней античности в целом. Письма изучаются историками и археологами с целью получения информации о среде, в которой Прокопий жил и работал. Филологи и лингвисты сосредоточены на особенностях стиля и языка. Но до сих пор не хватает комплексных и систематических исследований писем Прокопия, что помогло бы изучить их роль не только в многообразии произведений автора, но и в более общем контексте Газской школы и греческой культуры V–VI вв.

По характеристике Эудженио Амато, письма Прокопия Газского характеризуют природу межличностных отношений, которая предполагает «физический» переход от отправителя к получателю. Письма написаны в специфической форме, которая включает в себя ряд особенностей, связанных с тем, что два адресата физически отдалены друг от друга. Автор письма обеспечивает собственное восприятие реальности на основе восприятия получателя, выбирая элементы, которые будут понятны читателю, способные убедить получателя в своем видении. Соответственно, автор письма показывает не только реальность, хотя и субъективную, но дает некую характеристику как отправителя, так и получателя. В случае писем Прокопия Газского необходимо учитывать, что они претерпели определенный редакционный процесс, как и любой литературный текст, дошедший до нас с древних времен. При рассмотрении писем Прокопия Газского, как и других писем древних авторов, мы не должны рассматривать их в качестве точного зеркала личности, времени, среды.

Зная, что светские произведения Прокопия использовались в учебных целях в аудиториях Газской школы, можно предположить, что и коллекция писем использовалась так же. Уже поверхностное их чтение делает очевидным, что эпистолярные произведения Прокопия касаются самых разнообразных тем, открывают отношение автора ко многим вещам. Прокопий был центром круга большого количества людей, в основном связанных с ним общими переживаниями, мыслями, исследованиями, – людей, связанных с Газской школой. Прокопий поддерживает контакты с бывшими студентами, некоторые из которых пошли по его стопам, став, в свою очередь, учителями, другие же занимают важные посты: судей, юристов и имперских чиновников. Прокопий дает им советы, наставления, осуждает бахвальство, просит милости, дает наставления высшим правительственным чинам, немного подшучивая, используя завуалированную иронию и тонкий юмор. Изучая письма, читатель может догадаться о расположении Прокопия по отношению к разным личностям. Но исследователь не может в полной мере понять стиль Прокопия без изучения образа его мыслей и взглядов. В эпитафии, посвященной Прокопию его учеником Хорикием, Прокопий определен как σοφιστής, который преуспел в обоих направлениях своего искусства, произнося публичные выступления и обучая молодых людей на примерах риторики древних. Прокопий часто дискутирует о своих взглядах, в том числе, со своим братом

Захарией, гордо защищая свою деятельность в качестве софиста, защищая «искусство, которое выращивают со страстью». В своих письмах Прокопий выражается весьма красноречиво, часто обращаясь к сравнениям из греческой мифологии. Прокопий использует исторические персоны для сравнения и контраста: Филиппа Македонского, Александра Великого, обращается к Гесиоду и Плутарху, Фукидиду, Аристотелю, Демосфену, Аристиду.

Таким образом, письма Прокопия весьма важны для изучения ранневизантийского культурного синтеза, нашедшего одно из самых интересных воплощений у авторов Газской школы V–VI вв.

Н.А. Богомаз

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Военный эдикт Анастасия I в контексте Исаврийской войны

Неожиданному воцарению придворного силенциария Анастасия в 491 г. предшествовал ряд проблем, которые предстояло решить новому императору¹. «Национальная» партия была недовольна засильем исавров, проникших в столицу при посредничестве императора Зенона, которые к тому времени обрели серьезный вес в восточно-римской политике. Ряд жестких последовательных мер Анастасия по решению исаврийского вопроса привел не только к восстанию, но и к затяжной войне, длившейся долгие шесть лет (Malal. XVII.36)². Стараясь наладить порядок в армии, Анастасий в самом начале Исаврийской войны провел ряд экономических и военных реформ, призванных искоренить коррупцию и торговлю должностями среди офицеров (Cod. Just. 12.37.16–19)³.

В Памфилии, граничившей с Исаврией, были расквартированы легионы, находившиеся под личным командованием императора – презентальные войска (Cod. Just. 12.35.18). Именно здесь в 1974 г. во время раскопок в Перге, проведенных под руководством профессора Стамбульского университета Ариффа Мюфит Мансела, было найдено около 800 фрагментов трех мраморных плит⁴. После его смерти раскопки возглавила профессор Жале Инан, под руководством которой в 80-х гг. эти находки были дополнены еще 40 фрагментами. Эпиграфический анализ надписи в 1988 г. провел Санджар Шахин, который определил документ именно как военный эдикт Анастасия I

¹ *Nicks F.* The Reign of Anastasius I, 491–518. Oxford, 1998.

² *Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I.* Thurn [CFHB]. Berlin; New York, 2000.

³ *Codex Justinianus / Ed. P. Krüger.* T. I–II. Berolini, 1906.

⁴ *Kaygusuz I.* Perge unter Kaiser Tacitus Mittelpunkt der Welt // *Epigraphica Anatolica.* 1984. Vol. 4. P. 1–4.

Дикора¹. Этот эдикт следует датировать периодом Исаврийской войны (492–498), поскольку он был адресован «преданнейшим и отважнейшим» воинам императорских презентальных легионов и призван навести порядок в рядах войск, которым предстояло положить конец исаврийскому восстанию (о нем же говорится и в «Панегирике Анастасию» латинского грамматика из Константинополя Присциана).

Текст эдикта был издан в форме речи (σέρμων), содержащей волю императора. Впоследствии σέρμων в виде письма был направлен в канцелярию *magister militum praesentalis*, и его приказанием была определена мера ответственности за его нарушение. Приказ командующего войсками повторяет содержание σέρμων Анастасия. Он без изменения провозглашает закон в собственной формулировке, но с некоторыми дополнениями, например, грозя изгнанием из армии и смертной казнью за несоблюдение закона². Греческий перевод текста эдикта был выбит на трех каменных плитах из превосходного мрамора и установлен в штаб-квартире презентальных войск в Перге. Буквы прорисовали красным и синим цветом. Эта надпись представляет собой высокое качество эпитафического материала той эпохи.

Судя по всему, эдикту предшествовала некая жалоба от солдат, на которую в своем обращении ссылается император. Эта жалоба отражала актуальную на тот момент ситуацию в армии и свидетельствовала о ломке традиционной римской системы, что было усугублено последствиями правления исаврийской элиты.

Согласно древним традициям, в римской армии назначения на определенную должность осуществлялись при должном учете заслуг, труда и выслуги лет. Помимо этого получить должность можно было в течение установленного периода. Надпись из Перге говорит о том, что такая практика была подвергнута искажению. В описании были приведены такие слова как: *αυβίτιων* (проплаченное посредничество), *πουνρία* (беззаконие) и *ηδουαθια* (алчность). Анастасий подчеркивает, что определенные люди в течение короткого периода времени, будучи весьма молодыми выходцами из низших классов, благодаря своим сослуживцам, получили высокие должности. За исключением этого меньшинства остальные воины были измотаны тяжелым трудом и лишены наград, заработанных собственными силами, и в результате вынуждены были умереть в нищете, оставив свои семьи без средств к существованию.

В своей речи (σέρμων) Анастасий объявил о реорганизации выплат анноны и капиты всем высшим офицерам, упорядочил процедуру получения должности и порядок увольнения со службы. Пытаясь пресечь торговлю должностями, Анастасий приказал, чтобы в подразделениях было выявлено действительное число солдат, а нехватка была заполнена соответствующим

¹ Şahin S. Pamphylia'da Epigrafi ve Tarihi Coğrafya Araştırmaları // Araştırma sonuçları toplantısı. 1988. № 6. P. 255–256.

² Onur F. The Military Edict of Anastasius from Perge: A Preliminary Report // Le métier de soldat dans le monde romain. Actes du cinquième Congrès de Lyon (23–25 septembre 2010). Lyon, 2012.

количеством, которое приказано было поддерживать в полном составе, согласно изданным нормам.

Эдикт Анастасия как мера, принятая не для того, чтобы пресечь *αμβίτιον* и *δυναστεία*, но чтобы навести порядок и, в конечном счете, построить общий мир в империи, безусловно, имела успех. Реорганизованная армия сумела продержаться и выстоять затяжную войну, а кроме того, была готова противостоять новым внешним и внутренним проблемам. Император Анастасий оправдал оказанное ему доверие и оставил после себя империю более сильной как в военном, так и в финансовом отношении (Procop. H.A. 19.7).

Н.Н. Болгов

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

«Последний схолярх» Стефан Александрийский и круг его знания

Стефан Александрийский - одна из ключевых фигур культурной жизни и мысли «поздней Поздней античности» (late Late Antiquity, 2 пол. VI – 1 пол. VII вв.). Родился, видимо, в Афинах ок. 550-555 гг., умер в Константинополе после 620 г.

Это был питомец Александрийской философской школы,¹ один из образованнейших людей своего времени, близкий к кружку Иоанна Филопона, христианин (Ioh. Mosch., PG 87.3: 2929D). Рукописи называют его *φιλόσοφος*, *μέγας φιλόσοφος*, *οἰκουμηνικός* (*καθολικός*) *διδάσκαλος*, *οἰκουμηνικός φιλόσοφος*. Он преподавал философию Аристотеля и Платона, а также медицину, математику, астрономию, музыку. Возможно, Стефан был одним из последних (до арабов) руководителей Александрийской философской школы. Христианизация этой школы шла постепенно, начиная с Петра Монга (480-е гг.), заключившего соглашение со схолярхом Аммонием об удалении элементов и практик языческих культов из школы, и о сохранении философского содержания преподавания.

В отличие от Афин, в Александрии на протяжении всего позднеантичного периода устойчивый поток христианских студентов продолжал течь в различные языческие школы. Александрийский клир ответил на этот вызов времени, создав, по словам Э. Уоттса, «схоластическую общность» *φιλοπόνοι* («трудолюбив») для установления институциональных связей между языческой философской школой и христианской духовной культурой. Эти «активисты» следили за тем, чтобы, обучаясь в философских школах, студенты-христиане не возвращались бы в язычество. Были также реформированы философские учебные программы таким образом, чтобы обеспечивать потребности христиан. С середины VI в. Александрийскую философскую школу окончательно

---

¹ *Watts E.J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria / The Transformation of the Classical Heritage 41. Berkeley - Los Angeles, 2006. P. 257-261.*

возглавили христиане (Элий). Следовательно, запрос населения на прямое закрытие классических школ был невелик. Преподаватели, которые понимали это и работали, не угрожая христианам, процветали.

Стефан учил в Александрии приблизительно до 610 или 618 г., когда он был призван императором Ираклием (610–641) на должность «государственного» преподавателя в Константинополь.¹ В столице ученый читал лекции о Платоне и Аристотеле, преподавал квадривиум, скорее всего, в Императорском «университете», основанном в 425 г.²

Точный список работ Стефана все еще не установлен. Большинство его сочинений до сих пор не имеют научного комментированного издания.

Как *философ* он написал комментарии к нескольким трактатам Аристотеля (наиболее важный – «Об истолковании»), и к «Введению» Порфирия.

Его главными сохранившимися произведениями считают обычно *медицинские* сочинения - комментарии к «Прогностикону»³ и к «Афоризмам»⁴ Гиппократов, а также к «Терапевтике» Галена (в названиях которых Стефан именуется Афинянином). Он написал также оригинальный трактат о воздействии лекарств на больных лихорадкой.

Как *астроном* Стефан написал комментарий к трактату Феона Александрийского «Объяснение метода удобных таблиц Феона посредством индивидуальных приемов» (фактически – труд по церковному календарю и хронологии), а также комментарий к трудам Птолемея, неверно приписываемый Иоанну Цецу.

Неаутентичен *астрологический* трактат (реально ок. 775 г.) с гороскопом, якобы предсказывающим судьбу династии Мухаммада и будущее Византии. Подлинных астрологических сочинений Стефана не сохранилось.

Стефан разрабатывал общие теоретические положения *алхимии*, которые он изложил в девяти лекциях («Девять уроков химии»), и в трактате «Об изготовлении золота», где нашла отражение концепция о циклическом движении Солнца, Луны и планет вокруг Земли. Несмотря на заглавие, в ней нельзя найти сведений о способе производства золота. Несколько других алхимических работ, сохранившихся под его именем, сомнительны.

Несмотря прозвище Математик и известность в качестве такового, специальных *математических* работ Стефана до нас не дошло, как и по другим областям его преподавательской деятельности.

---

¹ Westerink L.G. Prolegomenes a la philosophie de Platon. Paris, 1990. P. XL; Лемерль П. Первый византийский гуманизм. СПб., 2012. С. 114.

² Schemmel, Fritz. Die Hochschule von Konstantinopel vom V. bis IX. Jahrhundert / Wissenschaftliche Beilage zu dem Jahresbericht des Konigl. Wilhelms-Gymnasiums in Berlin, 1912.

³ Stephanus the Philosopher: A Commentary on the Prognosticon of Hippocrates / Ed. J. Duffy. Berlin, 1983.

⁴ Stephanus of Athens: Commentary on Hippocrates' Aphorisms / Ed. L. Westerink. Berlin, 1985.

Специальных работ о Стефане до сего дня существует совсем немного¹.

В своих комментариях к Аристотелю Стефан безусловно следовал христианскому преподаванию и признавал авторитет Библии. В то же время, он подтверждал представление Аристотеля о вечности мира и другие ключевые доктрины традиционной философии. В Стефане, как видно, сочетались языческая доктрина и филопоновские устремления. Он был христианским схоляром, учившим классической философии традиционным способом.

Стефан фактически стал «последним схоляром» античности, подобно «последним римлянам» или «последним эллинам». Его нарочитая научная эклектика (философ, врач, математик, астроном, астролог, алхимик) вполне элиминируется тем, что он был, в первую очередь, преподаватель, а не теоретик. Поэтому не глубина научного поиска, а гибкость и разносторонность в целях адаптивного преподавания делают Стефана одной из наиболее крупных фигур ранневизантийской высшей школы конца VI–VII вв. Приглашение в столицу от лица императора для преподавания говорит здесь о многом.

Для данного периода сопоставимой фигуры того же масштаба мы не знаем. Поэтому, в плане изучения культурного континуитета между античностью и средневековьем, такая компилятивно-схоластическая, но, вместе с тем, традиционная ученость в канун «Темных веков», когда активно шла медиализация картины мира и знания, вызывает неподдельный интерес.

А.М. Болгова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

К проблеме закрытия Афинской философской школы в 529 г.

Ранневизантийская высшая школа, как известно, в целом сохраняла позднеантичный облик, классический по содержанию. Однако, с конца V в. началась ее христианизация в области управления и задач деятельности. Философские школы, не поддавшиеся христианизации и последовательно позиционировавшие себя как «эллинистические», рано или поздно сошли с исторической сцены. Наиболее важное значение среди них в V–VI вв. имела неоплатоновская Академия в Афинах². Однако акт ее закрытия императором Юстинианом в 529 г. вызывает ряд вопросов.

В историографии вполне определенно считается, что закрытие Академии имело важнейшие последствия – ликвидацию классической высшей школы как

---

¹ *Usener H.* De Stephano Alexandrino. Diss. Bonnae, 1880; *Wolska-Conus W.* Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie // *Revue des études byzantines.* 47. 1989. P. 5–89.

² *Schemmel F.* Die Hochschule von Athen im IV. und V. Jahrhundert p. Ch. n. // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik.* 1908. Bd. 22. S. 494–513.

институции и окончательное искоренение язычества¹. Однако, как нам представляется, это локальное событие вряд ли само по себе могло вызвать столь радикальные последствия.

Рядом законов, которые образуют симметричный ответ «школьным законам» Юлиана, Юстиниан лишил язычников возможности обучать, чтобы «не привлекать к своим ошибкам простые души» (СЛ. 5.12.18; I. 11.9.10). «Мы запрещаем давать какие-либо уроки тем, кто одержим языческим безумием» (I.11.10). Однако, эти законы конкретно с Афинской школой не связаны, хотя она и подпадает под их действие.

Непосредственно об Академии с датировкой события говорит Иоанн Малала (Malal. XVIII.47)²: «В консульство ... Декия [529 г.] василевс послал в Афины указ, приказав, чтобы никто не преподавал философию, не толковал законы ($\nu\omicron\mu\iota\alpha$ ἐξηγεῖσθαι), и не устраивал игрального притона ни в одном из городов... как в Византии...». Й. Турн³ это место исправил на «толкование астрономии» ($\alpha\sigma\tau\rho\nu\nu\omicron\mu\iota\alpha\nu$ ἐξηγεῖσθαι). Контекст сообщения охватывает и другие города в связи с прецедентом, случившимся в Константинополе. «Толкование астрономии» приравнивается к деятельности игральных притонов – то есть, обману обывателей и незаконной наживе. Действительно, толкование законов сюда не вписывается по смыслу. Кроме того, эта сфера всегда находилась под особым контролем государства: преподавать и толковать законы можно было только в опекаемых государством школах в Константинополе и Бейруте. Конъектура Турна снимает данное противоречие. Таким образом, преподаватели философии в Афинах образуют единый ряд с гадателями, астрологами и содержателями игровых притонов по всей империи. Изгнание вышеупомянутых категорий, причем именно в таком сочетании, не раз имело место в истории Рима.

Закрытие Афинской школы также находилось в рамках общей религиозной политики Юстиниана по окончательному вытеснению из общественной и культурной жизни «эллиниствующих», т.е. последних язычников⁴. Настоящие гонения на языческих преподавателей в Константинополе произошли в 546 г. (Procop. HA. XI.31), а в 562 г. – в целом на «эллинов», что сопровождалось сожжением неудобных книг. Антиязыческая государственная политика проводилась в VI в. жестко, последовательно и системно.

¹ Самодурова З.Г. Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 498; Светлов Р.В., Лукомский Л.Ю. Дамаский Диадох как представитель афинской школы неоплатонизма // Дамаский Диадох. О первых началах. СПб., 2000. С. 759–772.

² См.: Watts E. Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529 // The Journal of the Roman Studies. 2004. Vol. 94. P. 168–182.

³ Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Thurn [CFHB]. Berlin; New York, 2000.

⁴ Ведешкин М.А. Язычники Восточной Римской империи в VI в. // Классическая и византийская традиция, 2014. Белгород, 2014. С. 228–234; Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010. С. 111–118.

Афинская школа традиционно поддерживалась языческой муниципальной элитой города. Но в это время уже совершается драматический переворот в муниципальной организации, и в городе получают перевес епископы и священники. Преподаватели в городах находились на содержании муниципальных советов, еще по конституции Антонина Пия, подтвержденной Константином (СЖ. X.53.6). Поэтому власти Афин были обязаны в ответ на императорскую политику принять местный закон о лишении преподавателей финансового обеспечения, прямо не закрывая школу. Кроме того, приблизительно в это же время городские советы лишаются материального основания, финансовые вопросы переходят под контроль государства¹, активно ведшего многочисленные войны.

Создается впечатление, что преподаватели Академии какое-то время провели в ожидании лучших времен, но они не наступили. Тогда схолярх Дамаский и шесть его коллег через два года, в 531 г., приняли решение уехать в Персию (Agath. Hist. II.30).

Итак, какого-либо специального эдикта по поводу закрытия Академии (несмотря на множество правовых документов, кодификацией которых занимался Юстиниан) не существует. Поэтому мы должны поддержать мнение о том, что Юстиниан не закрывал собственно и специально Афинскую школу². Это закрытие стало скорее следствием общей политики императора. Уже К. Крумбахер предостерегал от преувеличения роли данного события. Эпизод 529 г. стал лишь звеном в целой цепи последовательных явлений, которые в своей совокупности радикально изменили Средиземноморский мир, изъяв из него открытое «эллинство». Р.В. Светлов назвал эпоху закрытия Афинской школы «печальными временами» для классического знания. Но сам этот факт был не столь важен в контексте более общего процесса неуклонной медиевализации сознания и знания.

---

¹ Серов В.В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект // ВВ. 2001. 60 (85). С. 48–50.

² Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley; Los Angeles, 2006. P. 137; Cameron A. The Last Days of the Academy at Athens // Proceedings of Cambridge Philological Society. 1969. Vol. 195. P. 7–29; Blumenthal H.J. 529 and its Sequel: What Happened to the Academy? // Byzantion. 1978. T. 48. P. 369–375; Fernandez G. Justiniano y la clausura de la escuela de Atenas // Erytheia. 1983. № II.2. P. 24–30; Hallstrom G. The Closing of the Neoplatonic School in A.D. 529: An Additional Aspect // Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A.D. 267–529. Helsinki, 1994. P. 141–160; Beaucamp J. Le philosophe et le joueur. La date de la fermeture de l'école d'Athènes // Mélanges Gilbert Dagron / Travaux et Memoires. 2002. T. 14. P. 21–35.

С.Г. Бочаров

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Спор между иерархами Херсонской, Сугдо-Фульской и Готской митрополий о приходах Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.). Возможные причины конфликта *

Район Южного берега Крыма слабо освящен в письменных источниках XIII–XV вв. Не удивительно, что единичные свидетельства о регионе привлекают внимание исследователей и по-разному трактуются. Настоящий доклад посвящен событиям, нашедшим отражение в пяти актах Константинопольского Патриархата (CCCLV – 1382 г., CCCLXVII – 1384 г., CCCLXVIII – 1385 г., CCCLXX – 1386 г., CCCCXIX – 1390 г.). В кратком изложении суть конфликта, выносимого на синодальный суд трех патриархов, заключалась в захвате митрополитом Херсонским двух приморских приходов, ранее входивших в митрополии Готскую (округ Элисс), а также в Сугдейскую и Фульскую (округ Кинсанус). Первые попытки проникновения священнослужителей Херсонской митрополии в округа Элисс и Кинсанус относились ко времени патриарха Филофея (1364–1376) и были остановлены специальной патриаршей грамотой. Несмотря на это, следующий патриарх Макарий (1376–1379) выдает митрополиту Херсонскому синодальный документ на право владеть округами Элисс и Кинсанус. При следующем патриархе Ниле иерархи Готский и Сугдо-Фульский пытаются отстоять свои законные права и вернуть отобранные у них округа. Прекрасно понимая законность требований двух иерархов и отменяя постановление Макария («грамота отрезает большую часть святейшей митрополии Готфийской, да отрывает другую не малую часть от Сугдейской, и прикладывает к Херсонской церкви»), Нил принимает странное половинчатое решение, возвращает округ Эллис Сугдейской и Фульской митрополии и, с согласия Готского иерарха, оставляет Кинсанус митрополиту Херсонскому под угрозой забрать его в случае расширения претензий Херсонского митрополита на новые земли Готской епархии. Далее события развиваются в еще более странном направлении. В 1390 г. в период своего второго правления патриарх Макарий возобновляет свой акт, отмененный при Ниле, повторно и безоговорочно отдает округ Эллис и Кинсанус в управление Херсонской митрополии.

Первый вопрос, на который необходимо ответить в поиске причин данного церковного конфликта: где располагались оспариваемые округа? Селения, входившие в Кинсанус, указаны сразу в двух актах. В акте CCCLXVII 1384 г. указаны Сикита, Парфенита, Лампада, Алушта, Фуна и Алания. В акте CCCCXIX 1390 г. – Фуна, Алания, Алушта, Ламбадо-Парфенита, Сикита с Хрихарем, которые названы «прибрежными местами». Здесь нет смысла

---

* Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ им. М.В. Ломоносова).

останавливаться на вариантах локализации топонимов Алания и Хрихарь. Но в целом понятно, что этот округ располагался в восточной части Южного берега Крыма и занимал территорию протяженностью около 30 км от современного поселка Никита до Алушты. Селения, входившие в Элисс, не названы в документах, и определить его точные границы на сегодняшний день невозможно. По косвенным данным можно предположить, что округ граничил с Кинсанусом и занимал территории побережья Юго-Восточного Крыма с населенными пунктами сельской округи Сугдеи от селения Сдафо (Сотера) далее на восток примерно до селения Деспитра (Туак, Рыбачье). Видимо, два исследуемых приморских округа граничили друг с другом.

Второй вопрос: почему, игнорируя определенную священными правилами норму, «чтобы приходы каждой епархии были неотъемлемы, особенно если есть уже тридцатилетнее владение», митрополит Херсонский стал отнимать округа, расположенные на значительном расстоянии от границ его диоцеза? По нашему мнению, ответ следует искать в изменении в это время политических границ в исследуемом регионе, которое сделало возможным и пересмотр границ церковных.

В середине XIII в. эта территория с византийским (греческим) земледельческим населением переходит под юрисдикцию монгольского государства. Войдя в состав Монгольской империи, селения округи Херсонеса, Сугдеи и Южнобережья сохранили традиционную византийскую схему местного самоуправления. Неизменной осталась и церковная иерархия: регион продолжал входить в Херсонскую, Сугдейскую и Фульскую, Готскую митрополии Константинопольского патриархата.

Процесс перехода Южного берега от Золотой Орды к Генуэзскому государству во второй половине XIV в. займет около сорока лет. В первую очередь, генуэзцы обосновались в административном центре Готии (сарт Gotie) городе Чембало (совр. Балаклава). Первое упоминание о генуэзском консуле в Чембало относится к 1347–1349 гг. В 1357 г. консул Симоне дель Орто проводит фортификационные работы в городе. Одновременно с захватом в 1365 г. Солдайи и ее сельской округи из 18 деревень была сделана попытка силового присоединения к генуэзским владениям и селений Южнобережья. *Де факто* уже в 1374 г. чиновниками Каффы проводится инспекция селений Готии для определения размера налогообложения населения побережья. *Де юре* ситуация разрешается в 1380 г., когда территории Южного берега Крыма выводятся из протектората Золотой Орды и официально переходят под власть Генуи, что было закреплено договором от 27 ноября 1380 г.

В соответствии с пунктами договора, генуэзским властям, помимо городов Солдайи и Чембало, восемнадцати деревень округи Солдайи, переданы селения (casalii) Готии: Fori (Форос), Chinicheo (Кикенеиз), Lupico (Алупка), Muzacori (Мисхор), Orianda (Ореанда), Jallita (Ялта), Sikita (Никита), Gorzouium (Гурзуф), Partenite (Партенит), Lambadie (Кучук-Ламбат), Lusta (Алушта).

Вооруженный конфликт 1385–1386 гг., получивший название «Солхатская война», был финальным этапом долгого противостояния. Греки побережья в этом

конflikте принимают сторону ордынцев. Один из эпизодов конфликта – восстание в 1386 г. населения Готии, на подавление которого из Каффы был послан военный корабль. Окончание «Солхатской войне» положил мирный договор, заключенный 12 августа 1387 г., который, среди прочих пунктов, окончательно закрепил права коммуны Генуи на Чембало и селения Южного берега Крыма, а также Солдайю с деревнями ее округа.

В заключение отметим, что к началу XIV в. самая чтимая, старейшая, когда-то богатая и населенная епархия в Крыму осталась «бедна, находится без средств и в нуждах». Когда город исчез Херсонес, население перемещается в новые поствизантийские городские центры, которые развивались в Юго-Восточном Крыму на территории Готской митрополии. К середине XIV в. ситуация изменяется, в диоцезе развивается город Чембало, именуемый «глава Готии», и митрополиты Херсонские пытаются и, в конечном итоге, добиваются расширения своих владений за счет приморской Готии. При этом они удачно используют в своих интересах смену политических границ и изменение статуса прибрежных территорий от Чембало до Солдаи как новых владений Генуэзской республики. Легализует захваты территорий прибрежных приходов в обход всех установленных положений и церковных норм патриарх Макарий – ставленник лояльных к генуэзцам императоров Андроника IV и Иоанна VII Палеологов. Скорее всего, латинские официалы Каффы поддерживают сомнительные с точки зрения церковных уложений действия Херсонских иерархов или, по крайней мере, им не препятствуют.

Е.В. Булдакова

*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
(Краматорск)*

К вопросу об устройстве христианского мира: общее и разное в западной теории «двух мечей» и византийской концепции «симфонии властей»

Уже на начальном этапе формирования христианского общества в пределах Римской империи представления о его устройстве были достаточно разными. Основу восточно-ромейской политической теории заложил Евсевий Кесарийский (260– 340) в сочинении «Церковная история». Кульминационной точкой человеческой эволюции ученый считал создание христианской империи Константином Великим, которую он называл богоизбранным государством, направленным к особой иррациональной цели – вечному спасению души. Такое предназначение требовало формирования иного способа осуществления власти: новая система должна была включать две составляющие – духовную и светскую, слитые в «симфонию». Дирижером «симфонии» Евсевий видел императора, выполняющего функции мирского правителя и главы Церкви, получившего власть от Творца.

Столетием позже появился трактат «О Граде Божьем», автором которого являлся епископ Августин Блаженный (354–430). Идеи, изложенные в нем, стали основой развития политической мысли на западе Европы. В рамках учения об универсальной и всеобъемлющей христианской вселенной Августин особую роль отвел Церкви. Но при этом он не потребовал для нее права верховной власти, тем более, в лице римских епископов (для Августина Церковь всегда оставалась соборной). В соответствии с его рассуждениями, человечество до времени Страшного Суда должно хранить существующую организацию: объединяться одной верой и управляться одним царем, власть которого установлена Богом. Августин учил, что церковная и светская власти имеют разные сферы деятельности и влияния, и каждая из них суверенна. Никаких выводов о подчинении власти государей Церкви, а также о необходимости наделения церковной иерархии светской властью, Августин на страницах своего произведения не делал.

В конце V в. политическая концепция Августина в части, посвященной осуществлению власти, была уточнена папой Геласием I (492–496), который желал четко определить сферы юрисдикции светской и духовной властей и принципы их взаимодействия в условиях распада Западной Римской империи и возвышения Константинополя. Свои мысли Геласий изложил в письме (491 г.), адресованном византийскому императору Анастасию I. Согласно толкованию этого папы, власть изначально была разделена на земле Христом, и ни одна из ее двух частей не имела приоритета. И хотя духовная власть представлялась Геласию более важной, тем не менее, он высказывал согласие следовать Божественному установлению.

В послании Геласий также обратился к проблеме организации института Церкви. По утверждению понтифика, главой христианской Церкви должен быть признан римский епископ. За римской кафедрой следовало закрепить право принимать решения без учета мнения соборов и функцию верховного апелляционного суда. Кроме того, римский епископ наделялся правом назначать и увольнять других епископов, а также контролировать их деятельность. В соответствии со своим основным содержанием, учение Геласия I получило название теории «двух мечей». Политические претензии этого понтифика были оценены 13 мая 495 г.: на соборе 70 епископов в Риме он стал первым из римских пап, кого приветствовали в качестве «наместника Христа» на земле.

В свою очередь, концепция «симфонии властей» получила развитие в Новеллах Юстиниана I (527–565). Содержание 6-й новеллы Юстиниана тождественно тому, что утверждал Геласий I в части учения, посвященной сферам деятельности и отношениям между властями. 131-я новелла провозглашала, что церковные правила имеют силу государственных законов, но до этого, в 105-й статье Юстиниан объявлял о том, что все законы Бог подчинил императору. Юстиниан также считал своим правом решать вопросы, связанные с догматикой, руководством и судопроизводством в Церкви. Так, в рамках концепции «симфонии властей» им был сформулирован принцип

цезарепапизма. Цезарепапизм получил развитие в период правления Исаврийской династии (717–802), о чем свидетельствуют некоторые статьи «Эклоги». Здесь имеют место категорические формулировки, определяющие статус византийского императора в системе управления христианским государством: «я – царь и священник», «царь есть и епископ Церкви, его воля – канон для Церкви», «царский закон, или канон, есть откровение самого Бога».

Восстановление императорской власти на Западе представителями династии Каролингов повлекло за собой изменение представлений о власти. Карл Великий (747–814) сформулировал собственную концепцию организации христианского общества. Опираясь на учение Августина и теорию Геласия, Карл декларировал альянс светской и папской власти, но при этом настаивал на праве верховенства первой. Он не ставил себя во главе Церкви, и не эксплуатировал идею божественности персоны царя, как это делал Юстиниан, но предпочитал опираться на библейскую историю о двойственной природе Христа. О своих претензиях Карл заявил в преамбуле к собранию королевских актов, известных под названием «Всеобщее наставление» (789 г.). Кроме того, свое право определять закон, как для мирских, так и для духовных слоев Карл Великий обосновал в письме 796 г., адресованном римскому папе Льву III (795–816). Он утверждал, что задача короля – охранять, защищать и управлять Церковью, дело же Папы – молиться за нее.

Очередные коррективы в концепцию «симфонии властей» были внесены в эпоху Македонской династии (867–1056), что нашло свое выражение в статьях «Исагоги»: «необходимейшие части государства – царь и патриарх», «согласие во всем царства и священства составляют душевный и телесный мир, и благоденствие», «царь – законная главенствующая власть; он есть судия и хранитель божественного права» (тит. II, гл. 1–3); «царь должен исповедовать воплощение двух волей и двух потенций – божественной и человеческой» (тит. II, гл. 5). Статьи III титула определяли положение Константинопольского патриарха в системе власти. Главы 5 и 8 провозглашали его толкователем церковных правил и членом церковно-государственной организации, равным императору. В главах 9 и 10 вводился закон, по которому византийские иерархи признавались нижестоящими по отношению к Константинопольскому патриарху: так, в восточную «симфонию властей» внедрялся западный принцип управления институтом Церкви. Исходя из определений судебных прав Константинопольского патриарха, можно сделать вывод, что «Исагога» предупредила появление догмата о папской непогрешимости. Т.о., классическая «симфония властей», опирающаяся на принцип равенства царства и священства, в рамках которого император признавался не только главой государства, но и церкви, была заменена на «симфонию», предполагающую равенство царства и Константинопольского патриарха. Уравнение политических позиций патриарха и папы стало одной из основных причин Великой Схизмы.

М.Н. Бутырский

Государственный музей Востока,

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Экспедиция Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину (1891 г.) по данным архивных источников

В 1891 г. состоялась экспедиция ИППО на Ближний Восток, принесящая первый опыт практической научной деятельности российских ученых на Святой Земле. Во главе ее был поставлен Н.П. Кондаков, к этому времени уже зарекомендовавший себя одним из лучших в России специалистов по византийско-христианским древностям.

Экспедиция проработала на Востоке менее пяти месяцев (август-декабрь 1891 г.). Несколько последующих лет Кондаков трудился над составлением отчета для ИППО о результатах выполненных исследований, однако издан он не был, а полностью материалы экспедиции были введены в научный оборот лишь с выходом его монографии «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (1904 г.). История деятельности экспедиции на Ближнем Востоке и работа над публикацией ее итогов отражены в следующих архивных материалах: письма и инструкции ИППО, экспедиционный дневник Н.П. Кондакова, его записные книжки за 1889–1892 гг., письма Я.И. Смирнова, участника экспедиции (СПб ФА РАН); письма Н.П. Кондакова, В.Н. Хитрово, Я.И. Смирнова к И.В. Помяловскому (ОР РНБ); документы ИППО, касающиеся экспедиции 1891 г., письма Н.П. Кондакова к руководителям ИППО (АВПРИ). Эти документы содержат ценную информацию о том, как и почему изменялись продолжительность и маршрут экспедиции, каких результатов ждал от нее сам Кондаков и что считал главными ее достижениями, а также как складывались его отношения с заказчиком исследований в Святой Земле – ИППО в лице В.Н. Хитрово, повлиявшие на длительную задержку публикации материалов.

Маршрут, цели и задачи экспедиции формулировались ИППО достаточно общо: «исследование и описание древнехристианских и византийских памятников и древностей в Святой Земле, Петре Аравийской и Заиорданье» с августа 1891 по январь 1892 гг. Ей поручалось «снять планы архитектурных памятников, акварельные и фотографические виды в целом и деталях, а также описать и эстампировать надписи и архитектурные украшения»¹, произвести археологические разведки в Петре и раскопки в Иерихоне.

В письме ИППО от 25 июля 1891 г. русскому генконсулу в Иерусалиме С.В. Арсеньеву маршрут поездки описан так: «Экспедиция предполагает около 1 сентября выехать из Бейрута, направляясь на Сайду, Тир, Баниас, Заиорданье до Петры и южную Палестину, что займет приблизительно время около 2 месяцев. Затем из Иерусалима проехать Самарию и Галилею»². В качестве

¹ СПб ФА РАН, ф. 115, оп.3, д. 147.

² АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 597, 31.

крайних пунктов назывались восточные города Заиорданья и Эль-Ариш на Синае.

26 августа экспедиция высадилась в Бейруте, однако ее дальнейший маршрут сильно отклонился от запланированного. Полной неожиданностью для В.Н. Хитрово стало посещение Хаурана. В письме от 19 сентября 1891 г. И.В. Помяловскому он писал: «Сейчас получил от Н.П. Кондакова письмо ... они выступили из Бейрута в Хауран ..., который в программу не входил. Глубоко сожалею о сем последнем... Еще более сожалею, что Н.П. считает нужным делать то, что ему хочется, а не то, что обществу. Будущее покажет, кто был прав»¹. Сам Кондаков так объяснял изменение маршрута: «Я решился идти в Гауран ... потому что там экспедиция сразу станет на почву исследования, так как, со времен Вогюэ, там не было археолога, и были только эпиграфисты»². Изыскания в Св. Земле и Заиорданье пришлось из-за холерного карантина ограничить, не заходя за Мертвое море и не посетив ни Петру, ни Мшатту. Конечным пунктом маршрута вынужденно стал Иерусалим, где путешественники провели около полутора месяцев. Кондаков поначалу досадовал на это: «теперь нам ничего не осталось делать, как заняться в Иерусалиме ... очень для меня горько, ибо, забравшись сюда, я хотел по крайней мере побывать там, где другие не бывали ... Теперь я помирился с обстоятельствами, и проработав две недели, вижу, что и здесь многое можно было сделать, что и сделано отчасти. Итак, это утешение, хотя и неполное»³.

Научный багаж экспедиции получился весьма обширным. По словам самого Кондакова, главная работа была проведена в Хауране, Герасе, Аммане, а также Иерусалиме и Иерихоне. В кратком отчете Великому князю Сергею Александровичу (4 ноября 1891 г.) он четко назвал приоритеты экспедиционной работы: «Православному Палестинскому Обществу – можно сказать с уверенностью – будут принадлежать первые точные и полные снимки всех главнейших памятников христианства в Гауране... Ваше Императорское Высочество изволите усмотреть из моего донесения, что детальная съемка памятников была принята нами за основную задачу экспедиции... Силы экспедиции, снаряженной Православным Палестинским Обществом, дозволили исполнить эту задачу достойным образом. Снимки нашей экспедиции, числом около 600, послужат в руках Общества обширным материалом для изучения»⁴.

С 1892 г. Кондаков начал работать над экспедиционным отчетом для ИППО. Этот труд был завершен к июлю 1894 г., но так и не был напечатан, к недоумению Кондакова. Причина тому – резко отрицательное отношение В.Н. Хитрово, еще 8 ноября 1893 г. писавшего Помяловскому: «... на меня, судью некомпетентного, отчет этот произвел безотрадное впечатление ... Была ученая экспедиция, о ней забыли или, что еще лучше, она перешла в легендарную область. Теперь мы издаем Труды первой русской ученой экспедиции в Палестину ... и даже самый беспристрастный судья скажет: или

¹ ОР РНБ, Ф. 608, оп. 1, д. 1388, 45об.

² АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 597, 46.

³ АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 597, 57-58.

⁴ АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 597, л. 51-56об.

Зайорданье громадный humbug, или Н.П. с ним не справился, но, во всяком случае, виновато общество, во 1-х, зачем не знало Зайорданья, а во 2-х, зачем посылало Н.П., а в 3-х, так вот какие результаты дала первая русская ученая экспедиция. Прав я или нет, находя, что лучше замолчать дело, тем более что имеем весьма удобную и вескую оговорку в болезни Н.П., чем выставлять на суд научный и его, и нас...»¹

В результате материалы экспедиции были введены в научный оборот лишь в 1904 г., когда под грифом «напечатано по распоряжению Императорской Академии наук» вышла монография Н.П. Кондакова «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине».

Н.И. Быстрицкий

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

100-й том «Византийского временника»*

«Византийский временник» (ВВ), один из старейших российских академических журналов гуманитарного профиля, подошел к очередному знаменательному событию своей истории – выходу 100-го тома. Орган отечественных византистов сыграл важную роль в организации и развитии отечественного и международного византиноведения и медиевистики. И сегодня Временник остается на передовом рубеже международных византиноведческих исследований.

В конце XIX в. оформилось международное научное сообщество в области византийских исследований, деятельность которого потребовала установления прогрессивных форм обмена научными результатами. Отвечая запросам времени, практически одновременно в Европе и России появляются периодические печатные издания по византийской тематике.

В начале 1893 г. академик В.Г. Васильевский и его ученик, приват-доцент Санкт-Петербургского университета В.Э. Регель, выступили с инициативой учреждения при Императорской Академии Наук специального периодического издания для публикации работ по истории Византии². Основными задачами журнала являлось «удовлетворить давно уже сознававшуюся научную потребность и вместе с тем внести единство и систему в византийские занятия в

¹ ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, № 1389, 11-12.

* Исследование подготовлено в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

² *Медведев И.П.* Архивные материалы по истории «Византийского временника» в Санкт-Петербурге // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического Института в Константинополе (Санкт-Петербург, 24–26 мая 1994 г.). М., 1994. С. 93.

России»¹, а также «проникать в различные слои и классы русского образованного общества, служить центром объединения для всех русских ученых сил и прямо содействовать их союзу и дружной работе в данной области»². Уникальность издания обозначилась в его объединительной роли по отношению к исследователям Византии не только в России, но и по всему Христианскому Востоку, прежде всего, в Греции и Османской империи. В этом ключе видится не совсем корректным высказывание И. Шевченко о том, что Временник «во всех отношениях явился виртуальным клоном» основанного годом ранее мюнхенского журнала «Byzantinische Zeitschrift»³.

Первый том Временника вышел в 1894 г. в Санкт-Петербурге в 4-х выпусках. В дальнейшем на протяжении двадцати лет тома выходили практически регулярно, а их распространение велось как в России, так и за рубежом. В числе авторов журнала насчитывались видные отечественные и зарубежные историки. За этот непродолжительный период Временник добился признания и уважения ученых всего мира. Последовавшие годы потрясений (Первой мировой войны, революции, гражданской войны) оказались крайне неблагоприятными для научной деятельности, что не могло не отразиться на судьбе журнала. В тяжелейшие послереволюционные годы, благодаря усилиям академика Ф.И. Успенского, удается возобновить выход журнала и выпустить еще 3 тома. Со смертью Ф.И. Успенского в октябре 1928 г. выход издания прекратился, что было вызвано неблагоприятным отношением властей к византиноведению, постепенной убылью профессиональных кадров ученых и материальными трудностями.

Накануне и в годы Великой Отечественной войны советское руководство осуществило переоценку роли исторических традиций, которая выразилась, в частности, в «реабилитации» византиноведения. Весной 1947 г., после почти 20-летнего перерыва, увидел свет первый том возрожденного Временника, который демонстрировал преемственность с традицией прервавшейся «старой серии». Подготовку выпусков «новой серии» вели ведущие представители московской и ленинградской групп византиноведения. Наряду с продуктивной работой в журнале зрелых ученых, подрастало молодое поколение, исследованиям

---

¹ Васильевский В.Г. Византийский временник за пять лет (1894–1898) // ЖМНП. 1899. Ч. 322. С. 135.

² См.: Васильевский В.Г. Программа издания «Византийского Временника» (опубликовано в: Медведев И.П. К истории основания «Византийского временника»: Неизвестные документы и факты // Россия и Христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 239).

³ It was the latter's virtual clone in all respects — недвусмысленно выразился И. Шевченко в своей речи на XIX Конгрессе византинистов в Копенгагене в 1996 г.: Ševčenko I. Byzantine Studies: The Last Hundred Years and Next Hundred Months // ВВ. 1999. Т. 85. С. 6. Совсем по другому его оценивал появление Временника сам основатель «Byzantinische Zeitschrift» Карл Крумбахер и другие европейские ученые того времени. См., например: Письмо редактора «Byzantinische Zeitschrift» Карла Крумбахера редакции журнала «Византийского временника», адресованное В.Э. Регелю от 26 апреля 1894 г. и опубликованное И.П. Медведевым: Медведев И.П. К истории основания «Византийского временника»: Неизвестные документы и факты // Россия и Христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 244.

которых были открыты его страницы. Возобновление выхода Временника непосредственно способствовало расцвету отечественного византиноведения, становлению уникальной школы советского византиноведения.

Судьбу Временника сопровождали не только высокие научные достижения, но и нелегкие испытания: неоднократные попытки закрыть журнал во времена Н.С. Хрущева¹; балансирование на грани исчезновения благодаря «справедливой» руке рынка, оказавшейся результатом эпохи больших перемен – «Перестройки» и развала Советского Союза². В эти трудные периоды «Византийский временник» не только выстоял, но сохранил и приумножил свою богатую традицию.

В настоящий момент ВВ выходит под руководством академика РАН С.П. Карпова. В состав редакционных органов ВВ входят ведущие российские и иностранные ученые. Высокий академический уровень издания обеспечивается соблюдением строгих авторских правил и многоуровневой процедурой рецензирования. Его авторами являются как известные отечественные ученые, так и молодые специалисты, аспиранты и кандидаты наук, которые имеют возможность публикации основных научных результатов своих исследований. Традиционно присутствуют и публикации иностранных ученых. К текущему моменту в журнале помещено 3,5 тыс. публикаций 730 ученых, общим объемом 38 тыс. стр.³

Издание имеет свой сайт в сети Интернет (www.vremennik.biz), где в свободном доступе размещены указатели и архив статей⁴.

С выходом в этом году 100-го тома «Византийский временник» продолжает играть ведущую роль в организации и углублении исторических исследований в России и мире, поддерживая лидирующее положение и уникальную специфику отечественных школ византиноведения, востоковедения и медиевистики.

---

¹ См.: *Алпатов В.М.* О матери (см. в: *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012. С. 355); *Алексеева Г.Д.* Некоторые вопросы развития исторической науки в 60–80-е гг. // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 287–296.

² *Поляковская М.А.* Из истории новой серии «Византийского временника» (1947–1994) (см. в: *Поляковская М.А.* Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 427).

³ *Быстрицкий Н.И.* «Византийский временник» за 120 лет. Историко-инфометрический обзор. Ч. I. «Старая серия» (1894–1928) // Византийский временник. 2014. Т. 73. С. 140–169; *он же.* «Византийский временник» за 120 лет. Историко-инфометрический обзор. Ч. II. «Новая серия» (с 1947 г.) // Византийский временник. 2015. Т. 74. С. 250–284.

⁴ Византийский Временник Российской Академии Наук [Электронный ресурс]: офиц. сайт. М., 2010–2015. URL: <http://vremennik.biz>, Режим доступа свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 15.05.2015); О нем см.: *Быстрицкий Н.И.* Информационный ресурс «Византийский временник» онлайн // Византия и византийское наследие в России и в мире. Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 37–39.

А.Б. Ванькова
 Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Некоторые замечания по поводу употребления Василием Великим монашеской терминологии

Аскетикон Василия Великого включал 58 правил, пространно изложенных (далее Rft)¹ и 318 кратко изложенных (далее Rbt)², а также еще целый ряд произведений. Первая часть нашего сообщения будет посвящена краткому обзору монашеской терминологии, употреблявшейся в IV в.³, вторая же – средствам, используемым Василием.

Греческий термин *μοναχός* впервые засвидетельствован в документальных источниках в этом значении в папирусе 324 г.⁴ У церковных писателей это слово встречается, насколько нам известно, первый раз у Евсевия Кесарийского в «Толкованиях на Псалмы» (30-е гг. IV в.)⁵. Однако как обозначение конкретной группы внутри церкви оно входит в более широкое употребление⁶ с появлением «Жития Антония Великого», написанного Афанасием Великим, чем термин «аскет». Наряду с термином *μοναχός* в тех же значениях и также достаточно широко употреблялось слово *μονάζων*. В Аскетиконе термин *ἄσκητής* встречается единожды, все прочие термины не встречаются вовсе. В Rft есть лишь глагол *μονάζειν*, но он означает здесь «вести уединенную жизнь» (Rft. 7). В том же 7 правиле *τῆ μοναστικῆ ζωῆ* означает опять же уединенную жизнь, которая противопоставляется жизни в общине.

О том, что Василий Кесарийский был великолепно осведомлен о существовании новой лексики, свидетельствуют его письма: там *μοναχός* встречается трижды (если не брать надписания к письмам), причем, что интересно, речь во всех трех случаях идет не об отдельном монахе, но об их некой совокупности (*ὁ τῶν μοναχῶν ἐρημιολίτης βίος*)⁷. *Μονάζων* – более употребительный термин, также встречающийся в текстах писем⁸. В письме 199

¹ *Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae fusius tractatae)* // PG. T. XXXI. Col. 901–1052.

² *Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae brevius tractatae)* // Ibid. Col. 1052–1305.

³ Объем тезисов позволяют нам затронуть лишь термины, касающиеся обозначения лиц.

⁴ *Judge E.A. The Earliest Use of monachos for «Monk»* (P. Coll. Youttie 77) and the Origins of Monasticism // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. 1977. Bd. 20. S 72-89 (здесь: S. 72).

⁵ *Eusebii Pamphili Commentaria in Psalmos* // PG. T. 23. Col. 689. Интересно отметить, что Евсевий прилагает к ним слова *τάγμα ... τῶν μοναχῶν*.

⁶ А. Адам считает, что к сер. IV в. этот термин представляется как основное самоназвание: *Adam A. Grundbegriffe des Mönchtums in sprachlicher Sicht* // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1953–1954. Bd. 65. Heft I–II. S. 209-240 (здесь: S. 216).

⁷ *St. Basile. Lettres* / Ed. Y. Courtonne. Vol. 1–3. Paris, 1957–1966. Ep. 42.5.23.

⁸ Ссылаясь на процитированный 19 параграф этого письма, Ф. Фатти делает странное заключение, что «к этому отречению от мира относится термин *μονάζων*, который Василий часто употребляет для обозначения монаха, и который не имеет ничего общего с физическим обособлением [от мира]»: *Fatti F. Monachesimo anatolico. Eustazio di Sebastia e Basilio di Cesarea* // *Monachesimo orientale. Un'introduzione* / Ed. G. Filoramo. Brescia, 2010. P. 53–91 (здесь: P. 69). Приведем спорный текст: *Ἀνδρῶν δὲ ὁμολογίας οὐκ ἔγνωμεν, πλὴν εἰ μὴ τινες ἑαυτοὺς τῷ τάγματι τῶν μοναζόντων ἐγκατηρίθμησαν· οἱ κατὰ τὸ σωπώμενον δοκοῦσι παραδεδεῖσθαι τὴν ἀγαμίαν.*

читаем о τῷ τάγματι τῶν μοναζόντων. Что касается термина ἀσκητής, то он опять же представлен в письмах Василия Великого. Так в письме 207 говорится о τῆς εὐσεβείας ἀσκητὰς ἀποταξαμένους τῷ κόσμῳ.

Итак, как же называл в Аскетиконе отрекшихся от мира и посвятивших себе молитве христиан Василий Великий? Самое частотное слово – ἀδελφός. Затем идут описательные конструкции, имлицитно подразумевающие под собой субъект (брат, монах, аскет). Так правило 47 (Rft) гласит: Τὸν δὲ μὴ καταδεχόμενον τὰ παρὰ τοῦ προεστῶτος ἐγκριθέντα χρῆ φανερώς ἢ ἰδίᾳ αὐτῷ ἀντιλέγειν. Следующий ряд описательных конструкций относится ко всевозможным вариациям на тему «принесший обет», «посвятивший себя»; например: τοῖς τῷ Κυρίῳ ἀνακειμένοις (Rft. 9 и 302) καθομολογεῖν ἑαυτοὺς τῷ Θεῷ (Rft. 14; см. тж. 15). Далее идут причастия от глагола ἀσκέω: τὸ περὶ τοὺς ὑγιαίνοντας τῶν ἀσκουμένων μέτρον (Rft. 19; см. тж. Rft. 35). Также дважды встречается существительное ἀγωνιστής в значении «подвижник». При этом в письмах этот термин, как можно понять из контекста, не относится к монахам (см., напр.: Ер. 139 и 165). Приведем еще несколько описательных конструкций: τοὺς ἐν τῇ γυμνασίᾳ τῆς εὐσεβείας (Rft. 19); τοὺς τῇ ἀσκήσει τῆς εὐσεβείας προσκαρτεροῦντας (Rft. 38); τῶν τῷ αὐτῷ βίῳ προσελθόντων (Rft. 187) и просто «живущие вместе» τοὺς συνόντας (Rft. 43 дважды).

Почему Василий Кесарийский так не хотел называть подвизавшихся в его общинах лиц монахами, подвижниками или монашествующими? Одно из возможных объяснений состоит в том, что он не хотел резко противопоставлять монахов и мирян. Так даже контекст не всегда дает возможность различить, когда речь идет о монахах, а когда о благочестивых христианах. Так, например, только сравнив 24 правило (Rft) с 36 можно понять, что речь идет о монахах. В первом случае говорится о ἐν τῇ συναφείᾳ τῶν πιστῶν, а во втором о τῆς συναφείας τῶν ἀδελφῶν. Еще одно возможное объяснение дает анализ значения для Василия термина «братство». Акцент здесь делается на горизонтальных связях между братьями (сестрами), взаимном сослужении и соподчинении, братской (сестринской) любви¹.

Д.Ф. Страмара показывает, что термин, который обычно переводят как «братство», мог прикладываться не только к общинам, состоящим из мужчин, но и к двойным монастырям, и даже чисто женским. Само использование термина ἀδελφότης у великого каппадокийца он называет многозначительным².

Еще одну трактовку предложил уже упомянутый Ф. Фатти. Он исходит из того, что святитель был верным и последовательным учеником Евстафия Севастийского и свою систему заимствовал целиком и полностью у него (что вызывает возражения), а понятие «братство» в смысле общины подвижников было для евстафиан важным. Он подчеркивает, что «община Василия также

¹ См., например, правило 115: «Как должны мы оказывать послушание друг другу? Как рабы владыкам, по заповеданному Господом, *кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою* (Марк. 10:43, 9:35) ... и по сказанному Апостолом: *любовью служите друг другу* (Галат. 5:13)».

² Stramara D.F. Adelphotos: Two Frequently Overlooked Meanings // Vigiliae Christianae. 1997. Vol. 51. P. 316–320.

называется братство, новая семья из детей, рожденных Евангелием, которые братья между собой»¹.

М.А. Ведешкин

*Российский национальный исследовательский медицинский университет
имени Н.И. Пирогова (Москва)*

Веротерпимость и коррупция в ранней Византии

Процессы политической и идеологической централизации, проходившие в ранней Византии в IV–VI вв., открыто проявились в попытках государственной власти регламентировать общественную жизнь подданных. В том числе, это выражалось в законодательном ограничении религиозной жизни последователей культов и учений, осуждаемых официальной Церковью, прежде всего, язычников. Несмотря на непрекращающиеся угрозы со стороны центральной власти², на протяжении V–VI вв. языческие культы открыто отправлялись как представителями широких народных масс, так и выходцами из верхушки римского общества.

Еще одним последствием централизации империи стал резкий рост численности бюрократического аппарата и христианского клира. Многочисленность желающих занять пост в системе государственного управления или вступить в клир и тем самым избавиться от фискального и литургического бремени способствовала расширению практики суффрагия и, как следствие, росту стоимости должностей. Зачастую, чтобы заплатить за место, кандидаты продавали едва ли не всё собственное имущество. Естественным стремлением новоназначенного чиновника являлось желание компенсировать расходы на покупку поста, в том числе, и посредством взяток³. Настоящий доклад посвящен коррумпированности чиновничества и клира империи как фактору, способствовавшему сохранению языческих культов в ранней Византии.

Известно несколько примеров покупки язычниками права на отправление своего культа. Первый известный случай произошел в 399 г. в Газе, где епископ Порфирий вел ожесточенную борьбу против местной куриальной знати, противодействовавшей распространению христианства в городе. Несмотря на законодательство, грозившее суровыми карами за отправления древних культов, жители Газы продолжали открыто посещать храмы и приносить жертвы. Не имея возможности выступить против местной знати и большей части населения города силами небольшой христианской общины, Порфирий

¹ *Fatti F. Monachesimo anatolico. P. 78.*

² См.: CTh. XVI.10.2, 4–7, 9–23, 25; Sirm. 12; Nov. Theod. III.8; CJ. I.11.7–10.

³ См., напр.: *Libanius. Or. XLVIII.11.* Библиографию по коррупции в ранней Византии см. в *Carrie J.-M. Corruption // Late Antiquity: A Guide to Postclassical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge; London, 1999. P. 367.*

использовал свои связи при дворе и добился издания эдикта, предписывавшего закрыть все языческие святилища Газы (Marc. V. Porph. 26). Его исполнение было поручено некоему Иларию, служившему в ведомстве магистра оффиций. Прибыв в Газу в сопровождении военного эскорта, он, угрожая смертью членам курии, закрыл городские храмы, однако, получив крупную взятку от местной знати, позволил язычникам отправлять ритуалы в храме главы местного пантеона – Марны (ibid. 27).

Второй пример – дело о культе бога Кофоса, отправляемого в окрестностях египетского Панополя. Согласно «Похвальному слову Макарию Тковскому», в середине V в. местные жители продолжали открыто совершать религиозные церемонии и приносить жертвы своему богу¹. Агиограф сообщает, что схваченные местными властями во время религиозной церемонии поклонники Кофоса были скоро отпущены на свободу, «потому что власти этого нома² были люди корыстолюбивые», после чего жертвоприношения возобновились (Ps. Dios. Pan. Mac. 10). Оправление культа Кофоса прекратилось только после того, как монахи Белого монастыря организовали поход на языческую деревню, убили жреца и сожгли храм (ibid. 14).

Далеко не все христианские священнослужители могли сравниться религиозным пылом с фиваидскими пустынниками. Согласно свидетельству Захарии Милитенского, в V в. язычники египетского Менуфиса за золото «покупали» у местного клира право на принесение жертв, чтобы обезопасить себя и местное святилище Изиды, привлекавшее многочисленных паломников, желавших получить оракул или излечиться³. Обвинения во взяточничестве выдвигались и против представителей высшего клира. На Халкидонском соборе епископ Даниил Каррский был обвинен в том, что он «принимал подарки от эллинов, впавших в грех жертвоприношения, извлекая из этого себе выгоду» (Conc. Chalc. X.73.17)⁴.

---

¹ Несмотря на то, что данный источник, написанный (или подвергнутый существенной редакторской правке) во второй половине VI в., откровенно карикатурно описывает местные религиозные практики, нет основания сомневаться в том, что ядро повествования «Слова» основано на реальных событиях. Ср.: *Johnson D.W. Panegyric on Macarius of Tkw attributed to Dioscorus of Alexandria. Louvain, 1980. P. 10.* Данные «Слова» вполне согласуются со свидетельствами Шенуте, Бесы и автора «Жития Моисея Абидского» о религиозной обстановке в Фиваиде в V в. См.: *Sinuth. De iniur. 51; Sinuth. De Idol. I – II; Bes. V. Sinuth. 83–84; V. Mos. P. 33–34 (Ed. by M. Moussa).*

² Вероятно, речь идет об аппарате пагарха или дефенсора Панополя. О системе государственного управления в Панополе V–VI вв. см.: *Geens K. Panopolis, a Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200–600). Leuven, 2014. P. 189–192.*

³ См.: *Zacharias. Vita Severi. 17–21, 30–31.*

⁴ *Modus vivendi* Даниила скорее свидетельствует против епископа: *Conc. Chalc. X.73.6, 7, 12, 14, 15, 18.*

Еще один пример «покупки» права на отправление языческих культов связан с деятельностью в последние годы VI в. папы Григория Двоеслова. Пристальное внимание понтифика привлекала религиозная ситуация на Сардинии, значительная часть слабо романизированного населения которой продолжала исповедовать племенные культы. Девять писем папы, адресованные представителям местного клира и чиновникам, призывают их активнее участвовать в христианизации¹. Очевидно, деятельность Григория не встречала поддержки администрации острова. В письме к императрице Константине Григорий с горечью отмечал, что сардинский презид за взятки разрешал язычникам отправлять местные культы (Greg. Dial. Ep. V.38).

Приведенный выше материал свидетельствует, что практика дачи взяток для получения разрешения на отправление традиционных культов была в равной степени распространена как среди представителей аристократии, так и среди низших слоев населения. Взятки от язычников одинаково охотно принимали и чиновники, служившие в дворцовых ведомствах, и муниципальная, и провинциальная администрация, и даже представители клира.

В целом, коррупция государственного аппарата и клира способствовала длительному сохранению языческих культов в различных регионах империи. Можно предположить, что именно регулярные подношения язычников местным гражданским и церковным властям обеспечивали сохранение языческих культов в Каррах², Гелиополе³, Вифинии⁴, Пентаполе⁵ и других областях вплоть до VI в.

¹ Greg. Dial. Ep. IV.23–27, 29; V.38; IX.205; XI.12.

² О сохранении языческих обычаев в Каррах-Харране в IV–VI вв.: Egeria. Itin. 21; Theod. HE. IV.18; Coec. Chalc. X.73.6; Procop. BP. II.13.7; Chron. Syr. 1234. 79. Значительное количество язычников, прикрывавшихся наименованием сабиев, сохранялось в Каррах по крайней мере до X в.: *Athanassiadi P. Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius // The Journal of Hellenic Studies*. 1993. № 113. P. 23–27.

³ Theod. HE. IV.22; Vita Rabbulae. 407 (пер. арх. Пимена (Беликова)); John. Eph. HE. III.3.27.

⁴ John. Eph. Vitae sanctorum orientalium. III.681.

⁵ Procop. De aedificiis. VI.2.15.

Ю.Я. Вин

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

**Византийско-славянские параллели
в экспертной системе «Византийское право и акты»***

Тема настоящего исследования «подсказана» программной статьей К.Г. Пицакиса «Душан и Арменопул: от византийского права к градским кодексам: греческое и сербское направления – параллели и расхождения». Автор этих строк понимает свою задачу несколько иначе, как сопоставление византийского, южнославянского и древнерусского права на различных уровнях их сопряжения – от заимствования целых компендиумов вплоть до восприятия понятий и терминов права в рамках информационного подхода к их изучению по материалам Экспертной системы «Византийское право и акты».

Говоря о параллелях в средневековом балканском и русском праве, нельзя недооценивать и актовые материалы. Многие из них, если даже они сами по себе не носят правоустанавливающий характер, опираются на правовые установления, черпают в них лексику, терминологию и выражают концептуальные представления права. Несомненно, рецепция византийского правового наследия у славян протекала по мере вызревания объективных условий и потребностей заимствования чужеродных норм. Рецепция византийского права происходит под влиянием совокупности объективных причин и не может заслонить самобытности его восприемников, как в странах средневековой Западной Европы, так и в Юго-Восточной Европы и России, где заимствование памятников права происходило, благодаря знакомству отнюдь не с их латинскими прототипами, а греческими переводами. Составление документов на греческом и славянском языках, бесспорно, способствовало интенсификации лексических заимствований и расширяло их диапазон. Подобные заимствования служат ясным выражением культурного обмена между изначально доминировавшей Византией и славянскими странами. Свидетельством того стали многочисленные языковые параллели и транслитерации. Они чрезвычайно обширны и многообразны.

Понятийно-терминологические заимствования особенно характерны для средневековой Сербии. Здесь рецепции охватывают номенклатуру документов и административно-территориальных наименования. Внушительны масштабы терминологических заимствований сербами у византийцев в сфере административного управления, юрисдикции и суда, как и социально-политического обустройства со свойственными ему системами обозначений почетных званий и титулатуры. В указанном плане показательны так называемые «Латинские речи». С одной стороны, они подтверждают, что славяне осваивали сокровища римского права, благодаря сопоставлению славянских транслитераций с греческими транскрипциями эквивалентных

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 16–01–12003).

латинских и, отчасти, греческих понятий и терминов, снабженных краткими пояснениями. Это весьма определенно напоминает византийские юридические лексиконы. Их безвестные составители равным образом транскрибировали и объясняли латинскую и греческую правовую терминологию и лексику. «Латинские речи», вероятно, служили своего рода справочным или учебным пособием, помогавшим осваивать содержание памятников византийского права. С другой стороны, ясно различима самобытность таковых заимствований. Она выражается в воспроизведении лексических эквивалентов, воплощая в жизнь процесс словотворчества и ввода в оборот трудно воспринимаемых чужеродных понятий и терминов. Об этом убедительно свидетельствуют Законоправило св. Саввы, сербский перевод «Алфавитной синтагмы» Матфея Властаря и «Закон царя Юстиниана».

Главная роль в средневековом сербском правотворчестве и законодательстве, безусловно, принадлежит «Законнику» Стефана Душана. По признанию сербских ученых, законодательство Душана несло на сербские территории не только византийские правовые нормы и терминологию, но и византийские правовые мысли. Вся правовая система Сербского царства должна была опираться на идеологию и нормы римского и византийского права. Одним из наиболее ярких заимствований у византийцев в сфере социальных явлений стала прония. Она упомянута в ряде актов рубежа XIII–XIV вв. и «Законнике» Стефана Душана. В ряду выраженных там идей византийского права получили развитие принципы законности и справедливости. Законник рассматривается в качестве своеобразной конституции. Ее олицетворением признаны ст. 171–172 и 105, а источником – «Василики».

Таким образом, К.Г. Пицакис, формулируя концепцию параллелей византийского и сербского права, словно бы увенчал изучение многими поколениями ученых разных стран византийского влияния на славян в сфере правовой культуры. Признавая немалый вклад в развитие этого научного направления видных сербских ученых, нужно отметить, что среди них заметное место заняли русские историки Ф.В. Тарановский, А.В. Соловьев и Г.А. Острогорский. Однако византийское правовое влияние нельзя ограничивать Сербией. Оно охватывает страны Центральной Европы, всего Балканского полуострова и средневекового Русского государства. Рецепция византийского права носила всеобъемлющий характер и, распространяясь на южных славян и Древнюю Русь, не имела границ и формальных ограничений. Влияние византийского права претворялось на уровне заимствований как памятников права, так и понятий и терминов. Оно не могло не сказаться на концептуальном развитии славянского права. Именно потому столь сложны наблюдения и выводы относительно судьбы каждого отдельного памятника права, переведенного на славянский язык. А для оригинальных правовых памятников славян оказывались неизбежны реминисценции византийского влияния. Вследствие того анализ определенных, изолированных друг от друга, аспектов и направлений рецепции византийского права лишен перспективы. В этом смысле выявление параллелей в византийской и славянской правовой культуре знаменует наиболее основательный подход к ее изучению.

Отвечая поставленной задаче, использование современных информационных средств Экспертной системы «Византийское право и акты» призвано способствовать интеграции и междисциплинарному взаимодействию различных научных направлений и стать надежным подспорьем для изучения византийской и славянской правовой культуры.

А.А. Воронова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Раннехристианские базилики Северной Далмации и островов Кварнера: проблемы типологии

На территории Северной Далмации в IV–VI вв. пересекались художественные направления римского Востока и Запада, откуда они достигали морскими путями из Италии и отчасти из македонского региона, а также опосредованно с христианского Востока и Африки. Эти проникновения осуществлялись в основном через гавани равеннско-аквилейского побережья и эгейской акватории. Несмотря на то, что вся Далмация вместе с островами Кварнера относилась в этот период к западной части Империи, префектура и викариат Иллирика находились в Фессалонике. Эти обстоятельства также объясняют сложные культурные течения и формы, проявившиеся в далматинской архитектуре. Однако в целом ее типологические особенности укоренены в позднеантичной архитектуре адриатического культурного круга, на фундаментах которой основано большинство раннехристианских базилик Северной Далмации.

Самым распространенным типом в регионе были трехнефные одноапсидные базилики, которые представляли стандартный план христианского храма того времени: трехнефное деление наоса и полукруглая апсида. Этот тип сложился на основе римских христианских базилик и стал основой ранней культовой архитектуры во всем Средиземноморье. Характерной чертой северодалматинских базилик также было активное применение в них античных споллий.

Большинство подобных сооружений Северной Далмации происходят из Ядера (современный Задар), важнейшего центра на перекрестке морских и сухопутных дорог между Востоком и Западом Европы, и его региона. Эти памятники можно отнести к архитектуре локального культурного круга, собственными типологическими особенностями. Это соотношение ширины к длине, общие размеры здания, ряд бифориев на боковых фасадах, способ постановки арок на колоннадах, соотношение ширины внутреннего пролета апсиды и ширины главного нефа, наличие пары колонн, несущих триумфальную арку.

Христианский центр Задара, состоящий из базилики Св. Анастасии, катехумениона и баптистерия, возник в IV в. на месте римского форума и развился позднее в епископальный комплекс. В апсиде базилики размещен синтрон, пространство деамбулатория за которым покрыто мозаикой (большая мозаичная композиция сохранилась также в катехуменионе), а алтарь от нефа отделен триумфальной аркой в виде трибелона. В композиции базилики и стилистике мозаик отмечается влияние аквилейской архитектуры, что обусловлено обстоятельствами пребывания задарского епископа Феликса в Аквилее в конце IV в.

Другими примерами трехнефного одноапсидного типа являются задарские базилики Св. Марии Малой (Рождества Богородицы), Св. Стефана и Св. Фомы в Задаре, многократно перестраивавшиеся, но сохранившие значительные фрагменты раннехристианской архитектуры, а также базилики в малых городских центрах близ Задара и на островах Кварнера, которые своими культурными связями всегда тяготели к Задару. Из памятников крупных северодалматинских островов следует упомянуть остров Раб, где в столице г. Раб сохранились раннехристианские основы базилик Св. Марии и Св. Иоанна Евангелиста, остров Крк с собором Св. Марии в г. Крк, и остров Црес с собором Св. Марии в г. Осор.

Особый тип представляют базилики с вписанной апсидой, которые могут быть как однефными, так и трехнефными, где полукруглая вписанная апсида соединена с синтроном, образуя по сторонам два пастофория, дяконник и жертвенник. Примером может служить церковь Св. Иоанна Крестителя на городском кладбище в Задаре, а также базилика в античном городе Фулфинум на острове Крк. Комплекс расположен на месте городских цистерн и представляет собой монументальную однефную базилику с трансептом, позднее трансформированную в трехнефную. В оформлении внешних стен церкви присутствуют фортификационные тенденции, выраженные наличием контрфорсов и мощной башни в южной части нартекса. Под местом престолом устроено углубление для положения мощей, сохранилось также основание алтарной преграды. Примененные в нартексе базилики споллии свидетельствуют о перенесении городского ядра Фулфинума, как и в целом урбанизма города, с античного форума в раннехристианский центр.

Трехнефные трехапсидные базилики Северной Далмации демонстрируют близость к равеннско-аквилейскому культурному кругу и архитектуре полуострова Истрия. Этот тип представлен здесь базиликами Св. Марии Великой (Вознесения Богородицы) в Задаре и Св. Андрея в гавани города Нин. Тип однефных триконхов связан с почитанием усопших христиан; он сформировался в результате многократного пристраивания эдикул к первоначальной целле. К этой традиции относится особая форма триконхальных меморий в Придраге и Билицах. Простейшим типом является однефная базилика с полукруглой апсидой, которая встречается также в составе комплексов или двойных базилик.

О.В. Вус

Независимый исследователь (Львов)

Ранневизантийский бург Шиварин в горном Крыму

В горах Внутренней гряды, на скале Куле-Бурун в каньоне Бельбека, возвышаются руины оборонительного сооружения, ныне известного как Сюйренское укрепление. Укрепление господствует над урочищем Хор-Хор, соседними скалами Ай-Тодор, Джениче-Бурун, и Тапчан-Кая. В северном направлении с него просматриваются огромные пространства степей и предгорий, а в южном – долина Бельбека вплоть до Главной гряды Крымских гор.

Есть предположение, что Сюйренское укрепление когда-то называлось Шиварин. Возможно, именно об этом укреплении сообщили в XVI в. барону Ожье Гислену де Бусбеку жители Таврики (гот и грек), повстречавшиеся ему в Константинополе. Барон де Бусбек записал, что из «первейших их [гóтов] городов, один называется Манкуп (*Mancup*), другой – Шиварин (*Scivarin*)»¹. По мнению ряда исследователей, ойконим *Scivarin* происходит от др.-в.-нем. *scivaro* и означает «камень, скала»². Это название точно характеризует место расположения Сюйренского укрепления, которое выстроено на высокой и труднодоступной скале.

Укрепление развернуто фронтом на юго-восток. Его общая площадь составляет 1,7 га. Неровную поверхность скалы перегораживают под углом в 132° две куртины оборонительных стен. Обе они сходятся к монументальной башне, вынесенной во фронт обороны. Длина куртин – 111 м, толщина – 2,5 м. Высота (сохранившаяся) достигает 4,5 м. Стены круглой трехэтажной башни имеют толщину 1,5 м. Ее высота достигает 10 м, но ранее, с каменным парапетом и зубцами, составляла не менее 12 м. Диаметр сооружения – 8 м. На верху башни есть дозорная площадка, выложенная прямоугольными плитами известняка.

Юго-западная куртина сохранилась относительно хорошо. Когда-то ее высота составляла не менее 5,5 м. Структурно она состояла из двух боевых панцирей (10–11 рядов кладки) и толстого слоя забутовки между ними. Панцири возводились из крупных квадров известняка (техника *opus quadratum*). Длина квадров колеблется от 0,98, 1,00, 1,07 м до 1,20 м, а ширина – от 0,32, 0,34, 0,35 м до 0,43–0,44 м. Высота рядов кладки почти одинакова: 0,50–0,53 м.

Когда-то стена имела ступенчатый рисунок фасада, парапет и зубцы-мерлоны. Части этих мерлонов и поныне лежат у ее подножия. Перед возведением стены строители, в одних местах высекали специальные «постели», в других, наоборот, нивелировали поверхность скалы, подсыпая глину. В юго-западной

¹ Шапошников А.К. О языке таврических готы // Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князя. Крымско-готский сборник. Симферополь, 2005. С. 233.

² Шапошников А.К. Германские местные названия в Скифии... С. 275.

куртине сохранилась калитка – дополнительный выход из укрепления, ставший основным после того, как замуровали главные ворота Шиварина, а с юго-востока проложили более удобный для гарнизона путь в крепость.

Северо-восточная куртина Шиварина сохранилась хуже, что объясняется особенностями рельефа. Поверхность мыса здесь имеет уклон 10–15° в сторону обрыва. Это означает, что при каждом землетрясении куртина подвергалась разрушениям. Возможно, это и стало причиной ликвидации главных ворот крепости. Их ширина составляла 3,2–3,4 м. Сверху ворота имели арочный свод.

Древний путь к укреплению проходил под северо-восточным обрывом, и ворота функционировали до тех пор, пока люди им пользовались. Дорога поднималась на Шиварин от раннесредневекового поселения, открытого вблизи с. Малое Садовое. Противник, вздумавший пройти к крепости тем же путем, вынужден был бы почти все время подставлять свой незащищенный правый бок защитникам укрепления. Последний же отрезок пути, подводивший к воротам, гарнизон Шиварина мог контролировать настильной стрельбой из баллист, установленных на втором этаже главной башни.

Трехэтажная круглая башня Шиварина сохранилась в высоту до 10 м. Перекрытие между первым и вторым этажами было деревянным. Перекрытие второго этажа выкладывалось клиноподобными блоками в виде полусферы. На второй и третий этажи вела отдельная лестница, основание и ступени которой частично сохранились. Структура стен башни аналогична структуре юго-западной и северо-восточной куртин, но длина квадров меньше: 0,60, 0,70, 0,75 м, а ряды кладки ниже и уже. Башня возведена на строительном растворе с цемянкой, что свидетельствует о ранневизантийском происхождении памятника.

В ее нижнем этаже сохранились узкие амбразуры для стрельбы из луков. В толще стены второго этажа были оборудованы три боевые площадки (полностью сохранилась одна), имевшие полуциркульный верх и разгрузочные арки над прямоугольными бойницами. Размер площадок до 1,70 м в высоту и 1,5 м в ширину. Возможно, на этих площадках устанавливались небольшие баллисты, которые прямой наводкой простреливали дорогу перед воротами и эспланаду перед башней. В ходе исследований 1978 г. в укреплении было найдено около 500 боллов – каменных ядер небольшого калибра для баллист.

По мнению А.Л. Якобсона, «ранневизантийское происхождение Сюйренского укрепления, как показывает ... квадратная кладка его стен, не вызывает никаких сомнений». Ученый считал, что фортификации Шиварина ничем не отличаются от аналогичных укреплений Херсона, Мангупа, и Эски-Кермена¹. Но, если А.Л. Якобсон относил сооружение памятника в целом к VI в., то Н.И. Репников и Е.В. Веймарн определяли время его возведения концом VI – началом VII вв.²

¹ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 120.

² Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005. С. 148.

По нашему мнению, укрепление Шиварин было возведено ромеями не ранее 575 г. на чрезвычайно выгодном месте, позволявшем визуально контролировать ситуацию не только в «Бельбекских воротах», но и на огромном пространстве Крымских предгорий.

Типологически Шиварин является пограничным бургом. В пользу этого вывода свидетельствуют топографическая и тактическая составляющие, архитектурные особенности, и определенные аналогии с позднеримскими бургами на берегах Рейна и Дуная. Можем предположить, что возведенный на командной высоте в каньоне Бельбека, Шиварин предназначался для несения разведывательно-дозорной службы. Главной целью его строительства было обеспечение контроля за передвижениями в предгорьях Таврики очередного опасного противника Империи – войск Тюркского каганата.

Рис. 1. Башня

Рис. 2. Кладка стены

А. Ђ. Гавриловић / А. Ч. Гаврилович
Белградски универзитет

О незапаженом мотиву змија у пољу сокла испод лика светог Меркурија у цркви Христа Спаса у Дечанима (1339–1340)* /

О незамеченом змеиним мотиве в цокольной зоне под образом Святого Меркурия в церкви Христа Спасителя в Дечанах (1339–1340)

Зона сокла је у српским средњовековним споменицима као сликани регистар у целини врло слабо обрађена. Њој је посвећивана пажња у оквиру монографија и ретких појединачних студија које обрађују сокл одређеног дела цркве или извештај појединачан мотив тог регистра¹. Како су теме оваквог типа у зони сокла неистражене и ретке, разматрање још једног необичног мотива приземног регистра храма послужило би као увод у будућа истраживања у овој области.

Фреска са представама змија насликаних у виду фрескоимитације мермерне оплате у зони сокла у цркви Христа Спаса у Дечанима испод лика св. ратника Меркурија (1339–1340) северно од иконостаса, у категоријама српске средњовековне, и шире, византијске уметности представља изузетну реткост (сл. 1). У ранијој литератури поменут мотив је остао незапажен.

Мотив змија је са гледишта иконографије посебно занимљив из више разлога (сл. 1). Тај део сокла на први поглед представља уобичајену фрескоимитацију мермера. Издужено, квадратно сиво поље са тзв. „Роршаховим мрљама“ оивичено је црвеним фризовима са све четири стране. Поље је са горње стране оивичено једном тањом црвеном бордуром, затим црним фризом са мотив жиоке на рабош и најзад дебљом црвеном бордуром са флоралним и зооморфним мотивима, која се јавља и са доње стране. Између сваког фриза је танка бела линија која их раздваја. У средишту сивог поља налази се медаљон топлих, црвенкасто-наранџастих тонова оивичен белим прстеном. Унутар њега се при ободу са леве стране међу бројним паралелним, дијагоналним, кривудаваим линијама уочава врло вешто изведена контура змије (сл. 1). Остале змије су изведене потпуно шематски и својеврсном „мимикријом“, тако да су изгледом потпуно саображене жилама мермерне оплате, аналогно примеру из Богородичине цркве у Пећкој патријаршији, испод представе св. Теодора Тирона (1335–1337)².

* Рад садржи резултате пројекта „Српска средњовековна уметност и њен европски контекст“ (177036), који финансијски подржава Министарство за науку Р. Србије.

¹ Габелић С. Нови податак о севастократорској титули Јована Оливера и време сликања лесновског наоса // Зограф. 1980. Т. 11. С. 54–57; Тасић Д. Живопис певничких простора цркве Св. Апостола у Пећи // Старине Косова и Метохије. 1971. Т. 4–5. С. 260–261; Борђевић И.М. Загонетни лик на капителима у Новој Павлици // Рашка баштина. 1981. Т. 2. С. 117–127; Габелић С. Манастир Лесново. Историја и живопис. Београд, 1998, С. 140–144; Поповска-Коробар В. Представа монаховог искушења у лесновској припрати // Саопштења. 2012. Т. XLIV. С. 103–114.

² Гавриловић А. О представама змија у пољу сокла испод св. Теодора Тирона у Богородичиној цркви у Пећкој патријаршији // Косовско-метохијски зборник. 2015. Т. 6. 1–8, сл. 1, 2.

На дечанском пољу је за разлику од пећког у центру насликан стилизован крст малих димензија. Змија у дечанском соклу је готово невидљива, уочљива само при помном посматрању фреске из најнепосредније близине. Са иконографског аспекта, ова и друге змије које заправо представљају таласе или „водене“ струје змијâ наликују приказима змијâ из представâ Страшног суда, односно главама и реповима „химера“ – чудовишта на којима јаше Ад у сценама са детаљнијим приказом пакла. Примера ради, помињемо реп ђавољег чудовишта у виду троглаве змијолике немани у сцени Страшног суда у Грачаници или главу и реп чудовишта на коме јаше Ад у дечанској сцени пакла¹. Што се византијске уметности тиче, прецизне иконографске аналогije, каткад и по питању боје којом су бића изведена, нуде и минијатуре које илуструју књигу о Јову, посебно једна минијатура из рукописа Vaticanus Graecus 749 (fol. 25r), који се чува у Апостолској Ватиканској Библиотеци (IX в.), на којој се види троглава водена змијолика неман која бљује ватру². На минијатури која илуструје разговор Бога и ђавола из истог рукописа (fol. 13v) ђаво је приказан како стоји на змији која се креће пузећи³. Стиче се утисак као да слика змије заправо представља „апстраховану верзију“ немани на којој јаше ђаво у сценама Страшног суда у Грачаници и Дечанима. Слика змијолике немани са иконе *Чудо св. Теодора Тирона*, Никифора Савинија (Руски Државни Музеј, Санкт Петербург, № 160219, крај XVI. и прва половина XVII. века) највише наликује неманима на дечанској и пећкој сцени. На њој су у пећини, у апокрифном житију светитеља означеној као „жилиште змијево“, приказане бројне „гнусне отровне змије“⁴.

На негативну конотацију мотива змијâ из сокла Дечанске цркве указивао би и сам изглед ових необичних полуфантастичних створења, као и колорит којим су изведене; он својом топлином указује на огањ.

Иконографски детаљ жилâ мермера би и са филолошког аспекта указивао на закључак да је поље сокла у дечанској цркви слика огња. Наиме, употребом мермера или сликањем његове текстуре, желела се изразити присутност одређене течне материје, токова, мора⁵. Грчки термин φλέψ, φλεβός⁶ је у себи обједињавао значења речи „вена мермера“ и „ток, струја“, а глагол φλέω (такође

¹ Исто. Сл. 3, 4.

² Huber P. Hiob — Dulder oder Rebel? Byzantinische Miniaturen zum Buch Hiob in Patmos, Rom, Venedig, Sinai, Jerusalem und Athos. Düsseldorf, 1986. Abb. 69 et pass.; Devoge J. Quand Job tombe malade. Étude littéraire et iconographique d'une scène biblique d'après la Septante // Зорграф. 2009. Т. 33. С. 16–17. Fig. 5.

³ Huber P. Hiob... Abb. 60.

⁴ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. М., 2011. С. 144.

⁵ О томе в: Barry F. Walking on Water: Cosmic Floors in Antiquity and the Middle Ages // Art Bulletin. 2007. Т. 89/4. С. 627–656.

⁶ Liddell H.G., Scott R., Jones H.S.A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996⁹. P. 1944, s.v. φλέψ (2: “spring of water”).

у варијанти φλύω, φλύζω и хомерско ἀναφλύω) значио „преливати се“, „обиловати“ и „кључати“¹.

У контексту наведеног, верујемо да би необичан мотив из сокла дечанске цркве који обрађујемо могао у најширем смислу означавати, да се изразимо речима св. Макарија Великог, „реке змија“ (ποταμοὶ δρακόντων)², „дубину мора зла“ и „бездан таме“ (εἰς βυθὸν θαλάσσης τῆς κακίας, καὶ εἰς τὴν ἄβυσσον τοῦ σκότους)³.

Рис. Фреска в цокольной зоне храма в Дечанах с мотивом змея

Ю.П. Гоголева

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Университет Цюриха

Образ Византии в кураторских решениях выставок в Западной Европе

Византийская империя с ее более чем тысячелетней историей долгое время отсутствовала в исторической картине, сложившейся у современного западного человека. В течение нескольких столетий западные мыслители пренебрегали

¹ Ibid. P. 1944, s.v. φλέω (II: “babble”); P. 1946, s.v. φλύω, φλύζω (“boil over, bubble up”); P. 125, s.v. ἀναφλύω (“bubble, boil up”). Уп. и: *Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. S. 1025, s.v. φλέψ, φλέω.*

² PG. T. 34. Col. 609D, 621D, 773C.

³ Ibid. Col. 612A.

Византией при написании истории и упрекали ее в бюрократизме, недостатке оригинальности¹ и характеризовали византийское искусство как депрессивное². В XX в. были созданы центры византистики в Вене, Париже, Оксфорде, Вашингтоне и др. местах. Активная публикационная деятельность пусть и небольшого количества ученых смогла внести свой вклад в переосмысление византийской истории и создать более позитивный ее образ.

В 80-е гг. XX в. случился взрыв популярности музеев, и как результат, многое было сдвинуто с мертвой точки и пришло в движение. Музей расширил спектр своей функциональности, увеличил выставочную деятельность. Это дало импульс для развития культурных и образовательных изысканий, новых решений методологических проблем для кураторов выставок. Из места хранения ценных предметов музей превратился в инструмент визуализации (нем. Sichtbarmachung³). Сегодня он все чаще становится площадкой для общественных дебатов на актуальные темы, выступая авторитетной стороной, представляющей исторический дискурс⁴.

В последнее двадцатилетие наблюдаются активные попытки добавить Византию в контекст мировой истории и мировоззрение западного человека, когда объекты византийского искусства, так долго находившиеся в музейных запасниках, все чаще появляются в выставочных витринах, посвященных не только средневековому наследию Западной Европы, но и как культурное наследие самостоятельной цивилизации.

Византия не просто подчиняется стандартной категоризации истории искусств⁵. Византийцы развили сложную теорию восприятия, сильно отличавшуюся от современной им западной. Резкий контраст наблюдается в методологии представления византийского наследия в странах, где Византия является частью национальной истории и культуры, и в тех странах, где Византия отсутствует в сознании общества⁶.

Сопоставим, таким образом, кураторские решения трех значимых выставок последних лет в Европе. Экспозиция «Синай, Византия, Русь», прошедшая в Государственном Эрмитаже в 2000 г., повествовала о преемственности традиций и национальных особенностях в церковном искусстве Византии и России в их связующем звене – на Синае. Как известно, византийские и русские цари, а также высшая знать были активными

---

¹ *Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire: 1776-1788. Vol. 1. London, 2010. P. 38.*

² *Hegel G.W.F. Aesthetics: Lectures on Fine Art / Trans. by T.M. Knox. Oxford, 1975. Vol. 2. P. 801.*

³ *Korff G. Einleitung // Eberspächer M., König G.M., Bernhard Tschofen B. Museumsdinge. Deponieren-exponieren. Köln, 2007. S. 12.*

⁴ Примером может послужить выставка, завершившаяся в феврале 2016 г. в Британском музее: «Религия в Египте после фараонов» в контрасте острого вопроса миграции в Европе, активно обсуждаемого в прессе сегодня. Во время экспозиции был представлен целый ряд объектов византийского художественного наследия.

⁵ *Dagron G. Décrire et peindre: Essai sur le portrait iconique. Paris, 2007. P. 7.*

⁶ *Cameron A. Byzantine Matters. Oxford, 2014. P. 85.*

дарителями и ктиторами Синайского монастыря. Было решено придать данной выставке художественно-ассоциативный характер и дать представление о церковном искусстве определенных хронологических периодов, совпадающих с периодами правления разных династий и царей в Византии и на Руси. Синай был также представлен на основе топографического материала в хронологической перспективе от ветхозаветных и новозаветных святых до современного изучения русскими учеными монастырских культурных богатств.

Греческая выставка «Византийские часы: работа и будни в Византии», представившая последние археологические находки и значимые объекты из Греции и других 18 стран, в 2001 г. прошла одновременно в трех городах: Фессалониках, Афинах и Мистре. Кураторы представили не только имперскую идеологию, но и показали будни граждан. Для Греции, где византийское наследие стало жертвой *damnatio memoriae*, событие такого масштаба стало значимым в медленном процессе переосмысления значения Византии как продолжения классического греческого периода и основы современной эллинской культуры.

В странах же, которые не являются прямыми культурными или территориальными наследниками, организация выставок византийского искусства является кураторским вызовом. Одной из таких стала комплексная экспозиция «Византия. 330–1453», представившая в 2008 г. в Королевской Академии искусств в Лондоне тысячелетнюю историю империи. В стране, где Византия долгое время отсутствовала в историографии, кураторам было важно отобразить ход истории империи в хронологическом порядке от основания Константинополя и до его захвата османами. Для западного зрителя «экзотизм» византийской культуры до сих пор остается главным привлекающим фактором. Особую сложность вызывает восприятие икон с обратной перспективой, повествовательный или теологический сюжет которых должен быть декодирован для современного человека. По сравнению с 1958 г.¹, методология художественной византистики сделала прорыв в изучении иконографии, и потому было принято решение создать отдельный павильон икон, привезенных из монастыря Св. Екатерины на Синае.

Можем ли мы сегодня понять Византию через ее искусство? Западные исследователи видят проблематику в том, что художественное наследие Византии есть искусственно созданный образ культуры как «общества порядка, постоянства и настоящей веры»². Тем самым задание кураторов – представить искусство не как зеркало культуры, но как художественное заявление, которое должно быть структурно проанализировано в разрезе государственных и социальных категорий и переведено на современный язык. Куратор (от лат. *cura* – попечение) не только создает общую концепцию проекта, разрабатывает стратегию его развития,

¹ В 1958 г. прошла первая выставка византийского искусства в Англии, проведенная в Эдинбурге и Музее Виктории и Альберта.

² *Cormack R. Of What is Past, or Passing, or To Come // Eastmond A., James L. Wonderful things: Byzantium through its art. Papers from the Forty-Second Spring Symposium of Byzantine Studies. London, 2013. P. 23.*

отбирает объекты, соответствующие концепции, но и организывает условия для воплощения проекта в том или ином виде (публикации, мастер-классы и т.д.), а также пробует себя в роли посредника в передаче знаний. Современная геополитика побуждает кураторов артикулировать ключевые вопросы: 1) возможно ли создать выставку из византийского художественного материала для публики, мировоззрение которой содержит позитивистский «негативный миф» о Византийской империи? 2) как определенные объекты выставки могут рассказать о культуре и обществе Византии, стать понятными современному человеку?¹

О.В. Головина

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Готы на территории империи: договор 382 г.

Поражение при Адрианополе в 378 г. и гибель императора Валента произвели глубокое впечатление на современников. Феодосий I не надеялся победить везеготов военной силой, а решил расколоть их ряды (Zos. IV.56; Eunap. Hist. 60). Он стал преподносить подарки и награды «тем вождям племени, которые выделялись положением и знатностью». Вскоре это начало приносить результаты: некоторые из вождей «надулись от имперских почестей и решили, что вся власть в их руках». В результате часть везеготских вождей – Модарес, Гайна и Фравитта (Amm. Marc. XXXI.3.5; Soz. Hist. Eccl. VIII.4.1) – вступили в армию империи². Однако крупные походы на территорию империи продолжались. Весной 380 г. чуть было не попал в плен сам император Феодосий. Группы варваров, разделившись на две части, захватили огромные территории вплоть до Фессалии и Паннонии (Iord. Get. XXVII.140). Лишь совместными усилиями Грациана и Феодосия агрессоров удалось оттеснить. Грациан «собрал войско и пришел, полагаясь все же не на оружие, но на милость ... и, предоставив им (готам) продовольствие, заключил с ними договор» (Iord. XXVII.141). Согласно этому договору, захватчики были поселены в качестве федератов в провинции Паннония II, а также в Савии и Валерии. Пакат в панегирике Феодосию сообщает, что «гот, гунн и алан отвечает по своим долгам, сменяет охрану и, малочисленный, боится нотария» (Pan. Lat. XII.32.5). При этом данные народы в качестве воинов (miles) «наполнили города Паннонии» и состояли «в подчинении у

---

¹ Вопросы сформулированы на весеннем симпозиуме Общества содействия византийским исследованиям в 2009 г.: Eastmond A., James L. Wonderful things...

² Lippold A. Theodosius der Große und seine Zeit. München, 1980. S. 844; Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia dignitatum // Epigraphische Studien. 1969/1970. Bd. 7. S. 460.

дуксов и в конных отрядах римлян» (Pan. Lat. XII.32.5; ср. Zos. IV.58.1). Но для того, чтобы выжить, готы вынуждены были заниматься грабежом и захватывать трофеи. Так продолжалось более 18 месяцев, пока новые переговоры не увенчались успехом.

3 октября 382 г. был заключен основной договор, вероятно, самый тяжелый по своим последствиям в римской истории¹: «Все племя готов вручало себя вместе со своим королем (Фритигерном) Романии» (Cons. Const. 382)². Договор с готами 382 г. для империи был вынужденным шагом. Император убедился, что дальнейшая политика раскола готского воинства на составные части невозможна (Zos. IV.56; Eunap. Hist. 60). К тому времени империя уже не имела военных возможностей уничтожить захватчиков, разорявших Фракию, а договор с ними являлся меньшим из зол³. Прецедент для союза 382 г. был создан еще Грацианом в 380 г., когда он поселил конфедерацию трех народов в Паннонии⁴. Но, несмотря на это, договор 382 г. более важен.

Положения договора 382 г. можно реконструировать следующим образом: готы вошли в состав империи, но как инородцы не имели права вступать в брак с римлянами; готы получали преимущественно в Мёзии II и на северо-востоке Прибрежной Дакии, т.е., между Дунаем и Балканами, свободную от налогообложения территорию для поселения, хотя по римскому праву она не была их собственностью; готы считались автономными, несмотря на то, что переданная территория оставалась под римским суверенитетом; они обязаны были служить Риму, оказывая ему военную помощь, но при этом их собственные племенные вожди не получали высших командных постов; готы жили с провинциалами как партнеры по договору под одной крышей, что указывает на систему римского расквартирования гостей; их снабжение должно было осуществляться за счет выделенных им земель, но не ясно, сами ли они должны были их обрабатывать; готским федератам причитались ежегодные выплаты, размеры которых неизвестны.

Договор 382 г. схож с предыдущим, так как готы получили примерно те же области. Но существует и большая разница. Теперь готы должны были поселиться во внутренней Фракии, единой группой в виде автономной Готии, как «государство в государстве». К прежним договоренностям добавлялись освобождение от налогов и ежегодные выплаты в пользу готов. Император к тому же надеялся на то, что за счет готов увеличится военный потенциал дунайского фронта⁵. Ряд дружин готских вождей перешел добровольно в

---

¹ Lippold A. Theodosius... Col. 861–863; *München-Heljen O.J.* Die Welt der Hunnen. Köln; Wien, 1977. S. 356; Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme. Die Ostgermanen. München, 1941. S. 456.

² См.: Hoffmann D. Bewegungsheer... S. 2, 193; Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme. S. 419–420.

³ Heather P., Moncur D. Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius. Liverpool, 2001. P. 264.

⁴ Вольфрам Х. Готы: от истоков до середины VI в. СПб., 2003. С. 191.

⁵ Stallknecht B. Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike (306–395 n. Chr.). Bonn, 1969. S. 26–28, 75–77.

войска империи. Часть готов удалось поселить в провинциях, где они обрабатывали землю и поставляли в войска рекрутов¹. Возможно, их селили по принципу *hospitalitas*². Однако готы вошли в историю Переселения не своими успехами в возделывании земель³. Они селились компактными массами под управлением своих предводителей, которые стремились разбогатеть прежде всего на военной службе империи (Гайна, Фравитта, Аларих). Готы были поселены в империи как особое военное сословие, которое получало жалование от государства и давало ему вспомогательные войска, выполняло также роль городских гарнизонов⁴. Местное население относилось к ним настороженно-враждебно (Zos. IV.30.40; Theodor. Hist. eccl. V. 17).

Оценка данного договора не однозначна. Синесий, на речах которого основываются данные о нем, очень негативно отзывается о готах, совершенно не одобряя договор, который принес им такие преференции (Synes. De Regno. 15), в то время, как Фемистий, напротив, утверждает, что готы приняли римский образ жизни в результате этого договора. В результате подписания этого договора готы оказались законными жителями империи, были встроены в ее военное и гражданское пространство, но сохранили при этом самоуправление и компактность расселения.

О.Ю. Гончарко

Санкт-Петербургский государственный университет

Логические приемы Феодора Продрома в диалоге «Ксенедем или гласы»: софизмы, паралогизмы или апории?*

Основное содержание «Ксенедема» – критика пяти признаков понятия, или «гласов», сформулированных Порфирием в его «Введении» к «Категориям» Аристотеля. Однако эта критика облекается не в традиционную форму трактата или письма, а в необычную для византийской литературы форму платоновского диалога. Параллели с диалогами Платона – в первую очередь, с «Геэтетом» и «Федром» – многочисленны и очевидны. У Платона заимствуются сюжетные ходы, мотивы, пословицы, выражения и отдельные

¹ Глушанин Е.П. Этнический состав ранневизантийской армии IV в. (варварский вопрос) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1985. С. 40.

² Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 157; Vol. 3. P. 29.

³ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 217. Примеч. 22.

⁴ Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь, 1975. С. 35.

* Исследование осуществляется при содействии РГНФ, проект № 15–03–00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

слова. Есть целый ряд критериев, позволяющих отнести «Ксенедема» к жанру «платоновского диалога»¹.

Структурно диалог делится на введение (диалог Ксенедема и Мусея, который обращается с просьбой рассказать о великом муже и мудреце Теокле) и пять основных частей (небольшие диалоги Ксенедема и Теокла о пяти предикабилиях или «гласах» Порфирия).

Сюжет о роде начинается с обыгрывания Ксенедемом двух смыслов понятия рода (род как родословная и род как предикабилия), а заканчивается подведением читателя к выводу о необходимости еще одного различия в использовании этого термина: «род» как понятие языка-объекта и «род» как метаязыковое понятие. Завершается разговор о роде указанием Теокла на следующую дилемму: либо род – пустое понятие, либо он является предикатом десяти категорий (*κατηγορηθεὶν τῶν δέκα τοῦ γένους τὸ ὅνομα*)², в связи с чем все сущее становится однородным. Исследователь творчества Федора Продрома Н.Г. Харалампопулос по поводу сюжета о роде утверждает, что герои приходят к абсурдному выводу и затруднению относительно порфириево определения рода³. Однако тот путь, с помощью которого они приходят к этому затруднению, сложно назвать апорией. Скорее Ксенедем в этой части диалога просто совершает ошибку (паралогизм), которая называется «подмена темы вопроса»: он отвечает не на вопрос о том, что такое род, а на вопрос о том, как «работает» это понятие.

Однако если учесть, что диалог «Ксенедем» не является в собственном смысле научным трактатом по логике, но скорее относится к жанру учебного пособия, который предполагает умышленное приведение к затруднению как способ формулировки учебного задания, то можно предположить, что читатель, которому Феодор Продром адресует текст, должен заметить эту подмену и, обратившись к текстам Порфирия и Аристотеля, объяснить, в чем заключается ошибка Ксенедема. В этом смысле, все «затруднения», к которым приходят персонажи диалога в конце каждой части диалога, неправильно было бы называть апориями. Скорее, это ошибки – неумышленные со стороны Ксенедема и умышленные со стороны Теокла (софизмы). Можно также утверждать, что Феодор Продром формулирует таким образом логические головоломки, используя текст «Введения» Порфирия.

¹ См. об этом подробнее: Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А. «Ксенедем» Феодора Продрома: возрождение платоновского диалога в Византии XII века // Вестник РХГА. 2015. Т. 16. № 4. С. 30–38; Они же. Платоновский диалог «Ксенедем» Феодора Продрома: псевдоантичные герои и их византийские прототипы // Scholē. 2016. Т. 10. № 2 (в печати); Гончарко О.Ю., Слинин Я.А., Черноглазов Д.А. Логические идеи Феодора Продрома: «Ксенедем или гласы» (готовится к публикации).

² Cramer J.A. Theodorus Prodromus. Xenedemus, sive Voces // Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium, 3. 1836. P. 208.22.

³ Харалампόπουλος Ν.Γ. Ἐνας ‘πλάτωνικὸς’ διάλογος τοῦ 12^{ου} αἰῶνος: Θεοδώρου Προδρόμου Ξενέδημος ἢ Φωναί // Ἀριάδνη. 2005. Τ. 11. Σ. 193.

С другой стороны, помимо формулировки «затруднений» в педагогических целях, Продром подходит к выражению автореферентного характера предикабиллий, однако, не имея под рукой соответствующей терминологии для выражения этого свойства понятий, изящным образом обыгрывает всевозможные затруднения, к которым неизбежно приходят собеседники, смешивая два уровня значений: уровень языка-объекта и уровень метаязыка, что структурным образом соответствует известным логическим парадоксам, например, парадоксу Лжеца или расселовскому парадоксу.

Сходным образом разбираются и остальные четыре предикабиллии: вид, видовое отличие, признак собственный и признак привходящий. Основные «затруднения», перед которыми Теокл ставит Ксенедема, связаны с тем, что Порфирий использует предикабиллии (гласы) как инструмент исследования содержания понятий, а в диалоге Феодор Продром предлагает в качестве предмета исследования сами «гласы». На этом играет Теокл: смешивает род как вторую сущность и род как предикат категорий. Порфирий описывает существо процедуры определения, а Продром хочет применить процедуру определения к определению самой себя, что действительно может привести к парадоксальным следствиям в случае неразличения уровней языка.

М.В. Грацианский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**«Акакианская» или всё же «феликианская» схизма?
К истории отношений Константинопольской и Римской Церквей
в конце V в.***

В историографии истории Церкви для характеристики событий 484 г., приведших на последующие 35 лет к разрыву общения между Римской Церковью и Церквями Востока, широко распространено понятие «акакианской схизмы». Это название производится от имени Константинопольского патриарха Акакия (472–489), в патриаршество которого и произошли эти события. С другой стороны, оно безусловно характеризует патриарха как виновника произошедшего раскола.

Понятие «акакианской схизмы», возникшее в среде католических ученых, изначально отражает партийный и узко-конфессиональный взгляд на данное историческое событие и, к сожалению, продолжает оказывать решающее влияние на историографию вопроса до сих пор.

---

* Исследование подготовлено в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

Между тем, простой анализ событийной канвы показывает, что инициатором раскола 484 г. был отнюдь не Константинопольский патриарх. Для противодействия мятежу Илла на Востоке императором Зиномом были предприняты меры не только политического, но и церковного характера, включавшие низложение нелояльного императору прохалкидонского патриарха Александрийского Иоанна Талайи и поставление на его место ранее изгнанного антихалкидонского патриарха Петра Монга. Последний в качестве залога верности императору подписал императорское послание, известное под названием «Энотикон» («объединительное»). Эти события и та опосредованная роль, которую сыграл в них Константинопольский патриарх Акакий, неожиданно заставили Римского папу Феликса III (483–492) пойти на крайние меры.

28 июля 484 г. папа Феликс прислал в Константинополь послание, содержащее отлучение Акакию, вынесенное на основании следующих обвинений: оскорбление святого Петра, выразившееся в том, что патриарх, якобы, принудил легатов папы вступить с собой в общение; отказ отвечать перед «апостольским престолом» на обвинения Иоанна Талайи; вступление в общение с «еретиком» Петром Монгом и вмешательство в дела Антиохийской Церкви.

Обвинения, выдвинутые папой, выглядели априори нелепо и не могли стать поводом для рассмотрения на Вселенском Соборе. Политическое противостояние между законным императором Зиномом и мятежниками во главе с Иллом достигло в момент разрыва между Римом и Константинополем своего апогея: за девять дней до папского демарша, 19 июля 484 г., в Тарсе был венчан на царство ставленник Илла Леонтий. Едва ли можно игнорировать связь между этими двумя событиями. Вряд ли можно сомневаться, что за действиями римского понтифика стоял правивший Италией Одоакр, внимательно и сочувственно наблюдавший за развернувшимся на Востоке мятежом.

Последовавшие вскоре поражение мятежников и зачистка императором сторонников Илла из числа восточных иерархов, бывших одновременно союзниками римского понтифика, поставили папство в трудное положение. Нелепые обвинения, выдвинутые Феликсом, следовало либо дезавуировать, либо выдумать для них каноническое обоснование. Именно этим и занимался в дальнейшем папа Феликс, а затем его преемник – папа Геласий, бывший советник Феликса.

Из всей совокупности папских посланий и иных сочинений, относящихся к теме рассматриваемого здесь раскола, можно вывести несколько важных наблюдений. Прежде всего, со стороны папы Феликса была предпринята попытка узурпировать полномочия Вселенского Собора. Ни при каких обстоятельствах папа не имел права принимать апелляцию Иоанна Талайи и вызывать на суд в Рим Константинопольского архиерея. Такие притязания папы не подтверждались никакими легальными актами Вселенской Церкви. Решение папы было принято единолично и даже не было оформлено как соборное решение Римской Церкви.

Неявка патриарха в суд не давала папе Феликсу права осуждать его *in absentia* без троекратного вызова. Римский папа не мог выдвигать против Акакия

обвинение в нарушении прав Антиохийской Церкви, поскольку Антиохийская Церковь не приносила римскому понтифику апелляции по этому поводу. В этом случае действия папы следует рассматривать не только как вмешательство в дела Константинопольской, но и как вмешательство в дела Антиохийской Церкви. Обвинение же патриарха в оскорблении Св. Петра выглядит и вовсе абсурдно. Кроме того, обвинение Акакия Константинопольского в общении с «еретиком» Петром Монгом также не выглядит убедительно, поскольку Петр Монг никем и никогда не был осужден как еретик, а предпринятые позднее попытки римских пап обвинить Петра, а с ним и Акакия, в приверженности ереси Евтиха выглядят смехотворно, поскольку, подписав «Энотикон», Петр подписал и двукратную анафему Евтиху.

Далее, сложившаяся ситуация заставила пап предпринять еще одно неканоническое действие: ввиду невозможности для главного обвинителя Акакия, изгнанного из Александрии Иоанна Талаи, вернуться в Египет, папа Феликс сделал его епископом города Нола в Италии. Поскольку канонами, признаваемыми в том числе и Римской Церковью, перемещение епископа с одной кафедры на другую было строго запрещено, напрашивается вывод, что Феликс либо не признавал за Иоанном титула архиепископа Александрийского, либо пошел на грубое нарушение канона. Поскольку из писем папы хорошо известно, что тот признавал за Иоанном епископское достоинство, то, следовательно, в настоящем случае речь идет именно о нарушении канона.

Исходя из всего вышеизложенного, можно без натяжки квалифицировать действия папы Феликса III как неканонические и в высшей степени волюнтаристские. Ввиду этого ситуация в восприятии событий 484 г. неизбежно должна была измениться на противоположную. Отнюдь не Акакий Константинопольский, не предпринимавший никаких незаконных действий и до конца старавшийся сохранить мир Церквей, виновен в произошедшем расколе. Вина за произошедшую схизму безраздельно лежит на Римском папе Феликсе и его преемниках, и потому в целях восстановления исторической справедливости ее следует именовать исключительно «феликианской».

А.А. Гречухина

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Философская школа в Александрии и становление философских взглядов Синесия

Становление философских взглядов Синесия Киренского (ок. 370–413 гг.) происходит на фоне резкого противопоставления мировоззренческих категорий язычества и христианства. Они радикально отличались друг от друга, поскольку одно исходило из обожествления природы, а другое из

обожествления абсолютной личности. В течение своего жизненного пути Синесий совершил переход из одной религии в другую, что для первых веков нашей эры было не исключением, а устойчивым правилом. Однако проблема заключалась в том, что расстаться с языческим прошлым для интеллектуала было сложно. Это обстоятельство прослеживается на протяжении всей жизни Синесия, а также в его философских взглядах.

Цель настоящей работы – определить первостепенное влияние философской школы Александрии¹ на начальном этапе становления философских взглядов Синесия (при этом надо помнить, что собственно неоплатонизм утверждается в философской школе Александрии с 20-х гг. V в., с Гиерокла).

Ответы на поставленную проблему следует искать в первоисточниках, прежде всего, в гимне IX (I), который ближе всего стоит к языческому неоплатонизму, а также в переписке с Гипатией,² с которой Синесий общался всю последующую жизнь; его личной биографии, и тех местах, непосредственно повлиявшие на его взгляды и мировоззрения.

Наиболее важными в контексте темы являются исследование Дж. Бригмана «Синесий Киренский, философ-епископ»³ и труд Кристиана Лакомбрэйда «Синесий Киренский: эллин и христианин»⁴, которые основаны как на изучении биографии Синесия, так и на анализе его трудов. Значительная часть ученых занимались, главным образом, частными вопросами, например, установлением дат отдельных событий жизни Синесия, но общая характеристика его взглядов и деятельности так и не была проведена.

Таким образом, недостаток информации, различное комментирование трудов Синесия создают актуальное дискуссионное поле относительно жизни и философской мысли этого автора.

Семья и место рождения Синесия заложили в нем основу для стремления к получению образования, ведь главным ценностями там признавались идеалы классической древности (Гомер, Геродот, Эсхил, Еврипид и др.). В дальнейшем Синесий в своих трудах использует целые цитаты, принадлежавшие классическим авторам V–IV вв. до н.э.

В Александрийской школе под руководством Гипатии Синесий основательно изучил астрономию и геометрию в контексте неоплатонического представления о Вселенной. Он также придавал большое значение мистике, заставлявшей человека искать в самоуглублении утешение и забвение земных бед, о чем говорят его первые гимны. Всё это характеризует неоплатонизм Синесия. Обращение к неоплатонизму Синесия выглядит оправданным, поскольку тот являлся завершающим словом в античной философии.

---

¹ *Watts, Edward J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley - London: University of California Press, 2008. P. 143-262.

² См.: *Dzielska M.* Hypatia of Alexandria. Cambr. Mass. – London. 1995.

³ *Bregman J.* Synesios of Cyrene: philosopher-bishop. Berkeley – Los Angeles – London, 1982.

⁴ *Lacombrade C.* Synesios de Cyrene: hellene et chretien. Paris, 1951.

Несомненно, обучение под руководством Гипатии стало толчком для становления мировоззрения Синесия, а в дальнейшем его гимны пытались раскрыть метафизический смысл природы с точки зрения его понимания религии. Он открыл относительно плавный путь от язычества к христианству, утверждая, что культ и ритуал имеют периферийное место в богословии.

Личный ментальный переворот Синесия в дальнейшем в какой-то степени был повторен самой Александрийской школой неоплатонизма, которая христианизировалась в конце V в., благодаря христианским «студентам»-филопонам, сохранив классическое содержание своего «учебного плана».

М.С. Деминцев

Тюменский государственный университет

«Чудо техники» Византии глазами авторов Лицевого летописного свода XVI в.

Лицевой Летописный свод XVI в. – крупнейший памятник книжной культуры эпохи Московской Руси¹. Его миниатюры являются уникальным источником не только по истории Руси, но и сопредельных с нею стран, в том числе, и Византии. История Византии здесь изложена и богато иллюстрирована на страницах 3 томов, что позволяет в своем роде еще раз взглянуть на Византию глазами московских книжников и иллюстраторов эпохи царя Ивана IV Грозного (1533–1584).

Наше внимание приковано к миниатюрам², где изображен так называемый «световой телеграф» – изобретение, которое действительно применялось византийцами при императоре Михаиле III (843–867). На миниатюре изображено «зерцало» и его создатель «прехитрый философ Лев», преподносящий его Василию Македонянину. С помощью данного «зеркала» можно было видеть на расстоянии события, происходящие у «арабов и в Сирии».

Скорее всего, сам по себе данный сюжет заимствован русскими книжниками из византийского источника, например, «Продолжателя Феофана»³. Тем не менее, привлекая наше внимание сюжет на первый взгляд поражает своего рода явной аномалией. Бросается в глаза вольная интерпретация летописцем информации о «световом телеграфе». При этом у «Продолжателя Феофана» нет ни слова о «чудесном» зеркале.

---

¹ Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI века // Известия Отделения Русского Языка и Словесности. 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 824–876; Лицевой Летописный свод XVI века: Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е.А. Белоконов, В.В. Морозов. М., 2003.

² Лицевой летописный свод XVI века. Византия (805–875 гг. от Р.Х.). Кн.3 / Перевод на совр. язык А.А. Маточкина. М., 2013. С. 360–362 (Далее: ЛЛС).

³ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Под ред. Я.Н. Любарского. СПб., 2009. С. 130–131.

В то же время, сам факт свободного обращения русских книжников с сочинениями византийских авторов, позволяет нам выявить ряд возможных интерпретаций данного сюжета с точки зрения авторов ЛЛС с присущей им специфической логикой и смыслом.

Изображенное в миниатюре «чудесное» зеркало представляет собой почти идеальный круг, и занимает определенно центральное место в изображении, за исключением фигур Философа Льва и Василия Македонянина. Это наводит на мысль о его особом статусе, и, скорее всего, перед нами авторская подмена точного смысла фрагмента, взятого из византийского текста фигурой зеркала, взятого в его символическом обозначении.

Итак, предположим, что зеркало выступает в данном случае с определенным символическим подтекстом. Обращаясь к символическому значению зеркала вообще¹, мы видим, что оно значительно варьируется в зависимости от культуры и эпохи². Так, Платон использовал зеркало, как метафору процесса познания³, а более поздние античные мыслители полагали, что зеркала символизируют скрытый от глаз человека смысл⁴.

В византийской и древнерусской культурах отношение к зеркалу, видимо, было далеко не однозначным. Примечательно, что в восточно-христианской иконографии зеркало изображалось довольно часто, причем являлось атрибутом архангелов Михаила и Гавриила. Ангельские зеркала изображались в виде прозрачных сфер⁵, которые символизировали способность божественного предвидения, предначертания⁶. Поэтому русским книжникам вероятнее всего была известна такая экзегеза, тем более что семантически образ зеркала близок к самой идее технологии передачи информации на расстояние. Сравнение «зеркала» из ЛЛС с иными образцами (например, с изображением архангела работы Феофана Грека, церковь Преображения на Ильине улице, Новгород Великий, 1378 г.) указывает на их типологическую близость и смысловое тождество.

Возможен иной вариант трактовки данного образа, когда зеркало могло восприниматься летописцами как дьявольский инструмент, означающий не что иное, как искушение. Подобная рецепция не может не перекликаться с бытовавшим в Ренессансной Европе образом зеркала как предмета магического свойства. Знания, обретаемые человеком при помощи такой вещи, напрямую отсылают в область связей с потусторонним, inferнальным миром.

---

¹ Werness B. Hope. The Symbolism of Mirrors in Art from Ancient Times to the Present. Edwin Mellen Press, 1999; Мельшиор-Бонне, Сабин. История зеркала. М., 2005.

² Правдивцев В. Несколько гипотез о зеркале // Наука и религия. 2001. № 12. С. 14–18.

³ Платон. Тимей // Сочинения в четырех томах / Под ред. А.Ф. Лосева, Ф.В. Асмуса. Т. 3. Ч. 1 СПб., 2007. С. 528–529.

⁴ Протопопова И. Метафизика зазеркалья, или о двух материях у Плотина // Arbor Mundi. М., 2006. № 12. С. 1–26.

⁵ Алпатов М.В. Древнерусская иконопись. М., 1978. С. 101, 105.

⁶ Гладышева Е.В., Нерсесян Л.В. Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991. С. 15.

Перекликается подобная символическая манипуляция и с имевшимся на Руси представлением о Византии как о земле людей заносчивых, лукавых¹ и «присно мудрствующих». Отсюда зеркало вообще может служить символом суетного знания, которым обладали «греки», так и не сумевшие преодолеть соблазн такого рода «знания». Зеркало как бы фокусирует в себе всю зыбкость и эфемерность греческого общества, обладавшего такого рода знаниями и технологиями, но, вместе с тем, оказавшегося бессильным в решении своих исторических проблем.

Допустима и другая трактовка данного символа, вплетенного авторами ЛЛС в повествование об истории «Греческой земли», которая в глазах русских книжников могла предстать и в альтернативной ипостаси. Мудрость, как и знание сути вещей в целом обладали и ценностными характеристиками. С этой точки зрения, «Греческая земля» в техническом отношении имела ряд конкурентных преимуществ. Достаточно сказать, что в том же ЛЛС содержится информация как текстовая, так и визуальная об иных технических достижениях византийцев, привлекавших внимание летописцев (орган², автоматы³). Все вышеперечисленное позволяет говорить, что Византия предстала перед русскими книжниками в свете легендарной страны искусных мастеров, гениальных зодчих, механиков, ученых, способных творить «чудеса техники» и быть в каком-то смысле примером для подражания. Не случайно, описывая момент уничтожения зеркала, летописец позволяет себе посетовать на утрату столь удивительного «сокровища», которое не уберегли греки⁴.

Таким образом, можно отметить наличие ряда альтернативных интерпретаций миниатюры ЛЛС, указывающих на аллегорический характер сюжета с «чудесным» зеркалом, а также сложность и неоднозначность рецепции подобного рода информации о Византии в Московской Руси.

С.А. Денисов

Институт археологии РАН (Москва)

Политические центры Эпирского царства в 1205–1261 гг.

Четвертый крестовый поход положил начало новой эпохе в истории Византийской империи. Падение Константинополя в 1204 г. открыло путь провинциальной элите к тому, чтобы оформить свое независимое правление. С другой стороны, становление таких центров как Никейская империя, Эпирское царство и Трапезундская империя характеризовалось участием столичной элиты в управлении и формировании идеологии. Эта ситуация привела к появлению в 1204–1261 гг. специфического явления – «вторых

---

¹ Мейендорф И. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990. С. 31.

² ЛЛС. С. 207.

³ ЛЛС. С. 258.

⁴ ЛЛС. С. 362.

Константинополей», представлявших собой провинциальные города, наделенные столичным статусом. Такими столицами стали Трапезунд¹ и Никея². Становление новых столиц было связано с активной строительной деятельностью: по распоряжению правителей возводились дворцы, восстанавливались церкви, отстраивались крепостные стены и т.д.

В Эпирском царстве данная практика не сразу получила распространение. Первоначально столицей государства была Арта, город, расположенный в Южном Эпире на р. Арахте³ и являвшийся центром владений Дук на западе Балкан: Иоанн Дука, отец Михаила I (1205–1215), именуется в грамоте сына как правитель Арты⁴. Здесь находился монетный двор эпирских правителей. В период правления Михаила I город сохранил свой статус, однако активная политика эпирского правителя по присоединению новых земель потребовала нового центра, расположенного ближе к границам царства.

Особое значение при Михаиле I приобрела Янина, расположенная в северном Эпире⁵. Город был укреплен по распоряжению правителя, в него были вселены беженцы, переехавшие в Эпир после 1204 г.⁶ Значение, которым обладала Янина в новом государстве, не совсем ясно. Возможно, данный аспект позволит раскрыть факт наличия в городе отряда гвардии, собранной из варягов и возглавляемый Феодором Диаватином⁷. Такой же отряд охранял дворец и финансы никейских императоров в Магнесии⁸. Возможно, Янина выступала в качестве своего рода резиденции правителя.

---

¹ Карпов С.П. После 1204 г.: Трапезунд — второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 28–30 мая 1986 г.). М., 1997. С. 136–137; *Он же*. Образование Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 26–27; *Он же*. В поисках новой святости: Греческое Причерноморье после 1204 г. // Международная церковно-научная конференция «Православная Византия и латинский Запад: К 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами» (Москва, 26–27 мая 2004 г.). Сборник материалов. М., 2005. С. 63; Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium. Hagia Sofia and the Empire of Trebizond. Ashgate, 2004. P. 1–9; Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 111.

² Жаворонков П.И. Малоазийские города периода Никейской империи // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 58; Σταυρίδου-Ζαφρακά Α. Νίκαια καί Ἡπειρος τὸν 13^ο αἰῶνα. Ἰδεολογικὴ ἀντιπαράθεση στὴν προσπάθεια τοὺς νὰ ἀνακτήσουν τὴν αὐτοκρατορία. Ἀθήνα, 1991. Σ. 201–202.

³ ODB. Vol. I. P. 191.

⁴ ТТ. II. S. 119.

⁵ Αραβαντινός Π. Χρονογραφία τῆς Ἡπείρου. Ἰωάννινα, 1856. Σ. 58.

⁶ Παπαδόπουλο-Κεραμεύς Α.Ι. Περὶ συνοικισμοῦ τῶν Ἰωαννίνων μετὰ τὴν φραγκικὴν κατάκτησιν τῆς Κωνσταντινουπόλεως // ΔΙΕΕ. 1891. Τ. 3. Σ. 454.

⁷ Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) // BNJ. 1976. Bd. 21. S. 60.20–21.

⁸ Angold M. Byzantine Government in Exile: Government and Society of Nikaia under Lascarids. Oxford, 1975. P. 187.

Другим центром Эпирского царства стал Диррахий – крупный торговый город, расположенный в северном Эпире на побережье Адриатического моря. Диррахий соединялся с Константинополем при помощи дороги Эгнатия¹. Город был присоединен к царству в 1214 г. Михаилом I и стал центром его дальнейшего наступления на Сербию. Город сохранил свое значение в период правления Феодора I (1215–1230). Об этом говорит то, что он упомянут в западноевропейских источниках в 1217–1224 гг. как дука Диррахия и окружающей области².

Однако позднее Феодор I Дука изменил направление внешней политики и активно присоединял территории, лежавшие к востоку и северо-востоку от Эпира. В этих условиях новым центром стала Фессалоника, второй по величине византийский город после столицы Византийской империи, который был освобожден от власти латинян осенью 1224 г. Опираясь на этот центр, Феодор I подчинил своей власти земли Фракии и дошел до Визы, города, расположенного рядом с византийской столицей³.

В период существования системы «уделов» эпирских Дук (1237–1246) можно говорить о нескольких центрах царства: Фессалонике, Навпакте и Арте. После того, как во главе царства снова стал единоличный правитель, Михаил II Дука (1246–1267), столицей снова стала Арта. В 1231–1271 гг. в городе была построена церковь Като Панагия и восстановлен Влахернский монастырь⁴.

Таким образом, в Эпирском царстве происходило разделение функций столицы между крупными городами. Схожая ситуация существовала в Никейской империи, где Никея являлась столицей государства, в Нимфее находилась императорская резиденция, в Магнесии располагались императорский дворец и государственная казна⁵. Отличием Эпирского царства стало «приспособление» понятия столицы к меняющимся политическим условиям.

¹ ODB. Vol. I. P. 668.

² *Albricus Monachus*. *Chronica Albrici Monachi Trium Fontium* // MGH. 1925. Bd. 23. S. 906.29–30; *Chronique d'Ernoult et de Bernard de Trésorier* / Éd. par M.L. de Mas Laitre. Paris, 1861. P. 392–393.

³ *Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MСМIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart, 1979. S. 40.20–41.1; Σύνοψις χρονική // Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / Έκδ. Κ.Ν. Σάθας. Βενετία, 1894. Σ. 473.21–23.

⁴ *Жаворонков П.И.* Культура Эпирского царства // *Культура Византии*. XIII – первая половина XV вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 121–122.

⁵ *Angold M.* *Byzantine Government...* P. 63; *Жаворонков П.И.* Малоазийские города... С. 57; ODB. Vol. 2. P. 1268.

И.В. Денисова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

**Педагог Алексей Дмитриу (1857–1925) –
первый византинист Белгорода**

История НИУ «БелГУ» неразрывно связана с именем Алексея Константиновича Дмитриу, известного педагога, исследователя византийской истории, руководителя учебных заведений Российской Империи, директора Белгородского учительского института. Он родился в семье священника, протоиерея Константина Ивановича Дмитриу в городе Довлетогач, в Бессарабской губернии в 1857 г. Окончил курс в Кишиневской гимназии. С 1885 по 1891 г. Дмитриу обучался на историко-филологическом факультете Императорского Новороссийского университета, который окончил с дипломом I степени. В РГИА (Санкт-Петербург) сохранились уникальные документы, которые свидетельствуют о его научных изысканиях. В ходатайстве об оставлении А.К. Дмитриу для получения профессорского звания, ординарный профессор по кафедре всеобщей истории Ф.И. Успенский отмечал его особенную склонность «к историческим мнениям, принимая живое участие в специальных курсах, и охотно исполнял даваемые на дом работы. Так, между прочим, им представлено было два реферата на 6 и 7 семестрах: 1) о борьбе светской власти и духовной в XIX в.; 2) о договорах Руси с греками»¹.

Под руководством доктора классической филологии, профессора Э.Р. фон Штерна А.К. Дмитриу выполнил работу на тему «Принципат Августа на основании Monumentum Ancusranum». Это потребовало глубокого изучения источников и обширного знакомства с литературой на различных языках. Ф.И. Успенский отмечает, что Дмитриу «с успехом овладел материалом и показал в достаточной степени критическую способность, что засвидетельствовала испытательная комиссия, оценив его работу высшей отметкой»². По свидетельству профессора, Дмитриу хорошо владел иностранными языками и способностью правильно излагать свои мысли. При этом Успенский рекомендовал ученику сосредоточиться преимущественно на средневековой истории, а по окончании университета заняться сборником византийско-венецианских договоров.

Об исследовании А.К. Дмитриу «К вопросу о договорах русских с греками» Ф.И. Успенский отмечает: «Передавая при сем факультету небольшую часть работы А. Дмитриу по изучению означенных договоров, имею честь свидетельствовать, что она представляет оригинальную и не

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 729. Л. 102.

² Там же.

лишенную научного интереса попытку разрешить вопросы о подлинности русского договора с греками с точки зрения формы, содержания и процедуры договоров Византии и Венеции. Не может быть сомнений, что вопросы о договорах Руси с греками должны быть разрешены именно с этой стороны»¹. Исследование А.К. Димитриу в полном объеме было издано в «Византийском временнике» в 1895 г. Историческое исследование «К вопросу о Historia Arcana» Прокопия Кесарийского было издано в 1894 г. в Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете. Эти работы и сегодня сохраняют значение для византологии.

О других его исторических исследованиях нам не известно. Среди методических работ следует отметить изданный в 1895 г. труд «География как учебный предмет: Опыт методико-дидактического руководства к преподаванию географии».

Педагогическую деятельность Димитриу начал в должности учителя сельского училища, был лектором Новороссийского университета, преподавал историю в Одесской женской гимназии учительницы Г.Р. Березиной, учителем истории и географии Одесской женской гимназии, учрежденной А.И. Бракенгейнер, и Одесской женской гимназии содержания О.Г. Шольн. В 1903 г. надворный советник А.К. Димитриу был назначен директором Люблинского семиклассного Коммерческого училища. С указанной должности правительственным распоряжением от 30 сентября 1906 г. № 72 он был переведен на службу по ведомству Министерства народного просвещения, состоящего за штатом, в должность директора Белгородского учительского института, основанного в 1876 г.

Белгородский период А.К. Димитриу (1906–1913 гг.) обусловлен развитием педагогического образования в г. Белгороде. Димитриу являлся инициатором открытия педагогического кружка и был его Председателем до 1913 г. Там он выступал с личными докладами и рефератами: «Экспериментальное исследование личности» в сопровождении иллюстраций и применением проекционного аппарата и кинематографа, «К вопросу о разумных развлечениях для учащихся» и др. К 1910 г. кружок был преобразован в Педагогическое общество. Семь лет он прожил в Белгороде, где его запомнили как человека, многое сделавшего для развития педагогического образования, активно занимавшегося вопросами просвещения.

Правительственным распоряжением от 07 июля 1913 г. № 42 статский советник А.К. Димитриу был перемещен с должности директора Белгородского учительского института на должность директора Воронежского учительского института. С 1914 г. А.К. Димитриу в Воронеже работает как директор и преподаватель русского языка и психологии Воронежского учительского

---

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 729. Л. 102–103.

института и городского училища при нем, преподаватель истории педагогики в Епархиальном женском училище, дидактики в Частной женской гимназии М.П. Кожевниковой. В 1915 г. А.К. Димитриу был назначен членом Воронежского училищного совета. Позже Алексей Константинович продолжил педагогическую деятельность в Воронежском педагогическом институте, Воронежском институте народного образования.

А.К. Димитриу был награжден орденами Святого Станислава II-й степени (1905 г.), Святой Анны II-й степени (1909 г.), медалью в память царствования Императора Александра III и в память 300-летия Царского Дома Романовых, орденом Святого Владимира IV-й степени (1915 г.). За успешную педагогическую службу А.К. Димитриу было присвоено дворянское звание.

В некрологе А.К. Димитриу, опубликованном в газете «Воронежская коммуна» в 1925 г., Петр Григоров вспоминает о А.К. Димитриу как о жизнерадостном, чутком, отзывчивом человеке, воспитавшем целое поколение учителей Воронежской, Курской и ближайших губерний.

А.А. Евдокимова

Институт языкознания РАН (Москва)

Новые надписи в долине Мечей и долине Гомеда (Каппадокия)

В докладе будут рассмотрены надписи (граффити и дипинти), найденные киевскими коллегами в следующих памятниках: 1) церковь с фресками в конусе в долине Мечей близ Гёреме (к.и.н. Т.А. Бобровский и Е.Е. Чуева, 2013–2015 гг.), церковь без фресок в долине Гомеда в окрестностях Мустафапаша и церковь с фресками там же (Игорь Грек в 2015 г.).

В так называемой церкви с фресками в конусе в долине Мечей близ Гёреме сохранились фрагменты фресок в красно-охристых тонах, выделенных прямоугольными рамками, и под некоторыми из них найдены прорисованные в цвет рамок дипинти. Самая сохранный из надписей погребального характера - рабы Божией Софии - сочетает в себе две классические формулы с глаголами «μακάρισε» и «ἀνάπαυε». Надпись написана в две строки маюскулом с лунарными «ε» и «σ» с единственной орфографической ошибкой, традиционной после итацизма «τιν δοῦλιν» вместо классического «τὴν δοῦλην».

В церкви без фресок в долине Гомеда в окрестностях Мустафапаша в алтарной ее части недалеко от прорисованного в круге креста несторианского типа располагается дипинто, нарисованное серой краской, в котором в первых трех строках четко читается имя Лазарь и начало его фамилии. В четвертой строке наблюдаются небрежные начертания букв, выполненные в технике граффито. По палеографическим приметам, надпись, скорее всего, поздняя и относится примерно к XIV в. В том же памятнике с другой (правой) стороны алтарной ниши располагаются два граффити: «ΒΑ» «ΓΟ», а также видны остатки еще двух несохранившихся дипинти.

Последняя из рассматриваемых церквей содержит три минускульных граффити на кирпично-красном фоне: 1) двустрочное обведенное в рамку с утраченной левой частью надписи, в верхней строке четко читается «[μῆστη]μβρινός»; 2) рядом также в две строки скорее отдельные сочетания букв (слоги), чем осмысленный текст, хотя во второй строке вычленяется слово «ρίζα»; 3) более расплывчатое по технике начертания в отличие от двух предыдущих, словно автор пытался придать буквам объем.

Другая группа граффити на охристом фоне представлена надписями двух видов: маюскульные краткие с крупными буквами и минускульные тонко очерченные, явно более поздние по своим палеографическим признакам и более пространные. Четыре маюскульных фрагмента словно обрамляют по углам два минускульных граффити. В самой верхней левой читается имя «Νλί[ας]», другие представлены отдельными буквами. В левом минускульном граффито три строки, в последней четко читается «ἔτος 18/9..», что позволяет и соседнюю надпись датировать тем же временем. Соседнее граффито, также трехстрочное, начинается со слова «πρόδρομος».

В другом месте располагается на штукатурке дипинти с частично утраченным, возможно, смешанным греко-латинским текстом. Читается фрагмент первой строки и видны остатки нескольких строк в правой части надписи, под читаемыми буквами – явная утрата штукатурки. На другой стене тоже на штукатурке сохранилось трехстрочное тонко очерченное граффито явно византийского периода.

Более подробно с прорисовками, интерпретациями и переводами все надписи данных памятников представлены в докладе.

*Е.Ю. Ендольцева, В.Н. Чхаидзе
Институт востоковедения РАН,
Институт археологии РАН (Москва)*

Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации средневековых рельефов*

В коллекции Таманского филиала Краснодарского историко-археологического музея хранятся резные мраморные и известняковые блоки разной функции, относящиеся, очевидно, к различным эпохам. Часть рельефов, найденных в результате археологических и натуральных исследований на Таманском городище и в его окрестностях, известны лишь по черно-белым фотографиям. Задача настоящего исследования – ввести в научный оборот, а также определить дату и функцию вышеупомянутых артефактов, обозначить круг возможных стилистических и иконографических аналогий.

---

* Исследование «Архитектурная пластика Абхазского царства 8–11 вв.» выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15–24–12001 (а/м).

По типологическим признакам их можно разделить на три группы: капители колонн, фрагмент плиты с изображением ангела с платом, исчезнувшие фрагменты, украшенные резьбой типа «плетенка», известные лишь по черно-белым фотографиям. Комплексное исследование коллекции до сих пор не проводилось, исследователи разных лет вскользь упоминали отдельные артефакты.

Резные камни первой группы выполнены из мрамора и выставлены в экспозиции Таманского филиала Краснодарского историко-археологического музея. Анализ орнамента четырех капителей и двух фрагментов позволяет отнести их к типу коринфско-византийской капители. Среди территориально близких аналогий – капители из Херсонеса и из церкви Св. Иоанна Крестителя (Предтечи) в Керчи¹. Подобный тип капителей встречается также в среднем нефе церкви Св. Аполлинария Нового в Равенне². Похожие орнаменты распространены по всей юго-восточной части Черноморского побережья Кавказа и в других частях Византийской империи, в соседних с ней землях (Константинополь, Эфес, Греция, Кипр, Болгария, Румыния)³. Стилистический и иконографический анализ рассматриваемых артефактов позволяет отнести их к VI в. Интересно, что одна из капителей демонстрирует уникальное, насколько нам известно, для этого времени изображение плетеного креста среди листьев аканфа.

Рельеф второй группы также выставлен в экспозиции Таманского филиала Краснодарского историко-археологического музея. Это фрагмент известняковой плиты с изображением ангела, держащего плат. Реконструируемая по фрагменту сцена относится к числу широко распространенных в христианском искусстве, начиная с IV в. Она может встречаться на стенках раннехристианских саркофагов, на предметах из слоновой кости (оклады евангелий, диптихи, костяные гребни и др.), относящихся к разным периодам византийского средневекового искусства (VI–IX вв.). В этой ситуации основным критерием датировки могут служить стилистические и технические особенности изображения. Предложенная версия, таким образом, носит гипотетический характер. Грубоватая манера исполнения лика ангела сближает его с некоторыми артефактами из коллекции Археологического музея в Стамбуле, которые А. Грабар датирует концом V – началом VI в.⁴ Это не противоречит версии датировки рассматриваемого изображения, предложенной А.В. Банк и поддержанной А.К. Коровиной⁵. В

¹ *Biernacki A. B. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonozu Taurydzkiego. T. II. Poznan, 2009.*

² *Tichanov-Klimenko M. Les chapiteaux de l'église Saint-Jean-le-Précurseur à Kerc // L'art byzantin chez les Slaves. L'ancienne Russie, les Slaves catholiques. 2 recueil. Paris, 1932. P. 3-24.*

³ *Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. № 63. М.; Л., 1959; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002.*

⁴ *Grabar A. Sculptures byzantines de Constantinople (IV–X siècle). Paris, 1963.*

⁵ *Коровина А.К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.*

изображении плата, который держит ангел, есть, правда, одна непонятная деталь. Сохранность рельефа не позволяет идентифицировать вырезанный на нем образ. Судя по имеющемуся фрагменту, здесь представлена нижняя часть растения с пышной листвой у корня и извилистым стеблем, либо фрагмент крыла неизвестного существа, либо часть руки. Как уже было сказано, на настоящем уровне исследования проблемы идентифицировать это изображение не представляется возможным за неимением прямых иконографических аналогий. Вероятно, если когда-либо удастся определить представленный сюжет, то и датировка плиты может быть уточнена.

К последней, третьей группе, относятся исчезнувшие рельефы, известные только по черно-белым фотографиям из публикаций и отчетов А.С. Башкирова¹, и из отчетов 1953–1954 гг. Таманской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Б.А. Рыбакова². Две капители пилястры и фрагмент мраморной плиты подробно описывает А.С. Башкиров. Капители пилястр были украшены уникальной резьбой во вторичном использовании (они были выточены из пьедестала античной статуи). Некоторые элементы резьбы (восьмилепестковые розетки, схематически изображенные горизонтальной штриховкой ветки дерева, и окаймляющий основной орнамент витой жгут из трех шнуров с «глазком» в центре) позволяют сблизить обе капители с декоративной резьбой по известняку из церкви Скрипу в Беотии 873–874 гг., церкви Св. Георгия Фивейского в Беотии 871 г., мраморной орнаментальной плитой из Сард IX–X вв. и с известняковой капителью из Преслава X в.³ Некоторые типы орнамента, представленные на капителях, встречаются и в средневековой пластике Абхазии. Так, витой жгут, составленный из двух или трех шнуров с «глазком» украшает и алтарную преграду из Анухвы (XI в.). Многочисленны также аналогии по различным элементам декора среди малоазийских средневизантийских капителей. А.С. Башкиров упоминает также фрагменты капители (без фотографии), архитектурной декорации (без описания) и алтарной преграды из мрамора. Полная аналогия алтарной преграде выставлена в экспозиции Краснодарского историко-археологического музея (не опубликована). Плоский характер резьбы, а также техника выполнения птиц (схематичный силуэт) и ветви растения позволяет сопоставить этот артефакт с памятниками византийской архитектурной резьбы IX–X вв.

---

¹ Башкиров А.С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. // Ученые записки Московского городского педагогического института. Т. 13. Вып. 2. М., 1950. С. 133–176.

² Рыбаков Б.А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции на Таманском городище и в его окрестностях (1952–1953 гг.) // Архив ИА РАН. 1953. Р–1. № 918–919; Рыбаков Б.А. Отчет Таманской археологической экспедиции за 1954 г. // Архив ИА РАН. 1954. Р–1. № 1051–1052.

³ Grabar A. Sculptures byzantines du Moyen age. II. (XI–XIV siècle). Paris, 1976; Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie. Bonn, 1997.

Фрагменты рельефов, опубликованных Б.А. Рыбаковым, очень похожи по стилю и орнаменту на капители, описанные А.С. Башкировым. Скорее всего, они происходили из одного архитектурно-художественного ансамбля.

Таким образом, средневековые рельефы Таманского городища можно разделить на две хронологические группы. К первой, конца V–VI вв., относятся все четыре капители и фрагмент плиты с ангелом. Их присутствие подтверждает гипотезу о том, что где-то здесь находилась церковная постройка ранневизантийского периода. Ко второй, IX–XI вв., принадлежат утерянные рельефы, запечатленные на черно-белых фотографиях из отчетов А.С. Башкирова и Б.А. Рыбакова. Цель экспедиции Б.А. Рыбакова состояла в поисках материальных остатков церкви Св. Богородицы в Тмутаракани, построенной, согласно указанию «Повести временных лет», князем Мстиславом Владимировичем в 1022 г. Работы экспедиции завершились обнаружением византийского храма (тип вписанного креста на четырех столбах или колоннах), построенного в X–XI вв. и просуществовавшего до XVIII в., что косвенно подтверждает приведенную для второй группы датировку. Аналогии и дата строительства искомой церкви позволяют, как кажется, сузить рамки предложенного в качестве датировки периода, сместив акцент в пользу XI в.

Н.Э. Жигалова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Завоевание Фессалоники в 1430 г.: проблема взаимоотношений турок и греческого населения

На протяжении последнего столетия истории Византии ее политическое и культурное пространство постепенно занимали агрессивные восточные соседи – турки-османы. На захватываемых османами византийских территориях греческое население постепенно сливалось с турецким контингентом, утрачивая свои культурные особенности. В науке утвердилось мнение, высказанное С. Врионисом, что взаимосвязанные процессы деэллинизации и исламизации в т.н. «зоне контакта» турок и греков играли ключевую роль в деле освоения османами византийского мира¹. Турки выступали в качестве внешней враждебной силы, разрушительной для эллинизма². Насильственные методы, как правило, были основной формой подчинения византийского населения. Основной, но не единственной.

Для того, чтобы определить, каким образом турки выстраивали политику взаимодействия с завоеванным населением, обратимся к одному из самых трагичных эпизодов поздневизантийской истории – захвату Фессалоники в 1430 г.

¹ Vryonis S. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71.

² Шукуров Р.М. Зона контакта. Проблемы межкультурных отношений в современной византистике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 260–261.

Турки проявляли известную веротерпимость и снисходительность по отношению к завоеванным народам. В той же Фессалонике во время ее первой оккупации в 1387–1403 гг. византийцам было позволено сохранить свое имущество и исповедовать христианство. Исидор Глава, бывший в то время архиепископом города, отмечал, что турецкий султан оказывал разного рода благодеяния горожанам. По мнению Дж. Денниса, к таковым можно отнести ослабление налогового гнета, временную отмену девширме, возможность грекам выкупиться из плена, веротерпимость турок и пр.¹ Не удивительно, что еще тогда многие фессалоникийцы, желавшие сохранить свое материальное положение, были готовы добровольно сдаться под власть османов, обещавших спокойную жизнь.

Однако в период последней осады Фессалоники в 1422–1430 гг. настроения горожан изменились. По словам Иоанна Анагноста, султан Мурад II незадолго до финальной атаки неоднократно отправлял в город послов с предложением добровольно сдать Фессалонику, находившуюся с 1423 г. под властью венецианцев, и обещал населению взамен сохранить их права и имущество: «Он отправил некоторых христиан из других городов, которые советовали нам спасти собственные жизни и прилагали усилия, чтобы возбудить нас против латинян»². Обратим внимание, что Мурад посылал на переговоры именно христиан, рассчитывая, что византийцы скорее пойдут на контакт с единоверцами, нежели с мусульманами.

Вероятно, султан желал, с одной стороны, сохранить город в целости и уберечь от разграбления, с другой – настроить греков на мирное сотрудничество с завоевателями.

После взятия города в 1430 г. турки, приступив к дележу добычи, столкнулись с тем, что многие местные жители сокрыли их богатства в надежных местах. Понимая, что принуждение не принесет желаемого результата, османы стали уговаривать горожан выдать им свои тайники. По словам Анагноста, «будучи хитрыми и сообразительными, имея в этих делах большой опыт, турки увещевали своих пленников, соблазняя их обещаниями, особенно же женщин, ибо их легко сбить с толку»³. Такая форма поведения по отношению к завоеванному населению демонстрирует, на наш взгляд, удивительную изобретательность османов. Подобные увещевания, ко всему прочему, приносили желаемый результат: фессалоникийцы отдавали не только свои сбережения, но также сообщали о тайниках своих соседей.

Мурад, приняв решение восстановить дома и разрушенные объекты, провел перепись населения и составил опись имущества. Султан отправил на подчиненные ему территории специальных служащих, чьей задачей было найти людей, ранее владевших собственностью в Фессалонике, и призвать их в город, чтобы увеличить численность населения. Многим жителям Фессалоники

¹ *Dennis G.T.* The Second Turkish Capture of Thessalonica // *BZ.* 1964. Bd. 57. Heft 1. S. 58.

² *Τσάρας Γ.* Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοῦδια ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. Σ. 16–18.

³ *Ibid.* Σ. 46.

Мурад, «находясь в хорошем расположении духа», обещал свободу и возврат имущества¹. Султан, желая возродить город и его экономику, охотно шел на уступки местному населению.

Подобная стратегия не была новым явлением в политике османских султанов. Стремясь обеспечить мирное сосуществование с завоеванным населением, османские правители предпочитали избегать применения насилия. Рядовые турки были настроены если не на сотрудничество, то, по крайней мере, на содействие со стороны византийцев, пусть и в корыстных целях. Примечательно, что порой такая форма взаимодействия оказывалась результативной.

Э.Г. Жордания

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Византийский Понт и картвелы в XIII–XV вв.

Одним из важнейших направлений современной византистики, являются комплексные исследования различных историко-географических и культурных регионов Византийской империи как ареала взаимодействия и взаимовлияния разных культур и цивилизаций. Исследования данного характера позволяют выявить особенности регионального развития византийской цивилизации и определить причины как политического, так и социокультурного своеобразия этих регионов.

В этом плане значительный интерес представляет исследование актуальных вопросов этнической истории и топонимики Понта, который в ряду других историко-культурных регионов византийского мира характеризуется целым комплексом социокультурных особенностей. При этом, региональное своеобразие византийского Понта, на наш взгляд, наряду с происходившими в Черноморском регионе политическими, экономическими и миграционными процессами, в значительной степени определялось географическими и этническими характеристиками этого края.

В XIII–XV вв. через территорию империи Великих Комнинов проходили основные магистральные пути международной транзитной и региональной (внутричерноморской) торговли, посредством которых, наряду с торговым и информационным обменом, протекал активный процесс межэтнического симбиоза и взаимовлияние культур Запада и Востока, Севера и Юга.

В результате формировался особый, понтийский тип полиэтнического общества, социокультурное своеобразие которого в полной мере отразилось как в административно-территориальной, этно-конфессиональной и социальной структуре империи Великих Комнинов, так и в архитектурных памятниках, изобразительном искусстве, языке, традициях, быте и культуре жителей этого края.

---

¹ Ibid. Σ. 54.

Историко-сопоставительный анализ сведений греческих, латинских, грузинских, армянских, турецких и арабских письменных источников, равно как и археологический, и лингвистический материал, позволяет заключить, что в XIII–XV вв. основную массу населения Понта составляли греки и картвелы, в частности лазы и чаны. Наряду с ними часть населения царства Великих Комнинов составляли этнические армяне, латиняне, вернее итальянцы, – выходцы из Генуи и Венеции, – а также тюркские кочевнические племена.

Греки, появившиеся на побережье Юго-Восточного Причерноморья в период античной коллонизации, принадлежали к особой понтийской субкультуре и, в целом, определяли как культурное, так и политическое развитие региона Понта. Свидетельством этого вполне может служить и царство Великих Комнинов, которое по своему цивилизационному типу, безусловно, являлось византийским государством, основными элементами которого являлись Православие, греческий язык и византийская концепция власти. Они в полной мере отразились как в государственной идеологии, так и в политическом, церковном и общественном устройстве царства Великих Комнинов. Свидетельством цивилизационной принадлежности империи вполне может служить и её приверженность эллинскому, вернее, греко-византийскому искусству, а существование греческого в качестве официального языка делопроизводства и богослужения, является, на наш взгляд, самым ярким доказательством этого.

Однако, как отмечалось выше, Понтийский византизм отличался целым комплексом региональных особенностей и, на наш взгляд, сформировался в результате взаимовлияния и взаимодействия византийской цивилизации как с местным, локальным, так и с порубежным, в частности, картвельским историко-культурным и цивилизационным пространством. В отличие от вышеперечисленных этнических групп, составлявших население Понта, лишь картвелы представляли собой местное, автохтонное население края. Являясь наследниками западно-грузинских племен, колхов, они представляли собой единый этнокультурный элемент и были распространены как на побережье, так и в горной части региона. При этом, в сельской местности, в отличие от городов, картвелы составляли основную часть населения, в особенности в восточных землях Понта. Они представляли собой оседлое сельское население и занимались земледелием. С течением времени картвелы в значительной степени были эллинизированы, но при этом не считали себя этническими греками. Они и по сей день проживают на территории Турции, в Северо-Восточной Анатолии и на юго-восточном побережье Черного моря, сохранив родной язык и традиции.

Ни в кой мере не преувеличивая роль и значение как Грузии, так и картвельского населения Понта в исторической судьбе Трапезундской империи, отметим, что именно они, местное автохтонное население, естественно, наряду с греками, в значительной степени определяли, как социокультурное своеобразие понтийского полиэтнического общества, так и культурный облик царства Великих Комнинов и понтийского региона в целом.

Е.А. Заболотный

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» (Москва)

Император и Sol invictus как прообразы Христа в экзегезе Ефрема Сирина

Как известно, одним из основных способов толкования Священного Писания в древней Церкви была типологическая экзегетика, в рамках которой то или иное событие Ветхого Завета рассматривалось в качестве прообраза (греч. τύπος, лат. *typus*, сир. *tīpsā*) или «тайны»/«таинства» (греч. μυστήριον, лат. *mysterium*, сир. *gāzā*) события новозаветного¹. Так, Ноев ковчег – образ Церкви, спасающей чистых и нечистых (Быт 6:19–20; 7:2–3, 8–9)² и омывающей верных в водах крещения. С крещальной тематикой связывался и переход евреев через Красное море³, а ветхозаветная Пасха в целом считалась символом Пасхи христианской. В этом контексте пасхальный агнец, упомянутый в Исх. 12:2–3, 6–7, знаменовал собой Христа как жертвенного Агнца. Однако христологическое прочтение Ветхого Завета не ограничивалось этим сюжетом, поскольку прообразами Христа были также праотцы, в т. ч. Адам⁴ и Исаак⁵. Встреча символа и той реальности, на которую он указывал, происходила в самом прообразуемом событии. При этом, типологию следует четко отличать от аллегорического толкования, характерного для иудейской экзегезы Филона Александрийского и воспринятого христианской Александрийской школой, прежде всего, Оригеном († 253/4).

Типология была характерна не только для греческой и латинской, но и для сирийской традиции. Толкования прп. Ефрема Сирина (ок. 306–373), почитаемого как Православной и Католической Церквами, так и христианами дохалкидонских Церквей, являются важными примерами развития сирийской традиции в Римской империи до разделения этой традиции на противостоящие христологические группы. В этом смысле особый интерес представляет фрагмент из 18-й мадраши (гимна) Ефрема на Рождество, до сих пор не получивший удовлетворительного объяснения в исследовательской литературе. В данном фрагменте в качестве прообраза Христа рассматривается Октавиан Август (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.), именуемый «царем по имени (ṣemhā)». Сирийское слово *ṣemhā* имеет два значения⁶: «восток» (ср. ἀνατολή τοῦ ἁγροῦ) и

¹ См. важное исследование, посвященное типологической экзегетике II–IV вв.: Даниелу Ж. Тайнство будущего: Исследования о происхождении библейской типологии / Пер. В.Н. Генке, общ. и науч. ред. А.Г. Дунаев. М., 2013.

² См., напр.: *Ephraem Syrus. De Nativitate*. 1.44–45 (изд.: *Hymnen de Nativitate (Ephiphania)* / Hrsg. E. Beck. Louvain, 1958. S. 6. [Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; 186. *Scriptores Syri*; 82]. (Далее: *Ephraem Syr. De Nat.*).

³ Подробнее о данном топосе в рамках сирийской традиции: Заболотный Е.А. Крещение: [Творения сирийских авторов] // *Православная энциклопедия*. М., 2015. Т. 38. С. 636.

⁴ *Ephraem Syr. De Nat.* 1.15–16. S. 3.

⁵ *Ibid.* 13.17. S. 76.

⁶ *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Bd. 153. S. 83.

«сияние» (греч. ἀπαύγασμα; см.: Евр 1:3 – *сияние славы и образ ипостаси Его* – ἀπαύγασμα τῆς δόξης καὶ χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ¹). Издатель гимнов Э. Бек допускал, что Ефрем мог связывать созвучные слова Augustus (греч. Σεβαστός) и αὔγασμα, хотя и признавал отсутствие однозначного ответа на вопрос о том, почему Ефрем Сирийский, говоря об Октавиане, отождествлял его имя со словом *ṣemhā*:

*В Рождество Твое,
во дни царя
по имени Сияние,
тайна (rāzā) и истина (qūštā)*

*встретились вместе,
царь и Царь,
Сияние (ṣemhā) и Восток (denhā)
Крест свой понесло
сие царство.*

*Благословен Возвысивший его!*²

Нам представляется маловероятным, чтобы читатели Ефрема могли увидеть в этих строках, написанных на сирийском языке, игру греческого и латинского слов. По всей видимости, данный фрагмент все же является намеком на весьма распространенный в Римской империи культ Непобедимого Солнца (Sol Invictus), провозглашенного верховным божеством (summus deus) при Аврелиане (270–275)³. Как хорошо известно, на монетах Константина Великого (306–337) изображения солярного божества появляются ок. 308 г. и сохраняются до сер. 20-х гг. IV в.; при этом монеты имели девиз: Soli Invicto Comiti («Предводителю Непобедимому Солнцу»). Встречаются изображения императора, увенчанного лучистым венком (золотой солид из Британского музея), причем на реверсе некоторых монет помещена фигура Sol Invictus с тем же венцом, что было призвано подчеркнуть сходство Константина с богом солнца. Более того, на золотом медальоне того времени имеется надпись: Invictus Constantinus («непобедимый Константин»)⁴. Поскольку молодость Ефрема Сирийского пришлась на годы правления Константина, он мог перенести представления, связывавшиеся с императором в IV в., на фигуру Октавиана Августа.

Данное предположение подтверждается при обращении к другому фрагменту из мадрашей, в котором Ефрем Сирийский говорит о дате Рождества и упоминает о свете, отождествляемом со Христом⁵. Из этого отрывка также

¹ The Greek New Testament / Ed. B. Aland, K. Aland. Stuttgart, 2000⁴. P. 741.

² Ephraem Syr. De Nat. 18.3. S. 91.

³ Мы благодарим Р.М. Шукурова, указавшего на возможность именно такой интерпретации. О культе Непобедимого Солнца в Римской империи см.: Halsberghe G.H. The Cult of Sol Invictus. Leiden, 1972.

⁴ Квливидзе Н. В. Константин: [Иконография на монетах и медалях] // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 36. С. 726–727.

⁵ Ephraem Syr. De Nat. 4.14–15. S. 48.

следует, что Рождество для Ефрема – 13-й день после зимнего солнцестояния по римскому календарю (после 25 декабря, т. е. 6 января (26 число месяца канун) – Богоявление или праздник светов¹). Нам удалось обнаружить еще одно подтверждение этой идеи, которое содержится уже в прозаическом произведении «пророка сирийцев» – в его Комментариях на Исход². Развивая общехристианское представление о Христе как «Солнце правды», Ефрем Сирийский связывает и другие события истории спасения с поворотными точками солнечного круга:

зачатие Иоанна Предтечи – 23 сентября (10 тишири), осеннее равноденствие

Благовещение (зачатие Христа) – 30 марта (10 нисана), вскоре после весеннего равноденствия.

Следует также учитывать весьма распространенную традицию, в рамках которой подчеркивалось, что Римская империя, ставшая местом рождения Спасителя, была благословлена Богом³. Таким образом, мы можем реконструировать ход мысли Ефрема следующим образом: Христос как Солнце, явившееся миру «в месяц, когда побеждает свет» – император («непобедимый Константин»), отождествляемый с Непобедимым Солнцем (Sol Invictus) – Октавиан Август («царь по имени Сияние») как прообраз Христа, «Востока свыше»⁴.

И.В. Зайцева

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Проблема взаимоотношений Константинопольского и Александрийского патриархатов в IV–V вв.

Влияние Константинопольского патриархата на утверждение догматов и распространение христианства в Византийской империи не вызывает у исследователей никаких сомнений. Особенность его образования от апостола Андрея стала основанием определять богоизбранность Константинопольского патриархата, что усиливало его позиции на общеимперском уровне. В 381 г. на втором Вселенском соборе было установлено правило, согласно которому Константинополь занял второе место в диптихе церквей Византийской

¹ Подробнее о праздновании Рождества Христова 6 января см.: Кузенков П.В. Христианские хронологические системы: История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014. С. 65–68.

² *Ephraem Syr.* In Exodum. 12.1. Изд.: In Genesim et in Exodum Commentarii / Ed. R.-V. Tonneau. Lovanii, 1955. P. 141 [Corpus scriptorum christianorum orientaliu; 152. Scriptores Syri; 72].

³ См., например, песнопение византийского гимнографа прп. Кассии († до 867 г.) — самогласен-славник 2-го гласа на «Господи, воззвах», исполняемый на вечерне Рождества Христова (Αὐγουστου μοναρχήσαντος ἐπὶ τῆς γῆς, «Августу единоначальствующу на земли») — Μηνῶν. Αθήναι, 1970. Т. 12. Δεκέμβριος. Σ. 379; Минея [Служебная «месячная»: В 12 т.]. М., 1978–1989. Декабрь. Т. 2. С. 334).

⁴ Лк. 1:78.

империи, поставив его после Римской кафедры и перед Александрийской¹. Этот факт стал первым в череде фактов, осложнивших взаимоотношения Александрийского и Константинопольского патриархатов.

В 451 г. на четвертом Вселенском соборе Константинопольскому епископу было разрешено рукополагать митрополитов на территории Малой Азии и во Фракии, а уже к 530 г. император Юстиниан разрешил всему епископату империи подавать Константинопольскому патриархату жалобы не только на митрополитов, но и на остальных патриархов – Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского². Это обстоятельство стало второй причиной наметившегося ухудшения отношений между Константинополем и Александрией.

В 412 г. Александрийскую кафедру занял Кирилл, который вел активную политику в русле государственно-конфессиональных отношений Константинополя. В основе его действий лежала идея о чистоте христианства, поэтому он активно боролся с катарами, населявшими Александрию в достаточно большом количестве, язычниками и иудеями³. Поскольку Александрия всегда была знаменита большим количеством различных либеральных течений философского и религиозного толка, а светские власти не видели в наличие подобных элементов большой проблемы для общества, это обстоятельство вызывало у самого Кирилла протесты в отношении различных элементов светской власти, к которой сам он активно стремился. По словам Сократа Схоластика: «Кирилл ... вступил на епископство с большей властью, чем Феофил, ибо с его времени александрийское епископство выступило за пределы священнического сана и начало самовластно распоряжаться делами»⁴. Собственно, именно в этот период, можно было говорить о сближении Александрийского и Константинопольского патриархата.

После смерти Кирилла, отношения перерастают в другой контекст. Одним из самых показательных моментов в демонстрации отношений между Александрией и Константинополем стало публичное осуждение в 451 г. на Халкидонском Соборе под давлением византийского императора Маркиана, его жены Пульхерии и римского папы Льва I александрийского патриарха Диоскора за поддержку ереси Евтихия⁵. Результатом этого «мероприятия» стала ссылка Диоскора в Малую Азию, где он скончался в 464 г. Необычайная популярность Диоскора в александрийском обществе и осуждение императорских действий по отношению к нему, привела к появлению двух новых течений: одного как предтечи Коптской церкви, другого – мелькитской,

¹ Густерин П.В. «Кайт-Бей» — Александрийский кремль // Мир музея. 2011. № 11. С. 56.

² Голубцова Н.И. У истоков христианской церкви. М., 1967. С. 17.

³ Wilkert R.L. Judaism and Early Christian Mind: A Study of Cyril of Alexandria's Exegesis and Theology. New Haven; London, 1971. P. 32.

⁴ Сократ Схоластик. Церковная история. Кн. VII. Гл. 7.

⁵ Флоровский Г.В. Византийские отцы V–VIII вв. М., 1992. С. 43; Шафф Ф. История христианской церкви. III: Никейское и посленикоевое христианство, 311–590 г. по Р.Х. СПб., 2007.

что также не прибавило авторитета Константинопольскому патриархату со стороны Александрии¹.

В V в. противоречия между Александрией и Константинополем достигли апогея не только на уровне государственно-конфессиональных отношений, но и на уровне догматических представлений. Египетские монофиситы полностью обособились от столицы империи, признавая наличие только одной божественной природы Христа, отвергая природу человеческую. В результате, Александрийская церковь, не признав решений Халкидонского Собора, вступила в открытое противостояние с Константинопольским патриархатом².

Смерть императора Маркиана стала поводом для изменения в структуре управления Александрийским патриархатом. В 457 г. был убит поставленный императором после Диоскора на александрийский патриарший престол Протерий, и кафедру возглавил Тимофей, что еще больше усилило конфликт между Константинополем и Александрией.

Значительный протест у Константинополя вызывало большое количество монофиситов в Александрии, литургия которых коренным образом отличалась от принятой на Вселенских Соборах, и чье влияние значительным образом подрывало авторитет Константинопольского патриархата.

Постоянная смена патриархов в Александрии, в зависимости от степени поддержки того или иного императора, привела к еще большей дестабилизации отношений между Константинополем и Александрией, постоянно изменяя вектор развития то в сторону сближения отношений, то наоборот в сторону ухудшения.

Таким образом, история отношений Константинопольской и Александрийской патриархии насчитывает несколько столетий и имеет по большей части негативную окраску. Обстоятельства, которые приводили к этому, можно условно разбить на два блока: к первому относятся вопросы господствующего положения Константинопольского патриархата и его стремления проводить строго догматическую государственно-конфессиональную политику в остальных патриархатах Византийской империи, а ко второму – сама либеральная специфика философских и религиозных течений Александрии, которая явным образом противоречила некоторым христианским догматам, принятым на Вселенских соборах.

В.Н. Залеская

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Завещание Евстафия Воилы (1059) и артефакты XI в.

Письменный источник середины XI в., «Завещание» малоазийского магната Евстафия Воилы, интересен в нескольких аспектах: этот памятник точно датирован, он содержит описание разнообразной литургической утвари, в

¹ Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 4. М., 1994. С. 288.

² Епифанович С.Л. Лекции по патрологии. М., 2010. С. 190.

нем имеются данные для локализации упоминаемых памятников. Используемая в описании артефактов терминология определяет в ряде случаев как технологию изготовления предмета, так и композиционное построение нанесенного на него декора. Факты личной биографии Евстафия Воилы свидетельствуют в пользу малоазийского происхождения принадлежавших ему драгоценностей. Три группы памятников выделены специфическими терминами. Это: 1) двенадцать бронзовых икон (εἰκόνας σαρούτια δώδεκα); 2) крест позолоченный, украшенный шестью медальонами (βλεμία ἕξ); 3) потир (δισκοποτήρης).

1) *Двенадцать бронзовых икон.* В документе речь идет именно о моленных образах, а не о привесках к ним, поскольку подобные предметы в Завещании отмечены особо. Материал, из которого были выполнены эти иконы, обозначен греческим словом σαρούτια, каковое происходит от того же корня, что и σάρονξ – медь. Двенадцать икон Евстафия Воилы были, очевидно, бронзовыми, поскольку изделия из этого сплава, а не из чистой меди были характерны для византийских памятников. Как могли выглядеть эти иконы? Для X–XI вв. известны две категории бронзовых икон: массивные литые с последующей доработкой чеканом и гравировкой и выполненные штамповкой из тонкого листа бронзы в сочетании с чеканом и гравировкой. Горельефные изображения принято относить к изделиям столичного круга, выполненные же штамповкой из тонкого листа бронзы и, вероятно, набивавшиеся на деревянную основу, изготавливались в Малой Азии. Несколько подобных икон были найдены во время раскопок в Херсонесе. Участие в неудавшемся заговоре против императора Константина IX Мономаха (1042–1055) заставило Воилу бежать из своего имения в Каппадокии в Антиохийскую фему. Во время этого вынужденного переселения Воила взял с собой ценные предметы, завещанные впоследствии в церковь Пресвятой Богородицы, построенной им в своем новом имении Селим. Таким образом, есть основание полагать, что двенадцать бронзовых икон, если и не были работами каппадокийских мастеров, то, во всяком случае, вышли из мастерских малоазийских торевтов.

2) *Крест позолоченный, имевший «шесть вставок»,* (перевод П. Безобразова) или “six medallions” – шесть медальонов (перевод С. Вриониса). В обоих случаях перевод не буквален, а сам термин предполагает некую образность. Действительно, ἡ βλεμία – это «взгляд», «взор», что вполне подходит для обозначения круглого медальона с ликом святого, т.е. соответствует переводу С. Вриониса. Сам же автор этого перевода все же замечал, что ἡ βλεμία могло бы быть искаженным ἡ λαμία, что означало нечто сияющее и блестящее, такой «светлячок». При любом переводе мы сталкиваемся с образным обозначением священных изображений, помещавшихся на процессионных крестах – этих сияющих медальонах, выполнявших роль связующего звена между миром горним и дольным.

3) *Потир (δισκοποτήρης).* Это был именно потир, а не гарнитур, состоящий из потира и дискаса, поскольку последний стоит в перечне

Завещания отдельно, а рядом с *δισκοποτήρης* в тексте фигурируют и другие предметы, необходимые при приготовлении к евхаристии: сито, две ложки, а также три ткани для покрытия чаши. В последнем случае есть основание предположить, что так в источнике XI в. назван «воздух». Это тем более вероятно, поскольку в тексте упомянуты три таких плата, что соответствует практике православного богослужения, когда для покрытия евхаристических сосудов полагалось иметь три воздуха.

Малоазийские евхаристические чаши XI в. известны. Эти потиры имели либо изображения четырех евангелистов, либо четыре креста, а по бортикам – начинающуюся с креста традиционную евхаристическую надпись: *Все пейте из него, сие есть кровь Моя* (Мф. 26:27–29). В отличие от общеимперских образцов на евхаристических чашах, некоторые из которых своим происхождением были связаны с Малой Азией, традиционная надпись имела специфическую орфографию слова *αἷμα* (кровь), где дифтонг *αι* был заменен на *ε*, а отдельные литеры имели своеобразный характер начертания. Так, *омикрон* имеет очертание ромба с двойными стенками, *сигма* – лунарная, а *Ν* и *Η* составляют лигатуру. Эти особенности, вероятно, являлись отличительными признаками конкретной мастерской. Таким образом, оказывается, что в некоей провинциальной мастерской Анатолийского нагорья было налажено относительно массовое производство литургической утвари. Предмет, названный в «Завещании» Евстафия Воилы *δισκοποτήρης*, по всей вероятности, был из такой категории сосудов.

А.В. Захарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Малоизвестные росписи трапезундских храмов по материалам экспедиции Ф.И. Успенского 1916–1917 гг.*

В докладе речь пойдет о до сих пор очень мало известных росписях трех храмов в Трапезунде: так называемой Дворцовой церкви, церкви Св. Евгения и церкви Св. Анны. Дворцовая церковь сейчас практически полностью разрушена. Фрески церкви Св. Евгения скрыты под слоем побелки, а росписи церкви Св. Анны частично сбиты, а частично находятся под толстым слоем копоти. Между тем, в результате недавних архивных исследований материалов трапезундской экспедиции Ф.И. Успенского 1916–1917 гг. удалось найти фотографии и другие свидетельства, проливающие новый свет на эти мало исследованные памятники.

---

* Исследование подготовлено в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

Дворцовая церковь располагалась в угловой северо-западной башне цитадели Трапезунда рядом с руинами дворца Великих Комнинов. Она была обследована Ф.И. Успенским и членами его экспедиции в уже значительно руинированном состоянии. Внимание ученых прежде всего привлекла фреска с изображением святого покровителя Трапезунда, мученика Евгения, а также очень плохо сохранившийся ктиторский портрет, которые и были описаны Ф.И. Успенским в двух его публикациях. Между тем, на сделанных участниками экспедиции фотографиях и в заметках самого Ф.И. Успенского фигурируют и многие другие изображения. Несмотря на низкое качество фотографий и плохую сохранность запечатленных на них фресок, представляется вполне возможным восстановить в общих чертах иконографическую программу дворцовой церкви. По стилю росписи ее можно предположительно датировать XIII в. Как уже было сказано, этот ансамбль не дошел до наших дней и остался практически неизвестен следующим поколениям исследователей, которые даже не знали, в какой из башен цитадели он находился.

Церковь Св. Евгения (ныне мечеть Ени Джума) – один из самых известных и крупных храмов города. Существующее здание относится к XIII–XIV в. Оно фигурирует в публикациях практически всех путешественников и исследователей, посещавших Трапезунд в XIX и XX в. Однако именно обмеры и исследования, осуществленные в 1917 г. участником экспедиции архитектором Н.Б. Баклановым, стали основополагающей работой по этому памятнику. В это же время из-под слоя побелки было раскрыто несколько фрагментов фресок и сделаны зондажи в разных местах храма, показавшие, что он был полностью расписан. В архиве СПФАРАН хранятся неопубликованные фотографии раскрытых тогда фрагментов фресок на северной стене. Это изображение тронной Богородицы с Младенцем над входом и нескольких святых, которых можно отождествить по иконографии и остаткам надписей. По стилю живописи фрески могут быть отнесены к середине XIV в., когда храм перестраивался и обновлялся после пожара 1340 г. Между 1917 и 1928 гг. фрагменты живописи на северной стене были снова забелены, и до сих пор они не были известны исследователям.

Последний памятник, о котором пойдет речь в докладе, – церковь Св. Анны. Этот древнейший из сохранившихся в Трапезунде храмов был построен в 884/885 г. и в дальнейшем использовался как усыпальница, о чем свидетельствуют в том числе фрески и многочисленные надписи XIV–XV вв. Эти фрески и надписи исследовались Г. Милле в 1893 г. и Д. Тэлботом Райсом в 1929 г., их описания и фотографии изданы в совместной монографии двух авторов 1936 г. Значительная часть фресок с тех пор погибла или оказалась полностью скрыта под толстым слоем копоти. До изгнания греческого населения из Трапезунда в 1923 г. храм был действующим, что помешало детально обследовать его членам экспедиции Ф.И. Успенского. Тем не менее, другой русский исследователь, член ИРАО и уполномоченный Российского общества Красного креста Ф.М. Морозов, находившийся в Трапезунде в 1916–1918 гг., сфотографировал одну из фресок в алтаре храма Св. Анны с

изображением ангела, которое тогда было достаточно хорошо видно. Эта фреска была опубликована в книге Милле и Тэлбота Райса, однако с неверной атрибуцией (как изображение некоего святого из цитадели). Иконографические особенности фресок апсиды церкви Св. Анны, описанные Г. Милле в 1893 г., а также стилистические особенности изображения ангела на фотографии Ф.И. Морозова и тех фрагментов фресок, которые просматриваются в настоящее время, позволяют высказать предположение, что под слоем копоти здесь скрываются первоначальные росписи конца IX в.

В настоящее время мы готовим публикацию этих материалов совместно с А.Г. Цыпкиной.

А.В. Зибеев

Саратовский государственный национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского

«Церковная история» Филосторгия и некоторые жанры античной географической литературы

Оригинальный текст «Церковной истории» Филосторгия, арианского автора конца IV – начала V вв., возможно, содержал подробные описания провинций Римской империи, а также стран Востока, имевших с ней политические и торговые связи. В «Церковной истории», как она дошла до нас, имеются сведения о политической и религиозной жизни того времени. Кроме этого в её повествовании можно встретить изображения побережий, перечисление гаваней и другую разнообразную информацию о путешествиях римских купцов в Индию. Очевидно, этот труд имеет серьезные отличия, как по своему содержанию, так и по форме, от церковных историй Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Созомена Саламинского, Феодорита Киррского и Евагрия. Арианская церковная история, возможно, испытала влияние некоторых жанров литературы, появившихся в результате многовекового развития географических представлений греков и римлян. Таким образом, сравнение сочинения Филосторгия с некоторыми *периплами* позволит приблизить решение проблемы жанра «Церковной истории» этого автора.

В древнегреческой литературе, начиная с Полибия, произошло естественное разделение географических трудов на «хорографические» и «географические» в узком смысле слова, описанные в руководстве по географии Клавдия Птолемея. «География» Птолемея начинается с объяснения отличия *географии* от *хорографии*: первая описывает весь мир (κόσμος), а вторая его отдельные части. Исходя из этого, *география* основана на математических методах, так как для неё важны лишь самые общие сведения о расположении объектов, которые можно выразить в координатах, а *хорография* их не использует, поскольку детали, с которыми она имеет дело, не могут быть выражены математически. *География* больше занимается количественными характеристиками, а *хорография* качественными (*Ptolemeus. Geographia. I.1.4*).

К хорографической литературе относят и *периплы*, *периегезы*, *итинерарии*. Эти жанры продолжили свое развитие в Римской империи даже после «кризиса III в.», когда начался упадок античной географии. Примечательно, что и христианские авторы часто помещали в свои тексты описания дальних путешествий. Ярким примером здесь является Филосторгий.

Именно периплы – описания морских путешествий и плаваний вдоль берегов – дают лучшее понимание проблемы жанра «Церковной истории». Можно разделить периплы на две группы, отличающиеся практическим значением:

а) описание дальних путешествий; к наиболее известным из них относят «Перипл Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана и описания, составленные Неархом;

б) практические руководства мореплавателей, в которых показывались опасности морского пути, места удобных гаваней, расстояния между населенными пунктами; самое известное произведение этой группы – «Перипл Эритрейского моря» неизвестного автора I в. н.э.

В III-й книге «Церковной истории» (Philostorg. III.6) содержатся описания побережья и портов Эритрейского моря. Филосторгий пишет, что после завершения своей посольской и миссионерской поездки в Великую Аравию Феофил Инд направился к эфиопам, проживающим на побережье Красного моря. У Филосторгия приводится информация о разделении этого моря на два залива (Аила и Клисма) и о большой длине Красного моря. Рассказ Филосторгия передан Фотием в сокращенном виде, что позволяет предположить о наличии подробного описания Эритрейского моря в оригинальном тексте арианского автора. В шестом параграфе той же книги описывается и устье Персидского моря: часть большого Эритрейского моря, откуда начинает свое течение река Тигр (Ibid. III.6).

Приведенные выше описания имеют сходство со сведениями, которые сообщает неизвестный автор «Перипла Эритрейского моря», написанного в 70-х гг. I в. н.э. В этом тексте упоминаются без названия два залива, причем возле первого находится город Береника – крупнейший египетский порт на Красном море; возле второго располагается крепость Левка Колея (Periplus maris Erythraei. 6.18–19). Указанные в тексте заливы можно отождествить с Клисмой и Аилой. Таким образом, сравнение фрагментов Филосторгия и текстов периплов позволяет сделать вывод о сильном влиянии последних на описания «Церковной истории».

Помимо периплов, большое влияние на труд Филосторгия оказали и *периегезы*. Это отчеты о путешествиях, составленные для путешественников, содержащие сведения о провинциях и странах. Авторы этих трудов стремились донести до читателей и дополнительную информацию об истории, мифологии, достопримечательностях местности. К числу таких трудов можно отнести «Описание земли» Дионисия Периегета. Характер описаний, служащих дополнением к рассказу о миссии Феофила, во многом соответствует особенностям повествования этого жанра географической литературы. Складывается впечатление, что рассказ об Аравии и её населении занимал значительную часть «Церковной истории».

Таким образом, напрашивается вывод, что, стремясь заинтересовать своих читателей, Филосторгий поместил в «Церковную историю» сюжеты, описанные в традициях греческой хорографической литературы. Можно предположить, что если бы труд автора дошел до нас целиком, то он занял бы свое достойное место среди выдающихся сочинений Геродота, Страбона, Павсания, Прокопия Кесарийского и пр., в которых географические описания удачно соотносились с сюжетами политической и религиозной жизни своего времени.

В.А. Золотовский

Волгоградский государственный университет

**Податные обязательства и виды воинского довольствия
в системе материального обеспечения византийской армии
раннепалеологовского периода**

Военная организация Византии позднего периода неоднократно становилась предметом изучения. Лишь за предшествовавшие десятилетия появилась серия работ, касающихся организации, принципов формирования и роли отдельных частей армии в никейский и палеологовский период (В.А. Сметанин, Э. Арвейлер, Н. Икономидис, М. Бартусис, П.И. Жаворонков, С. Кириакидис). Однако следует заметить, что за единичными исключениями вопросы структуры военной организации, способов комплектования вооруженных сил так и не получили должного внимания. Полагаем, что определенную ясность в изучение этих проблем позволит внести раскрытие специфики податных обязательств и видов воинского довольствия в системе материального обеспечения раннепалеологовской армии.

Проблема податных обязательств византийского воинства представлена в историографии различными интерпретациями двух основных концепций. Первая заключается в том, что воины, как и остальные жители империи, несли налоговое бремя. Представители второго подхода утверждают о полном отсутствии налоговых и податных обязательств у воинства в силу характера службы. Отметим, что и материал источников относительно исследуемого предмета изобилует аналогичными разногласиями. Как представляется, такая двойственность освещения указанного вопроса является, прежде всего, следствием различий в положении стратиотов и акритов.

Отметим, что свидетельства современников ясно указывают на податную повинность, закрепленную за стратиотами. При этом помимо традиционных воинских налогов и податей византийские воины-стратиоты палеологовской империи несли те же повинности, что остальные жители.

Касательно прониаров, можно с полной уверенностью констатировать, что сама социально-экономическая сущность пронии была основана на обязательных повинностях и податях.

Представляется, что дискуссия по проблеме оплаты службы стратиотов основана на отсутствии в источниках различий между категориями воинов, а также на упоминании терминов, значение которых крайне сложно определить. Полагаем, что прояснить вопрос позволит разграничение службы стратиотов и акритов.

Несмотря на частые упоминания в источниках оплаты акритской службы, приводимые данные не позволяют делать точные выводы о суммах и характере выплат пограничным войскам. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что жалованье являлось главным источником обеспечения затрат, бывших следствием перманентного ведения военных действий, а также мало способствовавшего получению достаточного дохода от управления воинскими владениями. Кроме того, можно предположить, что акритские выплаты выделялись один раз в году, как и традиционная для империи *рога* придворных служителей и воинов.

В отличие от акритов, несших особый вид службы, влекущий к постоянным затратам и издержкам, воины-стратиоты, как представляется, получали жалованье исключительно на время мобилизации. Традиционными для империи техническими обозначениями выплаты жалованья являлись термины *ῥόγα* (прямые выплаты денег), *σιτηρέσιον* (продовольственный паек, или, – в нашем случае, – деньги, предназначенные для покупки продовольствия), *ὀψώνιον* (деньги, предназначенные для закупки товаров, продовольствия).

Анализ источников палеологовской эпохи показал единичные случаи употребления термина *рога* и выплат продовольственных денег в период военных действий воинам-стратиотам. Вполне вероятно, что этот факт мог быть следствием скорого и не прекращавшегося истощения имперской казны. В то же время большинство сообщений источников об оплате воинской службы касались исключительно наемников-иностранцев. Термин *ситиресион* употреблялся в палеологовскую эпоху в значении выплат воинам-прониарам, или же обозначал жалованье, выдаваемое наемникам. Кроме того, можно предположить, что в ряде случаев лексема *ситиресион* употреблялась в значении жалованья наемникам, получившим за службу земельные участки.

Жалованье стратиотов находилось в непосредственной связи с продовольственными потребностями войска. В том случае, если денег в казне было недостаточно, императоры полагались на добровольные взносы жителей, проводили вынужденные реквизиции или же предпринимали кампании по сбору экстраординарных налогов, целью которых было пополнение казны для выплаты жалованья стратиотам.

Наиболее часто встречающимися лексемами, обозначающими продовольственную повинность в военных нуждах, были *ψωμοζήμια* (означало различные виды принудительных поставок войскам) и *σιταρκία* (как следует из источников, – имперская подать).

Отметим, что для раннепалеологовского периода характерно проведение мероприятий по созданию резервных запасов провианта. В числе проводимых мер для обеспечения обороны городов и крепостей сбор необходимой провизии являлся приоритетной задачей, так как это было одним из залогов успешной деятельности гарнизона.

Определение специфики материального обеспечения военнослужащих показало, что в системе воинского довольствия не произошло существенных изменений. Материальное обеспечение воинов осуществлялось через пожалование *роги* и *ситиресиона*, находившееся в ведении казны. Было установлено, что жалование выделялось всем категориям военнослужащих. Продовольственная потребность войска удовлетворялась через повинности, возложенные на население (*ситаркия*). Необходимость сокращения расходов на содержание войска в походе принуждала полководцев к организации реквизиций. Кроме того, подчеркнем, что выявленная общая традиционность системы воинских повинностей и видов довольствия, определенно указывает на сохранение в военной организации раннепалеологовского периода провинциального стратиготского ополчения.

Я.Ю. Иваницкая

МОУ СОШ «Гимназия № 3» (Белгород)

Античные памятники в Константинополе IV–VI вв.: специфика вторичного использования

Ранняя Византия в значительной степени является культурой вторичного использования различных элементов материальной культуры (сполии, элементы фортификации, палимпсесты и т.д.)¹. Вместе с тем известен факт вторичного использования и целых языческих памятников, статуй и т.п., как находившихся в самом городе, так и специально свезенных со всех частей империи. Реальное формирование облика Нового Рима породило такой интересный феномен, как кумуляция античных классических памятников и включение их в топографию нового города, христианской столицы. Эта двойственность является одним из ярких феноменов именно позднеантичной эпохи, когда сочетание почти несочетаемого давало уникальный эффект не просто эклектики, но единого, хотя и разнородного целого².

Феномен концентрации памятников предшествующей эпохи в новой столице не нов. Достаточно вспомнить эллинизацию самого Рима, сопровождавшуюся свозом культурных памятников (правда, преимущественно малых форм) из Эллады, а также египетских обелисков. Также и в дальнейшем,

¹ Spolia in Late Antiquity and the Middle Ages. Ideology, Aesthetics and Artistic Practice. Hortus artium medievalium, 2011. 314 p.

² Mango C. Antique Statuary and the Byzantine Beholder // Dumbarton Oaks Papers. 1963. Vol. 17. P. 55–75.

в Средние века, это явление наблюдалось неоднократно (Венеция, Киев, затем Санкт-Петербург и т.п.).

В Константинополе IV–V вв. постепенно были собраны самые разные античные памятники достаточно крупных форм, что отличает эту кумуляцию от других. При этом их четко выраженный античный характер, видимо, не смущал творцов имперской идеологии. Н.П. Кондаков отметил, что византийцы «тщеславились этим повсеместным хищением античных древностей со всей империи для своей столицы, но не понимали ни их относительного достоинства, ни их значения»¹.

Среди важнейших памятников, привезенных в Новый Рим, были:

– статуя Зевса Олимпийского работы Фидия (490–430-е гг. до н.э.), одно из семи чудес света. Создана между 447 и 432 гг. до н.э. для храма Зевса в Священной роще (Альтисе) Олимпии. При Феодосии Великом (379–395) была вывезена в Константинополь. Во время пожара, возникшего из-за поджога библиотеки Константинополя в результате народных волнений против узурпатора Василиска (475–476), статуя сгорела в одном из дворцов;

– бронзовая статуя Ники высотой 12 м. Закончена в 438 г. до н.э. Первоначально находилась в Парфеноне на афинском Акрополе. В V в. ее перевезли в Константинополь, где она вскоре сгорела во время одного из пожаров;

– статуя Афродиты Книдской (Эвплойа), величайшее произведение Праксителя (390–330-е гг. до н.э.). Создана между 364 и 361 гг. до н.э. Находилась в святилище Афродиты. В IV в. привезена в Константинополь. Сгорела во время грандиозного пожара в 476 г.;

– статуя Афины Линдии из цельного кристалла изумруда высотой в 4 локтя (187,2 см), произведение Скиллида и Дипойна (VI в. до н.э.). Первоначально была установлена в святилище Афины в г. Линд на Родосе. В IV в. привезена из Рима в Константинополь и хранилась на территории комплекса Большого дворца. Погибла во время его разграбления в XII в.;

– бронзовая скульптурная группа Морского чудовища на разделительном барьере Ипподрома. Представляла собой ужасного вида женщину, нагую по пояс. Ее нижняя часть состояла из множества щупалец, которыми она хватала людей с проходящего мимо корабля. Автор, вероятно, Скопас (2-я пол. V в. до н.э.). Разбита крестоносцами в 1204 г. и пущена на монеты.

К этому списку можно добавить памятники в честь важных событий истории Эллады, и даже египетский обелиск.

Одним из наиболее важных источников по данной теме может служить хроника Марцеллина Комита, жившего и работавшего в Константинополе в эпоху Юстиниана. В пятом регионе Константинополя (Стратигион) находилась женская бронзовая статуя Тихи, или Фортуны города². Пожар 510 г. расплавил одну из ее рук, которая была быстро восстановлена. Египетский обелиск, посвященный фараону Тутмосу III, как записывает Марцеллин Комит под

¹ Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006. С. 165.

² Janin R. Constantinople Byzantine: development urbain et repertoire topographique. P., 1964. P. 431–432.

390 г., продолжал стоять на ипподроме. Он был привезен Феодосием и установлен за 30 дней под руководством Прокула¹.

Античные споллии в ряде случаев если и не образовывали целые ансамбли, то активно вписывались в архитектурный контекст таких комплексов как Золотые ворота, Форум Феодосия, а также храм Св. Софии². “De Antiquitatibus Constantinopolitanis” сообщает, что в церкви Св. Софии из 427 статуй большинство было «эллинскими», в том числе Зевс, Крон, 12 фигур зодиака, Селена, Афродита, Арктур, Афина, Ирида и др. «Все эти статуи, рассеянные по городу», Юстиниан собрал в свой громадный храм. Вместе с тем, «если кто из людей сведущих пожелает обойти город, ища других статуй, найдет их еще немало».

Имела место также адаптация существовавших цельных античных комплексов (бани Зевксиппа, Ахилла и Аркадия) под нужды новой эпохи.

Кроме того, новая имперская столица, подобно старому Риму, стала объектом строительства новых памятников, следовавших классической традиции и репрезентировавших имперскую идеологию: монументальные колонны Константина, Феодосия, Аркадия, Маркиана, комплекс построек Ипподрома, цистерны и т.д.³ Часть этих памятников можно увидеть еще и сегодня⁴.

С.А. Иванов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Телеграф Льва Математика: история – астрология – сказка

1. Четыре источника IX–XI вв. независимо друг от друга описывают световой телеграф, построенный Львом Математиком для императора Феофила: новинка состояла в том, что на двух концах сигнальной цепи находились синхронизированные часы, и появление костра означало разные вещи в зависимости от того часа, когда он разжигался. Впрочем, все это рассказывается лишь для того, чтобы в очередной раз проклясть Михаила Третьего, который якобы велел сломать механизм. Впоследствии телеграф оброс легендами: некоторые из них разобраны К. Манго в 1960 г. Например, ученый Лев Математик превратился в императора Льва Мудрого, однако в докладе разбираются только те предания, которые ускользнули от внимания Манго.

¹ PLRE. Vol. I. P. 746–747.

² *Бевилакка Л.* Семейное наследство: античные артефакты, вторично используемые в византийских городах // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 5. СПб., 2015. С. 203–209; *Saradi H.* The Use of Spolia in Byzantine Monuments: the Archaeological and Literary Evidence // International Journal of the Classical Tradition. 1997. Vol. 3. P. 395–423.

³ См.: *Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н.* Античные памятники Константинополя. Белгород, 2011.

⁴ См.: *Иванов С.А.* В поисках Константинополя. М., 2011.

2. Хронисты XII в. при описании телеграфа следуют за Скилицей, и только Константин Манассия в своей поэтической «Хронике» (стк. 5195–5201) позволяет себе вольность: под его пером телеграф превращается в некий ἔξαισιον σκεῦος ὀρονομίου, «через который император, пребывая во дворце, мог наблюдать, час за часом, что планировалось у арабов или сирийцев». Перед нами явно какой-то астрологический инструмент, в духе придворных увлечений эпохи Мануила Комнина.

3. Болгарский перевод Хроники Манассии, сделанный в XIV в., превращает астрологический σκεῦος ὀρονομίου в «съсудь зръцала», хотя ни о каком зеркале в греческом тексте нет и речи. На восприятие телеграфа как сказочного приспособления видимо повлияло его смешение с зеркалом Александрийского маяка, которому средневековая легенда (зафиксированная Вениамином Тудельским, «Сказанием о царстве» пресвитера Иоанна и т.д.) приписывала волшебное свойство показывать военные приготовления неприятеля.

4. Если судить по греческим письменным источникам, окончательное превращение телеграфа Льва Математика в сказочный предмет происходит лишь в пост-византийской хронике Псевдо-Дорофея Монеувасийского. В этом приспособлении легко узнаваемы черты как будущего пушкинского «Свет мой Зеркальца», так и будущего пушкинского Золотого Петушка. Интересно, однако, что в константинопольском фольклоре волшебное зеркало фигурировало задолго до Псевдо-Дорофея, как минимум в сер. XIV в., когда оно попало к болгарскому переводчику Манассии.

В.Б. Казарина

Мастерская древнерусского шитья «Покров» (Санкт-Петербург)

**Византийские традиции изображения виноградной лозы
в орнаментальных заставках древнерусских рукописных книг
XI–XV столетий**

Рукописная орнаментика – область пока еще малоизученная, но, в то же время, весьма актуальная. Памятник – это единая система изобразительного ряда и орнаментального декора, в котором отдельные элементы связаны закономерностью общего развития от простого к более сложному.

Рукописную орнаментику можно разделить на два типа: эпифаническую (от греч. ἐπιφάνεια – явление)¹, являющую Божественное в виде знаков и символов орнамента и изобразительную – аллегорически изображающую вероучение².

¹ Эпифаническая реальность в литургии богословски обосновывает протоиерей Александр Шмеман в своем труде: Протоиерей Александр (Шмеман). Евхаристия. Таинство Царства. М., 2010. С. 41.

² Эти символы Н.В. Покровский характеризует как аллегорические: Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 2000. С. 33.

На раннехристианских памятниках преобладали изобразительные символы, их смысл, неясный для стороннего наблюдателя, был понятен кругу посвященных. Например, виноградная лоза, символ из евангельских притч, излюбленный орнаментальный мотив на протяжении всей эпохи христианства, со временем преобразуется в бегунец, или выюн.

Оформление древнерусских рукописных книг ориентировалось на декоративные композиции Византии. Примером могут служить роскошные заставки из Юрьевского Евангелия XII в., Служебник Варлаама Хутынского, первой четверти XIII в., Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. В скромной заставке из числа массовых книг: Архангельского Евангелия 1092 г. виноградная лоза становится уже весьма условной.

Стремление русских мастеров к подражанию роскошной орнаментике византийских рукописей к XIII в. стало угасать, и начал широко распространяться тератологический орнамент, основанный на слиянии животных и растительных мотивов, который видоизменяет виноградную лозу, соединяя ее с мифическими животными. То, что это не просто какая-то отвлеченная растительность, а виноградная лоза, доказывают характерные и для предыдущего времени крины-листья, расположенные по углам заставки. Мифические животные тератологического орнамента, отображающие древние кельтские мифы, уже в IX в. попадая на страницы Евангелия, предстают с иной символикой. Примером может служить Келлская книга, или Книга Колумбы, около 800 г., где символы евангелистов, в окружении вставок с переплетениями, изображены в характерном для кельтского искусства мифическом виде.

На рубеже XIV–XV вв. происходит разложение тератологического орнамента, начинают появляться декоративные элементы византийского типа.

На миниатюре «Иоанн Богослов и Прохор» из Феодоровского Евангелия XIV в. евангелист и его ученик помещены в орнаментальную рамку, которая образует внутреннее храмовое пространство. Здесь виноградная лоза переплетается с другими растительными мотивами, являя переходную стадию, возвращение к византийскому стилю от тератологического орнамента, за этим стилем закрепился термин «неовизантийский». Для него характерно широкое использование стилизованной растительности: цветов и листьев, но все они «нанизываются» на виноградную лозу. Появление растительного мира указывает на некоторое изменение и в символике. С одной стороны, лоза характеризует евангельскую весть, а растительность уже имеет другой смысл – это райский сад, Царствие Небесное. В эпифаническом орнаменте начинают проступать изобразительные черты.

В конце XIV – начале XV в., после ухода с арены тератологического орнамента, появляется не только неовизантийский, но и балканский стиль. По мнению Т.Б. Уховой¹, эти стили оставались чуждыми друг другу. Трудно с

¹ Ухова Т.Б. «Балканский» стиль в орнаменте рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // ДИ. XIV–XV вв. М., 1984. С. 141.

этим согласиться. Если рассматривать балканскую орнаментику через призму развития изображений виноградной лозы, то найдется гораздо больше общего. Также ее предположение относительно того, что система балканского стиля никак не может быть связана с эволюцией тератологического орнамента, не вполне правомерно с точки зрения трансформации лозы. В заставке перед чтением от Марка Аникиева Евангелия первой трети XV в. из собрания БАН круговые переплетения жгута, выходя за рамки орнамента, на концах имеют стилизованные виноградные листья, свидетельствуя о том, что это не просто отвлеченный орнамент, а все та же виноградная лоза. Переплетения ее во многом повторяют, но уже без зооморфных мотивов, тератологическую плетенку. Таким образом, появление балканского стиля не является чем-то случайным, оно вполне закономерно, несет ту же символику, а вот выразительные средства несколько другие. Характерная особенность этой орнаментики состоит в переплетении концентрических кругов, которые с помощью циркуля гораздо легче исполнить, чем другие виды декора. И это свидетельствует скорее о том, что к созданию таких заставок могли привлекаться рисовальщики с более скромными возможностями, что помогало увеличить количество выпускаемых книг.

Изучая орнаментику рукописных книг на протяжении XI–XV столетий на примере развития евангельского символа, виноградной лозы, можно отметить удивительную устойчивость этого основополагающего вероучительного символа. Начиная свой путь с римских катакомб, где он имеет изобразительный характер, превращаясь в эпоху Средневековья в стилизованный эпифанический символ, к Новому времени он возвращается в своем развитии к изначальному, изобразительному, уже наполняясь новым смыслом.

С.П. Карпов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Талассократия XIV века в оценках современников*

В XIV столетии византийское господство над морями осталось в далеком ностальгическом прошлом. На просторах Средиземноморья шла жестокая конкурентная борьба итальянских морских республик, Генуи и Венеции, втягивающая в котел противоборства все соседние государства: империю Ромеев, Золотую Орду, Арагонское королевство, турецкие бейлики, иоаннитов Родоса, королей Кипра... Орда и Византия оказались в центре конфликта, на главной оси противостояния, и оттого пострадали больше других. Для Византии её поражение, усиленное последствиями Гражданской войны, стало *coup de grâce*, а для улуса Джучи – предвестником распада, великой «Замятни».

---

* Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 14–28–00213.

Осознавали ли современники суть происходящего, или же с обреченностью фаталиста взирали на разворачивавшиеся события?

Мне кажется, именно византийские интеллектуалы поняли это раньше других. У них уже был опыт «отношений» с венецианцами в ходе IV Крестового похода, и ничего красноречивее оценок Никиты Хониата нам не найти. Об опасности генуэзской экспансии для Византии, о желании лигурийцев, опираясь на Нимфейский договор 1261 г., закрепиться на противоположных берегах Черного моря и контролировать тем самым империю ромеев, в 80-е гг. XIII в. писал патриарх Григорий Кипрский¹. Вслед за ним, Георгий Пахимер указал на присущую «латинянам» φρόνημα, их беспредельную горделивую алчность². Гораздо глубже и всестороннее, уже зная о печальных итогах войны проливов 1350–1355 гг., об опасности этой латинской гордыни для всего эллинского мира повествовал Никифор Григора. Угроза представлялась ему и в нарушении генуэзцами договоров с византийцами, и в том, что замок Галаты (Перы) контролирует сам Константинополь, и в том, что лигурийцы разгромили собранный с таким трудом ромейский флот³. Впрочем, хорошо зная историю Генуи и указывая на стремление генуэзцев господствовать над пространством от Меотиды до Геркулесовых столбов, Григора не без насмешки пишет о последствиях этой кичливости: ведь сама эта республика в 1353 г. оказалась во власти иностранного государя (правителя Милана Джованни Висконти)⁴.

Иоанн VI Кантакузин начало генуэзско-венецианской войны связывает с тем, что генуэзцы возжелали, чтобы ни ромейские, ни венецианские купцы, ни их собственные суда не плавали в Тану под тем предлогом, чтобы вновь не ввязаться в войну с татарами («скифами») по этой причине, а на самом деле – чтобы извлекать большие доходы из торговли, сосредоточив ее в общем для всех эмпории – Каффе, подконтрольном, естественно, генуэзцам. Венецианцы же вовсе не считали возможным прерывать навигацию в Тану и не желали слышать о совместности, говоря, что ничто им не мешает плавать, куда им самим заблагорассудится. Генуэзцы в ответ стали нападать на венецианских купцов, захватывать их грузовые суда, чем и вызвали войну⁵. В менее определенной форме он, тем не менее, подчеркивает все то же обстоятельство: претензии генуэзцев на исключительность в черноморской торговле. Чем дальше, тем больше византийские авторы гневно обрушиваются как на венецианцев, так и на генуэзцев, в слепой вражде друг к другу просмотревших рост за их спинами губительного для них самих могущества Османской державы.

¹ См. подробнее: *Laiou A.E. Monopoly and Privilege: the Byzantine Reaction to the Genoese Presence in the Black Sea // Oriente e Occidente tra medioevo ed età moderna. Studi in onore di Geo Pistarino / A cura di Laura Balletto. Aquil Terme, 1997. T. 2. P. 675–686.*

² *Georges Pachymères. Relations historiques / Ed. par A. Failler. Paris, 1999. T. 4. P. 495.2.*

³ *Nicephori Gregorae Historiae Byzantinae libri postremi / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1855. P. 41.*

⁴ *Ibid. P. 194.*

⁵ *Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1832. Vol. 3. P. 191.19–193.10.*

Венецианские хронисты, отражая в основном официальную позицию властей Республики Св. Марка, дают по сути близкую византийцам оценку *superbia* соперников, их стремления к исключительности своих торговых прав и привилегий, во всяком случае, в бассейне Черного моря. Хроники XIV в., – Энрико Дандоло и Псевдо-Пьетро Джустиниана, Рафаино Карезини, – равно как и исторические сочинения XV в. Лоренцо Моначи, Антонио Морозини, Псевдо-Дзанкаруоло, Джорджо Дольфина, Марино Санудо Младшего, акцентируют внимание на ограничительной политике генуэзцев, считавших Черное, а тем более Азовское море, своим, желавших контролировать всю торговлю там и не допускать к ней иноземцев без собственного разрешения. Мотивом для генуэзцев служило то, что якобы именно они ранее очистили море от пиратов и от турок. Пожалуй, четче всех это сформулировал Лоренцо Моначи. Но он противопоставлял эксклюзивности генуэзцев политику Венеции, также очистившей от пиратов и набегов мавров и сарацинов Адриатику, но делавших это не только для себя, но для блага всех христиан. Автор приводит и еще более интересный аргумент: ключевые пункты моря – Перу и Каффу – генуэзцы приобрели обманом в чужой земле, тогда как венецианцы, владыки четверти и еще полчетверти всей империи Романии, обладают этим не столько силой, сколько по праву и разуму, подтверждая время от времени вечный мир договорами с императором греков¹.

Генуэзская хронистика, в отличие от венецианской, уклоняется от изложения идейных причин конфликта между двумя республиками. Джорджо Стелла (ум. в 1420 г.), а вслед за ним Агостино Джустиниани (1470–1536) и последующие хронисты и историки, сразу начинают описание конфликта с информации о боевых столкновениях близ Хиоса². Лишь вскользь Паоло Интериано (сер. XVI в.) замечает, что венецианцы, якобы, желали полностью лишить генуэзцев власти над Левантом³. Но целью генуэзских капитанов было владычество над морем и слава Республики⁴.

Очевидное стремление Генуи в XIII–XIV вв. к торговой монополии нашло свое выражение в утвердившемся в итальянской хронистике стереотипе *супербии* генуэзцев. За конкретными описаниями хронистов Флоренции, Болоньи, Феррары и др. государств Апеннин также просматривается осознание того, что в ходе соперничества утверждался универсализм *sui generis*: торговый, нацеленный на исключение и подавление соперников, будь то византийцы или иные «латиняне». Новое понимание «универсальности» имело не политическую, но экономическую коннотацию. Имя ей было дано византийскими авторами – «талассократия», владычество над морями. Византия ее потеряла, Венеция обрела в результате IV Крестового похода и не

¹ Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetiis ab u.c. ad annum 1354, sive ad conjurationem ducis Faledro. Venetiis, 1758. P. 207–208.

² Rerum Italicarum Scriptores. T. XVII. P. 1091; *Giustiniani Agostino*. Annali della Repubblica di Genova. Genova, 1854. T. 2. P. 91; *Interiano Paolo*. Ristretto delle Historie Genovesi. Lucca, 1551. P. 109r.

³ *Interiano Paolo*. Ristretto... P. 109v.

⁴ *Ibid.* P. 118v.

удержала, а Генуя боролась за нее, почти получила, но надорвалась. Все это, прямо или косвенно, но в равной мере прослеживается в рассмотренной византийской и итальянской историографии, одинаково осознавшей, в конечном счете, пагубность, суетность и иллюзорность горделивых амбиций «повелителей морей».

И.О. Князький

Московский экономический институт

Появление половцев на рубежах Византии

Половцы были ведущей силой в южнорусских степях в течение почти двух столетий. По мнению Г.Г. Литаврина, значение половецкого фактора в истории Древней Руси всё еще недостаточно оценено в историографии. Постоянное давление половцев на русские земли вызвало противодействие центробежным силам. Не случайно с ослаблением половецкой угрозы тенденцию к полному обособлению от Киева первыми проявили именно те политические центры, которые менее всего страдали от половецкого разбоя: Полоцк, Новгород, затем Ростово-Суздальская земля. Впрочем, изрядно страдавшая от набегов кочевников Черниговская земля, где, как известно, по пути из Мурома в Киев былинный Илья Муромец повстречал Соловья-разбойника (солового, пологого, т.е. половецкого), весьма резво одновременно с Полоцком (1132 г.) и за четыре года до Новгорода вышла из-под власти Киева. В целом же в отношениях Руси и Византии для обеих стран общую существенную роль играл половецкий барьер, плотность которого намного превосходила печенежский X–XI вв. и по протяженности, и по своей политической структуре. Многие исследователи, занимавшиеся историей стран Юго-Восточной Европы XI–XIII вв., в той или иной степени затрагивали этот вопрос. Ф.И. Успенский полагал, что к XIII в. занятие половцами Молдавии, Валахии и части Трансильвании уже было закончено. Болгарский историк Ст. Младенов, опираясь на сведения византийских авторов о вторжениях половцев на Балканы, относил захват половцами Нижнего Подунавья вплоть до реки Олт к концу XI в. Д.А. Расовский, исследуя вопрос об освоении половцами нижнедунайских степей, ссылаясь на русские летописи, считал, что с середины XII в. они уже постоянно кочевали в Подунавье. В работе В.К. Кудряшова внимание было сосредоточено на собственно «поле половецком» в южнорусских степях. С.А. Плетнева, касаясь вопроса пребывания половцев в дунайских степях и взаимоотношений их с балканскими государствами, отметила, что это «тема, требующая особого изучения». По мнению румынского историка П. Дьякону, основанному на известиях византийских авторов и русских летописей, в середине XII в. половцы господствовали в Олтении, Мунтении и на большей части территории Молдавии. П.Ф. Параска полагает, ссылаясь на «совокупность источников», что о постоянной концентрации половецкого населения на Нижнем Дунае говорить можно только с конца XII в. По мнению М.В. Бибикова, в

середине XII в. низовья Днестра, Прута и Сирета, видимо, находились под контролем половцев.

Для того, чтобы определить время расселения половцев в Днестровско-Карпатских и Карпато-Дунайских землях, необходимо обратиться к первым известиям о появлении половцев в этом регионе и на территории сопредельных с ним владений Королевства Венгрии и Византийской империи. Впервые отряды половцев вторгаются в Днестровско-Карпатские и Карпато-Дунайские земли вскоре после своего появления в южнорусских степях. По сведениям венгерского средневекового хрониста Туроци, в 1070 г. половцы совершили первый набег на Венгрию. Они прошли через горный проход Мезеш и разорили провинцию Нир вплоть до города Бихора. В 1078 г. они появляются у Дуная, на территории Византийской империи. Вторжение их объективно способствовало борьбе болгар против византийского гнета. Половцы, проникшие вглубь Византии вплоть до Адрианополя, как отмечал К. Иречек, пользовались поддержкой болгарского населения по двум причинам: недовольство византийским гнетом и гонения властей на павликиан и богомилов. По сообщению Скилицы, когда половцы достигли стен Адрианополя, грек-павликианин Лека из Филиппополя взбунтовал народ против властей, а Добромир возглавил восстание в Месемврии. В 1080 г. ромеям удалось заключить с половцами мирный договор, посредством которого они надеялись защитить от их набегов свои балканские территории и лишить болгар возможности поднимать восстания с помощью «варваров». Мир, однако, оказался недолгим. В 1083 г. империи пришлось отразить подряд два набега печенегов и половцев. В 1087 г. половцы совместно с печенегами были в войске венгерского короля Соломона при его походе на Византию.

О половцах-кипчаках (куманах), сражавшихся в войске византийского императора Романа Диогена против сельджуков в битве при Малазгирде (Манцикерте) в 1071 г., упоминает один из историков Сельджукидов ал-Бундари из Исфахана, писавший в первой половине XIII в. Точность этого сообщения вызывает сомнения. Современники, описавшие столь печальную для ромеев войну, о половцах ничего не сообщают. По словам писавшего по-арабски сельджукского писателя XII в. Садр ад-Дина Али ал-Хусайни, в битве при Малазгирде (Манцикерте) на стороне ромеев сражались торки (узы) и печенеги. Труд Бундари представляет собой несколько сокращенную редакцию арабского изложения Имад ал-Дином Исфахани записок визира Ануширвана ибн Хамид Кашани, написанных им на персидском языке в XII в. Не совсем точная редакция арабского перевода с персидского могла привести к некоторым ошибкам, в результате которых в войске Романа Диогена и «появились» кипчаки вместо торков и печенегов. Скорее всего, ал-Бундари, знавший о том, что в XII – начале XIII в. в армии византийских императоров были отряды половецкой конницы, ретроспективно перенес имя половцев-кипчаков на других тюркоязычных кочевников, находившихся в составе войска императора Романа Диогена. Передвижение половцев к границам Венгрии и Византии во многом облегчалось тем, что они шли проторенными путями, хорошо известными их предшественникам в южнорусских степях, печенегам. Печенеги уже знали три пути в Венгрию: первый – через Железные Ворота, второй – через Южные

Карпаты по верховьям рек Олта, Мароша и Самоша; третий – с верховьев Сирета и Прута на Тису. Первое появление на Дунае уже не отдельных отрядов, а крупных половецких сил произошло в 1088 г., когда печенежский хан Татуш призвал половцев (куманов) для совместных действий против Византии.

А.В. Кобзева

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Образ императора Константина в «Хронографии» Иоанна Малалы

«Хронография» Иоанна Малалы является одним из важнейших и наиболее ранних сохранившихся образцов византийской всемирной летописи. Современник Юстиниана Великого, Иоанн Малала, сириец по происхождению, был одним из первых, кто разрабатывал основы этого жанра. По-сирийски данное имя происходит от слова «mallālā», которое обозначает «наделенный властью слова, красноречивый», т.е. ритор¹. На основании этого исследователи отмечали, что Малала был ритором².

Хроника Малалы, состоящая из 18 книг, начинается изложением событий «от начала мира» и завершается царствованием императора Юстиниана. В Оксфордской рукописи хроника заканчивается 563 г., но возможно, существовало ныне утраченное заключение (о чем говорят отдельные фрагменты), доведенное либо до 565 г., либо до 574 г.³ Оно может быть частично реконструировано по другим хроникам. «Хронографию» по содержанию и смыслу логично разделить на три раздела: кн. I–VI – события библейской и греческой истории (включая легендарные эпохи); кн. VII–XII – римская история; кн. XIII–XVIII – византийская история.

Иоанн Малала использовал простонародное наречие с разговорными элементами. Согласно оценке К. Крумбахера, Малала стремился создать доступное изложение как для широких масс, так и для многочисленного монашества⁴. На протяжении всего повествования автор дает краткие, но выразительные характеристики изображаемым историческим деятелями событиям⁵. В большинстве своем это портреты императоров Рима и Византии.

Кн. XIII посвящена царствованию Константина. В ней автор обращается к описанию деятельности императора и его обращения в христианскую веру. «Так после правления Максима Лициния, божественный и правоверный

¹ Шусторович Э.М. Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы // ВВ. 1969. Т. 30. С. 137.

² Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Вып. 2. Белгород, 2014. С. 14.

³ Черноусов Е.А. Из этюдов по Малале // Сб. в честь С.А. Жебелёва. Л., 1926.

⁴ Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur. 2e Aufl. München, 1897. S. 326.

⁵ Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.

Константин Великий, сын Констанция Хлора, воцарился за 8 дней до календ августа, во время консульства Севера и Максимиана. Его правление длилось 32 года. Он был высокий, румяный, великодушный, миролюбивый и дорогой Богу» (Mal. Chron. XIII). Важное внимание хронист уделяет важнейшему событию в жизни императора – принятию им христианства. Сподвигло его к этому, по мнению Малалы, событие, происшедшее с Константином во время войны с персами. Когда император, потерпев поражение и оказавшись в окружении, попал в бедственное положение, он обратился к молитве о спасении: «Охваченный сном, он увидел крест в небе, на котором было написано: “Этим властвуй”. После прочтения надписи на кресте, он проснулся и соорудил знамя с изображением креста, такого же, каким он видел его на небе во сне, и какой носил до того. После этого, обращаясь к войску, он сказал: “Победа за нами” и вступил в бой с варварами. Он одержал такую победу, что ни один из варваров не выжил, и все погибли. Он вернулся в Рим победителем, и знамя с крестом несли перед ним» (Mal. Chron. XIII.2). После этого Константин, по версии Малалы, приказал уничтожать все храмы и святыни эллинов и строить христианские церкви. Император после поста был крещен Сильвестром, епископом Рима. К христианству обратился не только сам император, но и его мать Елена, и все его родственники, друзья, и целый ряд других римлян. Далее Константин начал военную кампанию против персов, одержал победу и заключил мирный договор с Сапором, «императором» персов, которые сами попросили мира у римлян. По возвращении в Антиохию им была построена Великая церковь, очень большое здание, на месте общественной бани, известной уже при императоре Филиппе. Также он построил базилику Руфина. Первоначально это был храм Гермеса, который был снесен Руфином, префектом претория (Mal. Chron. XIII.3).

Принятие христианства особым образом повлияло на императора. Им впервые были назначены на важные государственные посты христиане. Одним из таких чиновников был Плутарх, назначенный губернатором Антиохии, в обязанность которого входило охранять здания церкви и базилики. Плутарх известен еще и тем, что отлил бронзовую скульптуру Константина из найденной во время строительства лечебницы статуи Посейдона (талисмана города от бедствий и землетрясений), которая сохранялась до времени Малалы. На этом активное строительство при Константине не остановилось. Приехав из Рима в Византий, он реконструировал прежнюю городскую стену, построенную еще Византом, и добавил к ней еще большую территорию, и переименовал город в Константинополь. «Он также завершил строительство ипподрома, построив в нем кафизму, как в Риме, чтобы смотреть гонки, также большой дворец возле ипподрома, большой и очень красивый форум, воздвигнув в его центре чудесную колонну, целиком из порфира» (Mal. Chron. XIII.7). На этой колонне он приказал поставить статую самого себя с исходящими семью лучами от головы. Строил он также общественные бани, жертвовал на строительство городам, подвергшимся различным стихийным бедствиям (Mal. Chron. XIII.12). Умер император Константин в Вифинии в возрасте 60 лет, до завершения строительства Великой Церкви в Антиохии Великой в Сирии.

В целом XIII книга, с одной стороны, продолжает «римские» книги, с другой – меняет описание в связи с началом христианской эпохи, а также с переносом столицы в Константинополь. «Переходность» XIII книги проявляется еще и во включении в нее жизни и деятельности нескольких императоров, как в целом в «римской» части. В дальнейшем каждому отдельному императору будет посвящена отдельная книга (окончательно с XV кн., посвященной Зинону). Основной акцент делается не только на самом обращении, но и на общественном строительстве. Заметен здесь и «антиохийский след».

А.С. Козлов

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Была ли Далмация в V в. в составе Византии?

Для Западной Римской империи и Византии Далмация в V в. стала одинаково стратегически значимой. На рубеже IV–V вв. между ними шла борьба за контроль над частью территорий Иллирика, – борьба, в которой особую активность проявлял Флавий Стилихон, фактический глава правительства Запада. Еще в 395 г. префектура Иллирик (Балканы и Паннония) была разделена Аркадием и Гонорием, однако без учета политико-географических и социокультурных факторов. Западная часть стала диоцезом Иллирик (иногда ее именовали диоцезом Паннония), одним из трех диоцезов в составе префектуры Италия (Notitia Dignitatum. Occidens II.31). Он состоял из диоклетиановых провинций: Далмация (она почти совпадала с древней исторической областью Иллирик), Норик Ripense, Норик Mediterraneum, Паннония I, Паннония II, Савия и Валерия. Два диоцеца диоклетиановой префектуры Иллирик, – Дакия и Македония (ранее – Мезия), – отошли Константинополю (Notitia Dignitatum, Oriens III.19). Пока ситуация была стабильной, они входили в огромную префектуру Восток, но с изменением обстановки (в частности, когда на эти территории стала претендовать Западная империя) на Востоке возникла префектура Иллирик. Упомянутые претензии, прежде всего, относились к Дакии и Македонии (Zosim. V.26.2). Византия, в свою очередь, претендовала на территорию диоцеца Иллирик (включая Далмацию) на том основании, что прежней префектурой Иллирик в IV в. управляли восточные, а не западные власти. Здесь надо также учитывать гипотезу А. Камерона (построенную на скрупулезном анализе, прежде всего, текстов Клавдиана и иных «пропагандистов» того времени), согласно которой император Феодосий I на смертном одре в 395 г. указал на принадлежность всего Иллирика Востоку, оговорив уступку западного Иллирика Западной империи (намеченную на 396 г.) только как временную акцию. Два свидетельства дают основание полагать, что в 437 г. диоцез Иллирик формально переходил под контроль Константинополя. Кассиодор, имея в виду

Галлу Плацидию, писал: «Известно, что империя, которой она правила, была позорным образом сокращена. Короче говоря, она купила себе невестку утратой Иллирика. Союз правителей был обеспечен прискорбным переделом провинций» (Cass. *Variae*. XI.1.9). Иордан лишен подобного пафоса: «Император Валентиниан отправился из Рима в Константинополь, чтобы взять в жены Евдоксию, дочь императора Феодосия, и, чтобы вознаградить своего тестя, уступил весь Иллирик» (Jord. *Rom.* 329). Свидетельства о пребывании Далмации середины V в. под рукой Запада приводит Прокопий. «Был в это время в Далмации некто Марцеллин, один из близких людей Аэция ... Когда Аэций умер ... он не счел нужным далее оказывать повиновение императору...» (Procop. *Bellum Vandalicum*. I.6.7). Из этих слов следует, что накануне инсurreкции Марцеллина Далмация считалась подконтрольной императору Запада. В какой-то мере это подтверждает один политико-географический пассаж: «По ту сторону залива первыми являются греки, называемые апиротами, вплоть до города Эпидамна, который расположен у моря. С ними граничит область Прекаμισ, за ней та, которая называется Далмацией, и то, что причисляется к Восточной империи» (Procop. *Bellum Gothicum*. I(V).15.25–26). В этом тексте Далмация четко отделяется от территорий, «причисляемых» к прерогативам Константинополя, однако надо учитывать, что Прокопий фиксирует то состояние земель Западных Балкан, когда Далмация управлялась остготами. Т.е., информация Прокопия в известной мере противоречит сведениям о принадлежности территорий диоцеза Иллирик юрисдикции Константинополя после 428 г. Ф. Возняк попытался разрешить этот казус так: «Между 437 г., когда весь Иллирик отошел Востоку, и 454 г., когда Салона и побережье Далмации выглядят возвращенными западноримскому административному контролю или оставленными под ним, тогда как формально они были под восточно-римским суверенитетом ... В то время как Далмацию формально уступили Востоку как часть общей передачи прав Западной империи на Иллирик в 437 г., административный контроль над далматинским побережьем, кажется, остался в руках правительства Равенны. Хотя лишь иногда реализующийся, юридический суверенитет Константинополя над Далмацией был зарезервирован в качестве права возродиться в случае необходимости». Но надо учесть, что многие историки считают упомянутого Прокопием правителя Далмации Марцеллина офицером Западной империи, оказавшимся в Салоне в качестве назначенца Аэция, хотя в ряде работ Марцеллин преподносится как друг и коллега Майориана. Всякое другое свидетельство о Марцеллине рассматривается (хотя и в разной степени) в свете этих предположений. П. Мак-Джордж предложила иной подход, игнорируя на начальном этапе анализа информацию Прокопия, но сосредоточиваясь на других данных. Например, хотя многие считают Марцеллина назначенцем Запада, но Далмация тогда формально была в структуре Византии, ибо сомнительно, что в 437 г. Византия заключала договор, юридически признающий ее контроль над стратегически важной и относительно спокойной территорией, при сохранении за собой других провинций, имевших гораздо меньше преимуществ.

Другая гипотеза состоит в том, что Галла Плацидия оставила Востоку не диоцез Иллирик, а восходящие ко времени Гонория притязания Запада на восточные провинции префектуры. Однако это трудно совместить с четкими указаниями Кассиодора и Иордана на установление власти Константинополя над землями диоцеза. Феодосий II на переговорах имел более сильные позиции, нежели Галла Плацидия, а Константинополь уже многие десятилетия владел восточными провинциями Иллирика. Более вероятно то, что вопреки информации Иордана в 30-е гг. V в. Востоку уступили только часть диоцеза Иллирик. Тем не менее, останется неясным, какая это была часть.

К.В. Козлов

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

История Византии в научном наследии митрополита Макария (Булгакова)

История изучения византийского наследия в русской культуре насчитывает значительное число исследований и большое количество ярких имен. Просопография отечественной византистики включает имена ученых, биография которых связана с историей Белгородской области. В первую очередь, это – Никодим Павлович Кондаков и Иван Михайлович Гревс. В этой связи проведение XXI научной сессии Национального комитета византистов России в Белгороде представляется не только знаковым научным мероприятием в истории современной отечественной византистики, но и важной вехой в деле сохранения исторической памяти о выдающихся деятелях русской культуры и науки.

Высокий научный форум, проходящий в Белгороде, актуализирует необходимость обращения к личности еще одного выдающегося земляка: митрополита Московского Макария (Булгакова) (1816–1882) – российского церковного историка, богослова, академика. В 2016 г. отмечается 200-летие со дня рождения ученого.

В творческом наследии митрополита Макария (Булгакова) как церковного историка изучение истории Византии было органично вплетено в изучение проблем, связанных с принятием Русью христианства и институционального становления Русской Православной церкви. Тематически византиноведческая проблематика была включена в первый том «Истории Русской Церкви» который получил название «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в Историю Русской Церкви».

В статье С.А. Беляева «История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука», включенной в предисловие переизданной в 1994–1996 г. «Истории русской церкви», указывается на то, что достижения современной исторической науки,

в частности, археологии не только не поколебали выводы автора, но и позволили «добавить к видимым в его время проявлениям Промысла Божия новые звенья, которые хорошо ложатся в выстроенную им историческую цепь».

В первой части данного тома «История христианства в пределах нынешней России до основания Русского Царства (ок. 60–862)» митрополит Макарий (Булгаков) рассматривает вопрос о посещении апостолом Андреем Первозванным северного и северо-восточного побережья Черного моря. И, как отмечает С.А. Беляев, автор «сделал очень важное и большое дело: он связал летописное предание с известиями средневековых, в основном византийских, авторов, свидетельствующих о посещении апостолом Андреем не только южного, северо-восточного и северного Причерноморья, но и о просвещении им скифов и скифской страны, т.е. глубинных районов северного Причерноморья». Митрополит Макарий (Булгаков) не останавливается детально на истории христианской колонизации крымских территорий Ромейской империи. Его главной задачей, как он сам указывал в предисловии, было «сказать о следах святой веры» «предварительно, во введении», причем «введение не как в науку, а только как в историю». В этой связи автор дает исторический очерк состояния христианских епархий ромейского Причерноморья: Скифской, Херсонской, Готской, Сурожской, Фульской и Боспорской. История названных епархий интересует автора в контексте поиска предпосылок и возможных направлений христианизации восточных славян: «могли [ли] находиться в числе христиан и славяне?»

Во второй части первого тома «Истории Русской Церкви», получившей название «История христианства собственно в Царстве Русском до происхождения Русской Церкви при Равноапостольном князе Владимире (862–992)» рассматривается история «пяти крещений»: принятия христианства на Руси, в частности, княгиней Ольгой и князем Владимиром. Автор предпосылает истории христианизации Руси деятельность святых Кирилла и Мефодия, подробно останавливаясь на значении их трудов.

При рассмотрении вопроса о крещении Аскольда и Дира митрополит Макарий предпринимает попытку классификации работ византийских авторов, описывавших эту историю. Среди них он выделяет тех, кто «говорят только о начале события; другие упоминают вместе и о продолжении события; третьи, наконец, или вовсе умалчивая о начале, а только его предполагая или упоминая о нем весьма кратко, довольно обстоятельно изображают самое совершение и окончание события».

Описывая крещение княгини Ольги, автор останавливается на четырех проблемах: причины ее путешествия в Константинополь для принятия крещения, достоверность информации о ее крещении именно в Константинополе, даты этого события и установление степени легендарности известия о направлении ею послов к немецкому императору Оттону I с просьбой прислать ей епископа и пресвитера. В качестве примера авторской лаборатории источниковедческой критики митрополита Макария (Булгакова) можно привести разбор сюжета о Константинополе как месте крещения

княгини Ольги на основе анализа описания Константина Багрянородного и работ Георгия Кедрина, Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары.

В истории крещения князя Владимира автор подробно останавливается на проблеме русско-византийских отношений и, в частности, причин, побудивших его совершить поход на Корсунь. Рассматривая причины принятия Владимиром восточного христианства, митрополит Макарий дает детальное описание просвещения в Византии и деятельности императоров по его развитию, а также состояния Константинопольской Православной церкви. Именно уровень развития просвещения и каноническая чистота церкви, по мнению автора, определили выбор Владимира.

При переиздании «Истории Русской церкви» митрополита Макария в 1994–1996 гг. первый том был дополнен справочно-библиографическими материалами, представляющими интерес для читателя, увлеченного византиноведческой проблематикой (Список источников и литературы, использованных высокопреосвященным Макарием в «Истории христианства в России до равноапостольного князя Владимира», Дополнения к списку источников и литературы, Вселенские святые, подвизавшиеся или скончавшиеся на территории будущей Российской империи (в Крыму и на Кавказе) до крещения Руси, Православные монастыри, основанные на территории будущей Российской империи (в Крыму) до крещения Руси, Хронологический список константинопольских патриархов, византийских императоров и основных событий, имеющих отношение к истории русской православной церкви (I–X вв.)).

Митрополит Макарий (Булгаков) оказал влияние на развитие византийских исследований в России не только как ученый, но и как организатор науки. По собственной инициативе он учредил премию, которой удостоивались ученые, внесшие значительный вклад в развитие гуманитарных, в том числе, богословских и естественных наук. Лауреатами Макариевской премии в разные годы становились ученые-византинисты (Т.Д. Флоринский и др.).

А.Н. Крюкова

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» (Москва)

Романические черты в «Актах Ксанфиппы, Поликсены и Ревекки»

Влияние античной литературы на формирование и развитие литературы христианской привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей. Особое место в данном вопросе занимают агиографические произведения (деяния, мученичества, жития), жанровое разнообразие которых уходит корнями в Античность. Так, о романических чертах в византийских житиях первым из отечественных исследователей писал А.Н. Веселовский¹. Впоследствии был выявлен целый ряд произведений, характеризующихся как христианский роман в

¹ *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Греко-византийский период. СПб., 1886. Вып. 1. С. 29–64.

силу близости сюжетов с романами античными. Целью их написания было не столько формирование или утверждение культа святых, сколько создание беллетристического произведения, доступного для понимания простого читателя и, в то же время, носящего дидактический характер. Среди наиболее известных житий-романов следует упомянуть «Житие Евстафия Плакиды», «Житие Галактиона и Епистимии» и «Житие Ксенофонта и Марии».

Еще один текст подобного рода – «Акты Ксанфиппы, Поликсены и Ревекки» (далее: Акты), остается недостаточно изученным. В греческом оригинале, сохранившемся в немногочисленных рукописях, произведение названо «Житие преподобных жен Ксанфиппы, Поликсены и Ревекки». Первый издатель текста М.Р. Джеймс¹ изменил заглавие на «Акты...» из-за найденных им параллелей с апокрифическими апостольскими деяниями. В дальнейшем это название закрепилось в научной литературе, а Акты, как правило, рассматривались в связи с раннехристианскими апокрифами. Однако данное произведение обладает определенным набором композиционных элементов и художественных приемов, отличающих его не только от апокрифических деяний апостолов, но и от житий как таковых.

Литературный анализ Актов и сопоставление их с другими византийскими житиями-романами позволяет говорить о том, что это произведение является примером особого рода взаимодействия античного романа и христианского жития. Кроме того, на основе проведенного исследования Актов можно еще раз поставить вопрос об их датировке, который до настоящего времени не получил окончательного решения.

П.В. Кузенков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Кредитный процент в Византии*

Отношение к кредитному проценту (τόκος) в Византии отличалось неоднозначностью. С одной стороны, её экономические обычаи напрямую восходили к древним, эллинистическим и римским, образцам. С другой, христианской империи сложно было игнорировать негативное отношение к взиманию роста, зафиксированное в Священном Писании. В результате в данной области с особой яркостью высветилась одна из ключевых проблем византийского социума, в котором задача достижения заданных христианством высоких нравственных стандартов наталкивалась на споротивление привычных моделей поведения, в данном случае – поведения экономического.

---

¹ *James M.R.* *Apocrypha anecdota*. Cambridge, 1893. Т. 1. Р. 58–85.

* Исследование подготовлено в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

Как известно, взимание процентного роста при выдаче займов является одной из наиболее распространенных форм экономической деятельности. С учётом негативных социальных последствий этой практики древние государства принимали те или иные меры по ограничению ростовщичества, в частности, через ограничение максимальной ставки. Так, римская норма роста со времен Цезаря составляла 1 процент в месяц, т.е. 12% годовых. Впрочем, в случае морских кредитов и рискованных сделок ставка вообще не регламентировалась. Значительно выше были выплаты и по натуральным займам – до 50%.

Предписания Ветхого Завета резко осуждают получение роста и прибыли, особенно с бедных и обездоленных (Исх. 22:25; Лев. 25:35–37). Одна из норм Моисеева закона прямо запрещает выдачу любых процентных займов: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими» (Втор. 23:19–20). Ростовщичество – наряду с мздоимством, насилием и другими социальными язвами – сурово бичуется в псалмах и пророческих книгах и рассматривается как одна из основных причин гнева Божия.

Новый Завет призывает вообще отказываться от имущества, и уж, как минимум, «давать займы, не ожидая ничего» (Лк. 6:35). Поэтому христианские церковные писатели всех времен и народов бескомпромиссно осуждали взимание «лихвы». Занятие ростовщичеством строго запрещено канонами для служителей Церкви (Апост. 44; 1 Всел. 17; Лаодик. 4; Карф. 5; Трулл. 10).

С узаконением христианства при Константине Великом библейские воззрения на ростовщичество как на безусловное моральное зло приобрели актуальность и для общественной жизни империи. Тем не менее, гражданское законодательство долго не претерпевало в этом отношении серьезных изменений. Правда, в 405 г. была снижена вдвое, до 6%, планка ростовщической прибыли для высших сановников (с титулом иллюстрия и выше), но эта мера едва ли была продиктована религиозными соображениями.

Крупные реформы в данной области предпринял император Юстиниан Великий. Ссылаясь на суровость и тяжесть «древней нормы», закон 528 г. снизил её вдвое – до 6% годовых (и менее при отсутствии письменного договора). Высшие сановники могли брать не более 4%; предприниматели – 8%; морские и товарные кредиты выдавались под 12% (CJ IV.32.26). Займы для земледельцев выдавались по ставке 4% (Nov. 32 и 34). Рост на пользование средствами церковных и благотворительных заведений не превышал 3% годовых (Nov. 120).

На практике расчеты велись на основе соотношения золотой номисмы и серебряной силиквы-кератия, что незначительно повышало реальный размер ставки: 4%-ная ссуда рассчитывалась как 1 кератий на номисму ($1/24 = 4,2\%$), 6% – как 1,5 кератия (6,25%); 8% – как 2 кератия (8,3%) и 12% как 3 кератия на номисму (12,5%).

Следующий всплеск активности в сфере регулирования кредита мы встречаем в IX веке. В 810–811 гг. Никифор I. Феофан Исповедник, с гневом

описывающий «новшества» этого императора, сообщает, что он «установил для всех закон не заниматься ростовщичеством», а сам предложил крупным судовладельцам кредиты по ставке 4 кератия на номисму (16,7% годовых: Theoph. P. 487–488). Такая ставка была явным нарушением предписанного Юстинианом максимума (3 кератия на номисму).

Если запрет Никифора можно трактовать как попытку введения государственной монополии на кредитную деятельность, то император Василий I пошёл ещё дальше и попытался (не исключено, что под влиянием духовенства) совершенно упразднить ростовщичество из общественной жизни.

Такой запрет встречается в обоих правовых сборниках, традиционно приписываемых Василию: в «Прохиране» (Proch. 16.14) и в «Исагоге» (Eisag. 28.2). Причем в последней сделано характерное исключение для сирот и несовершеннолетних: их имущество опекуны могли отдавать в рост, что и объясняет воспроизведение норм Кодекса в «Василиках» (Bas. 23.3.74). Однако уже сын Василия Лев VI Мудрый был вынужден снять этот запрет, посетовав, что род людской оказался не на уровне столь совершенного закона. При этом норматив роста был установлен в 1 кератий на номисму, или 4,17% годовых (Nov. Leon. 83). Такая норма была беспрецедентно низкой для средневековой Европы, где ставки в XI–XV вв. исчислялись двух-, а то и трёхзначными числами.

Отметим, что логика правотворчества Македонской династии (от полного запрета роста к его смягчению и, наконец, снятию) совершенно разрушается, если принять гипотезу Андреаса Шминка о составлении «Прохирана» Львом VI (который будто бы задним числом приписал его отцу). Придётся признать, что Лев Мудрый метался и лукавил: сначала ужесточил зачем-то запрет «Исагоги», а затем отменил запрет – причём именно как закон отца (о чём ясно говорит текст 83-й новеллы).

В более поздних юридических памятниках отношение к процентному росту отличается неоднозначностью. «Пира» Евстафия Ромея и Михаил Атталиат в XI в., а также «Синтагма» Матфея Властаря в XIV в. приводят нормы Юстиниана. Но они, похоже, с какого-то момента стали пересчитываться на базе фунта-литры. В результате базовая ставка довольно существенно выросла – с 6% до 6 номисм на литру ($6/72 = 8,3\%$); ставка для высших сановников (согласно Василикам, выше чина протоспафария) поднялась с 4% до 5,6%, коммерческая – с 8% до 11,11%, максимальная – с 12% до 16,7% (любопытно, что именно по такой ставке предлагал в своё время кредиты император Никифор I).

В памятниках XIV века мы встречаем морской кредит со ставкой 16,7% за рейс (попытку привязать выплаты к рейсу, а не к сроку предпринимал уже Юстиниан, но без успеха). Упоминаются займы под 15% и даже под 26,7% годовых (в последнем случае ростовщиком выступает некий иудей). В то же время в судебном решении патриарха Исаии (1324 г.) содержится ссылка на запрет взимания роста «божественными законами», а патриарх Матфей I (около 1400 г.) характеризует «срезание» процентов как обычную заботу Церкви о неимущих. В критских торговых документах XIV в. упоминание о проценте

отсутствует – возможно, под влиянием полного запрета на рост в католическом мире. Особенно показательны «Шестикнижие» Константина Арменопула (1345 г.): в него вошли и полный запрет на рост из «Прохирона», и ссылки на нормы Юстиниана.

Как видим, кредитный рост в Византии морально осуждался и ограничивался законом, что препятствовало разгулу ростовщичества. Но при этом он никогда, за исключением краткого периода в IX в., не запрещался, что обеспечивало потребности экономики и избавляло Империю от тех извращений, с которыми в результате полного запрета на рост сталкивалась католическая Европа. По сути, в этом вопросе византийцы следовали евангельской двухуровневой схеме Закона и Благодати. Принуждением можно обеспечить лишь необходимый минимум нравственной нормы, а максимум достигается только добровольным устремлением к заповеданному Христом идеалу.

В.Н. Кузнецов

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Религиозная политика Феодосия Великого как внешнеполитический инструмент

Феодосий Великий – последний император, которому удалось удерживать вместе все территории Римской империи. После его кончины в 395 г., империя окончательно распалась. Исследования по влиянию религии на международные отношения весьма актуальны. Период правления Феодосия Великого в этом отношении не является исчерпанной темой в исторической науке. Это связано с не до конца использованными возможностями источников (например, речи Фемистия не исследовались в данном аспекте). При анализе источников по данной проблеме не стоит забывать о том, что в период борьбы с язычеством образ Феодосия и его деятельность, несомненно, могли тенденциозно искажаться в зависимости от интерпретации теми или иными авторами с различными религиозными предпочтениями. Так, Аврелий Виктор в «*Epitome de caesaribus*» описывает Феодосия как честного, простодушного и честного человека (Aug. Vict. 1.XLVIII), Зосим в своей *Ἱστορία νέα* напротив, всячески осуждает императора и видит в его деятельности одну из причин упадка Римской империи на западе (Zos. IV.59).

При Константине христианство только получает официальный легальный статус, и процессы его проникновения во все сферы жизни римского государства далеко еще не были завершены. Да и немаловажный вопрос об обращении самого Константина в христианство остается весьма дискуссионным¹. В эпоху Феодосия процессы христианизации были наиболее

---

¹ Казаков М.М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 198.

активными. Государство в лице императора приняло ряд основополагающих антиязыческих законов, делавших христианство единственной государственной (или покровительствуемой государством) религией.

Существует несколько версий о причинах столь внезапной жесткости религиозной политики Феодосия¹. Предполагается, что это была первая фаза искоренения язычества и ересей, и, выполнив эту задачу, император готовился приступить ко второй, более радикальной². Вероятно, что на Феодосия оказали сильное влияние Флавий Руфин и епископ Амвросий Медиоланский³. Первый закон от 24 февраля 391 г. обсуждался в Милане с Флавианом, который должен был следить за соблюдением закона, к которому он сам, будучи язычником, относился крайне негативно (С.Th. XVI.10). Второй закон был направлен самому Флавиану, который в этот момент замещал императора (С.Th. XVI.7.4–5). Феодосий стремился продолжать эту политику, несмотря на очевидные сложности в ее осуществлении⁴. С одной стороны, Феодосий, безусловно, опасался действовать только силами принуждения после казни испанского еретика Присциллиана и его последователей. И лишь политическая обстановка не давала ему насильно обращать в христианство свое окружение⁵. Таким образом, если для предшественников Феодосия христианство – это, в первую очередь, политика, то для Феодосия оно – осознанный выбор, и при проведении своего политического курса он опирался всецело на него.

Одним из важнейших источников о внешнеполитическом курсе Феодосия для нас являются речи Фемистия. Он уделяет большое внимание описанию взаимоотношений Римской империи и ее соседей⁶. Фемистий заявляет о превосходстве римлян над всем остальным миром. По его мнению, Римская империя должна любыми средствами доминировать над своими соседями.

Феодосий спустя год после провозглашения его императором издает эдикт, согласно которому единственно допустимой формой христианства для подданных империи оказывается форма, утвержденная на Никейском соборе (С.Th. XVI.1.2). Последующее дополнение эдикта (С.Th. XVI.5.6), и запрет возглавлять церкви епископам отличного от никейства исповедания (С.Th. XVI.1.3) превращали другие формы христианства в ереси, подпадавшие под запрет государства.

В 392 г. власть на западе узурпирует Евгений. Феодосий не мог быть в стороне от происходящего, он реагирует с максимальной оперативностью и силой. Он не мог не осознавать того, что с победой язычества на Западе может возникнуть прямая угроза христианству на Востоке империи. Феодосий не мог не

¹ *Matthews J.F.* A Pious Supporter of Theodosius I: Maternus Cynegius and His Family // *Journal of Theological Studies*. 1967. Vol. 18. P. 136.

² *Friell G., Williams S.* Theodosius, Empire at Bay. New Haven, 1994. P. 90.

³ *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I: A.D. 260–395. Cambridge, 1971. P. 778.

⁴ *King N.* The Emperor Theodosius and the Establishment of Christianity. Philadelphia, 1961.

⁵ *Friell G., Williams S.* Theodosius... P. 92.

⁶ *Суротенко В.Т.* Фемистий о положении на дунайской границе и о борьбе крестьян и рудокопов против готов // *Античная древность и средние века*. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 289.

понимать, что в случае его победы над Евгением, он сам может получить власть на западе. Одержав победу над Евгением и Арбогастом, Феодосий впервые за годы своего правления становится правителем единой Римской империи. Таким образом, религиозный фактор сыграл объединяющую и укрепляющую роль как во внутренней, так и во внешней политике, к которой мы относим взаимоотношения с готами (как внешними, так и «внутренними»), так и с неподконтрольными императору западными провинциями. Религиозная политика Феодосия не была направлена исключительно вовнутрь империи: она выходила за пределы государства и была важнейшим внешнеполитическим инструментом.

Если говорить о целенаправленном миссионерстве к внешним варварам, то оно начинается несколько позднее и лишь опосредованно исходит от государства, когда крещение варварских вождей-филархов происходило одновременно с установлением с ними клиентских отношений. В V–VI вв. такая политика станет для империи привычной. Но пока Феодосий должен был «собрать» империю воедино, утвердить в ней никейское православие и искоренить внешние проявления язычества. Эти задачи были им выполнены.

А.В. Курбанов, Л.В. Спиридонова
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Санкт-Петербургский государственный университет

Законодательство Юстиниана о монашестве и традиции палестинских монастырей

Изначально жизнь каждого палестинского монастыря была организована в соответствии с правилами своего основателя, обычно сохранявшимися в виде устного предания¹. Также при этом учитывались региональные традиции и зафиксированные письменно уставы известных родоначальников монашества². Начало законодательной регламентации монашества было положено указами императора Феодосия Великого и канонами Халкидонского собора 451 г., имевшими своей целью увеличение контроля за монашествующими и предотвращение их участия в беспорядках. Окончательно данное законодательство было оформлено при императоре Юстиниане Великом, который

---

¹ В Палестине основатель монастыря был его собственником, по этой причине он сам избирал последующего игумена, который наследовал его власть, а тот, в свою очередь, следующего: *Hirschfeld Y. The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period. New Haven, 1992. P. 72–73.*

² Известно только несколько таких уставов: Пахомия Великого, Василия Великого и каноны сирийских монастырей (устав Саввы Освященного регламентировал литургический порядок). Из данных сочинений именно правила Василия Великого сильно повлияли на палестинское монашество. Впрочем, сведения об устройстве монастырей можно почерпнуть из литературы других жанров. См. обзор подобных сочинений: *Besse M. Les règles monastiques orientales antérieures au concile de Chalcédoine // Revue de l'Orient chrétien. 1899. T. 4. P. 465–490.*

придал положению монашества в государстве ту форму, которая оставалась неизменной на протяжении столетий вплоть до падения Византийской империи¹.

Основу законодательства о монашествующих и монастырях образуют, прежде всего, 5 новелла 535 г., 133 новелла 539 г., 76 новелла 539 г. и 33–44 главы 123-й новеллы 546 г. Данное законодательство придало положению монашества в государстве ту форму, которая далее оставалась неизменной на протяжении многих столетий вплоть до падения Византийской империи.

Представляется интересным решить вопрос, насколько это законодательство соотносилось с существовавшими в то время монашескими традициями, насколько соответствовало реалиям жизни в киновиях и как исполнялось на местах.

В случае с Палестиной до нас дошли источники, охватывающие период примерно с конца 20-х по начало 50-х гг. VI в. и раскрывающие рассматриваемые в законодательстве вопросы: основание монастыря, выборы игумена, организация внутренней жизни общины, принятие в монастырь, оставление монахами имущества и другие. К ним относятся: «Переписка Варсануфия и Иоанна Газских», «Поучения» аввы Дорофея, житие Досифея и жития Кирилла Скифопольского, к ним также можно присоединить некоторые археологические свидетельства².

Анализируя перечисленные источники, можно сделать вывод о том, что законодательство Юстиниана в ряде случаев не учитывало сложившиеся на местах обычаи, например, в отношении избрания игумена, власть которого продолжала передаваться по завещанию, устройства одной общей спальни, потребовавшего бы перестройки монастыря, оставления монахами имущества, срока послушничества и др., в этих случаях монахи скорее следовали своим внутренним обычаям.

Т.В. Куц

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Политическая элита при Мануиле II Палеологе: эволюция придворной иерархии*

После восстановления Византии в 1261 г. была возрождена прежняя политическая модель имперского управления, воссоздана придворная иерархия, возвращена к жизни система титулов и должностей. Трактат Псевдо-Кодина, составленный, по всей вероятности, в правление Иоанна V Палеолога, наглядно показывает, насколько многоступенчатой и ранжированной оставалась иерархия

¹ Ванькова А.Б. Римское законодательство о монахах V–VI вв. и его рецепция в поздневизантийской канонистике // *Ius antiquum. Древнее право.* 2004. № 1 (13). С. 98–101.

² Bitton-Ashkelony B., Kofsky A. Gazan Monasticism in the Fourth-Sixth Centuries // *Proche-Orient Chrétien.* 2000. Vol. 50. № 1–2. P. 57–61.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант №14–01–00025.

чинов в раннепалеологовское время. Псевдо-Кодин перечисляет более 80 титулов и должностей, делившихся, в свою очередь, на разряды. Те, кто занимал верхние строчки данного ранжира, входили в правящую элиту империи. Просопографические изыскания, в свою очередь, позволяют «оживить» исследуемую «табель о рангах», поместив на каждую ступень иерархической лестницы имена обладателей данного статуса. Как показывает анализ, на протяжении периода с конца XIII в. до 80-х гг. XIV в. большинство позиций в чиновной номенклатуре, представленной Псевдо-Кодином, были заняты. В целом, можно говорить об относительно стабильном функционировании системы организации властной элиты в данный период.

Однако политические, социально-экономические и демографические процессы, протекавшие на протяжении XIV в., не могли не оказать влияния на характер структур власти, специфику функционирования аппарата управления и механизмы формирования правящей элиты. В центре нашего внимания политическая элита Византии в конце XIV – первой четверти XV вв. и изменения в ее структуре и функционировании.

Как следует из анализа просопографических данных, в правление Мануила II Палеолога (1391–1425) правящая элита претерпела существенные изменения. Ее численность заметно сократилась. В упадок пришла иерархия чинов и должностей, многие, даже высшие, должности и титулы больше не предоставлялись (севастократор, кесарь, великий доместик, протовестиарий и пр.), а в дальнейшем и вовсе исчезли из политического обихода. Сократился центральный аппарат управления, сузившийся, по сути, до размеров двора. В правящий класс входили потомки известных византийских фамилий (Палеологи, Ласкарисы, Кантакузины, Асаны, Тарханиоты), что подтверждает известный тезис об аристократизации поздневизантийского общества. Ближний круг императора, наряду с родственниками, составляли также те, с кем Мануил II связывали личные дружеские отношения. Император, сам уделявший большое внимание ученым занятиям, заметно повысил политическую роль своего интеллектуального окружения (среди его доверенных лиц были Максим Хрисоверг, Димитрий, Иоанн и Мануил Хрисолоры, Иоанн Хортасмен). Зачастую не обладая официальными титулами или должностями, интеллектуалы, тем не менее, становились ключевыми фигурами в политических делах империи (как οἰκῆτοί, ближайšie советники, дипломаты, полномочные представители василевса). Ярким примером тому служит политическая деятельность Мануила Хрисолоры, друга детства императора.

Однако наряду с правящим классом, концентрировавшимся в столице, в Морейском и Фессалоникийском деспотатах сложилась местная политическая элита. На уровне деспотатов, где существовали должности из прежней общеимперской номенклатуры, происходило дублирование (конечно, в крайне усеченном варианте) чиновной иерархии. И хотя Мануил II сохранял за собой верховную власть в империи, деспоты фактически самостоятельно правили в своих землях, окружая себя собственным двором.

Отмеченные изменения были вызваны прежде всего объективными обстоятельствами. Сложившаяся система управления разобщенными частями

империи, сокращение территорий, ограниченные финансовые ресурсы, экономическая стагнация, уменьшение численности подвластного населения вызвали деградацию чиновной иерархии, упрощение системы управления, изменение характера взаимоотношений императора и его окружения.

Е.С. Лаврентьева

Государственный институт искусствознания (Москва)

Архитектурный образ кувуклии храма Успения в Гефсимании эпохи крестоносцев: его значение и возможные прототипы

Несмотря на отсутствие возможности точно реконструировать облик храма Успения в Гефсимании, который всякий раз создавался заново в связи с разрушениями в разные исторические эпохи, известно, что он состоял из крипты и верхней церкви над ней (D. Pringle, V. Bagatti, A. Ovadiah, M. Piccirillo, E.J. Taylor). Верхняя церковь-мартирий была разрушена в 1187 г. и никогда больше не восстанавливалась; но крипта, объем которой наполовину вырублен в скале, сохранилась до настоящего времени именно в том облике, который ей придали крестоносцы (D. Pringle, J. Folda, V. Bagatti и др.).

В ней же находится главная святыня храма, Гроб Богородицы. Вероятно, кувуклия, обособленная архитектурная конструкция, в камерном пространстве которой размещен Гроб Богородицы, своим обликом была уподоблена храму. Предположительная дата её создания приходится на вторую половину V в. (V. Bagatti, D. Pringle), однако за неимением многих сведений реконструировать внешний облик кувуклии возможно только начиная с эпохи крестоносцев.

К 1112 г. восстановительные работы Кувуклии Храма Успения уже были начаты (M. Piccirillo). Они шли одновременно с восстановлением Кувуклии Храма Гроба Господня (J. Folda). Схожесть их архитектурных образов, в первую очередь, определяется аркатурным фризом со стрельчатыми арками, который идет по всему периметру кувуклии. Над аркатурой расположена посвятельная надпись, оформление фасада завершается скульптурным карнизом. Кувуклию венчал Киворий на шести колоннах (A. Prodomo).

Формирование архитектурного образа кувуклии эпохи крестоносцев складывалось под влиянием взаимосвязи Гефсиманской и Сионской церквей, объединенных крестным ходом на праздник Успения Богородицы, когда с Сиона переносили плащаницу Богородицы в Гефсиманию, таким образом вспоминая о перенесении ее тела с Сионской горы на Елеонскую (H. Sivan, M. van Esbroeck, R. Janin, М.Н. Скабалланович, Е.М. Аккуш).

Базиликальная в плане Сионская церковь, ассоциировавшаяся с местом успения Богородицы, именовалась “Mater Ecclesia”, Первоцерковь (Y. Tsafir, A. Казарян). Однако к XI в. она потеряла данное значение: базилика была заново отстроена на новом фундаменте, который включал лишь ту небольшую часть предыдущей базилики, в которой находилась Сионская Горница (D. Pringle, A. Ovadiah).

Одним из возможных значений крестоносной кувуклии Храма Успения мог являться образ Сионской базилики, “Mater Ecclesia”, символизирующий место Успения Богородицы. Также остается дискуссионным вопрос взаимосвязи строительства кувуклии Храма Успения с кувуклией Храма Гроба Господня, прототипом которого также могла быть “Mater Ecclesia”.

Е.В. Литовченко

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Некоторые персонажи «Константинова века» в послании Сидония (письмо Секундину, 477 г.)

Интересующее нас послание Сидония (V.8) адресовано Секундину (V в.), поэту, автору гекзаметров в честь епископа Пацентия, высеченных на стене базилики, построенной последним в Лионе (II.10.3). Вирши Секундина вызвали неимоверное восхищение Сидония и приводятся в одном из посланий (II.10.4). В восьмом письме пятой книги Сидоний вновь выражает тот восторг, в который его привели строки Секундина, и призывает его не бросать своего занятия, особенно в части сатиры, обличающей варварских управителей Галлии.

Привлекшим наше внимание моментом в источнике послужило приведенное Сидонием двустишие:

*Кому сейчас нужен золотой век Сатурна?
Когда у нас блистательный Нерона! (V.8.2)*

Эти строки, касающиеся супружества императора Константина и весьма прозрачно намекающие на сходные с семейной жизнью Нерона моменты, приписывались современниками консулу Аблабию (Flavius Ablabius). В связи с этим и упоминаются убиенные Константином его жена Фауста и сын Крисп.

Трагедия, разыгравшаяся в императорской семье, стала, пожалуй, одним из центральных событий 326 г. Упоминания об обстоятельствах казни Фаусты и Криспа встречаются у Аврелия Виктора, Филосторгия, Зосима, Григория Турского, однако причины, побудившие Константина к столь скорой и жестокой расправе, остаются невыясненными.

Флавия Максима Фауста (289/290–326), жена Константина Великого, была умерщвлена самим императором, который сделал это, по свидетельству Аврелия Виктора, «столкнув ее в горячую воду в бане» (Aug. Vict. Epit. XLI.12). При описании причин такого решения Константина историки расходятся во мнениях: тот же Аврелий Виктор считает, что Фауста была убита, так как она обвинила сына Константина Криспа в насилии, после чего император казнил его, но, когда выяснилась его невиновность, Константин наказал жену. Согласно же Филосторгию, имел место факт прелюбодеяния Фаусты с неким Курсором (Philost. II.4). Поскольку Крисп был сыном Константина от первого брака с Минервиной, возможно, Фауста могла сделать это, опасаясь

конкуренции ее сыновьям. Однако заслуживает внимания тот факт, что император, помимо казни, предал жену проклятию памяти (*damnatio memoriae*), а ее сыновья, правившие после смерти отца, не отменили данного постановления, что, вероятно, может косвенно свидетельствовать о недостоинстве ее поступка.

Флавий Юлий Крисп (305–326), смерть которого была настолько же трагической, насколько блестящей была его карьера¹, старший сын Константина от Минервины, брак императора с которой, возможно, не имел законной силы, вследствие чего Крисп не мог обладать законными правами на престол. Зосим говорит о том, что Крисп и Фауста состояли в незаконной связи (2.29.1–2), а Григорий Турский отмечает, что они планировали измену (*Hist. Franc.* 1.34). Крисп также был предан проклятию памяти (*СП.* II.4107).

Безусловно, свидетельства данных позднеантичных авторов весьма сомнительны, учитывая, что ни один из них не был современником интересующих нас событий и, скорее всего, они просто транслировали циркулирующие в обществе слухи. Наиболее близким к произошедшему был только Аврелий Виктор и он, как отмечалось выше, немногословен и осторожен в своих предположениях: «... Из них старший по возрасту (Крисп) неизвестно по какой причине по приказу отца был лишен жизни...» (*Aur. Vict. De caes.* XLI.10).

Интересно, что Сидоний упоминает о том, что в момент, когда стихи Аблабия увидели свет, Фауста уже была предана смерти в горячей бане (*calore balnei*), а Крисп опоеен холодным ядом (*frigore veneni*). Вероятно, здесь Сидоний следует риторическим канонам, используя эти состояния (горячая баня – холодный яд) как антитезу, поскольку сведений о том, как именно был умерщвлен Крисп, не сохранилось. Таким образом, Сидоний лишь упоминает об известных событиях, но не проливает на них свет.

Что же касается фигуры Флавия Аблабия (ум. в 338 г.), то о нем известно следующее: был родом с Крита (*Lib. Or.* XLII.23), сделал блестящую карьеру на государственном поприще, своевременно прибыв ко двору в Константинополь, занимал высокие должности (викарий диоцеза Азии (*СП.* III.352), префект претория при Константине и его сыне Констанции), а в 331 г. получил консульство². Сведения об Аблабии содержатся у Либания, Аммиана Марцеллина, Афанасия Александрийского, Евнапия, Зосима. По сведениям Афанасия, он был христианином (*Ath. Fest. Epist.* 4). Через некоторое время после смерти Константина Констанций лишил Аблабия всех должностей и приказал его казнить. Данный факт изложен в «Жизнеописании софистов» Евнапия, где говорится, что «его изрубили на мелкие куски» (VI.3.1–7).

Собственно, у Сидония нет никаких упоминаний о государственной службе Аблабия, да, и, вообще, каких бы то ни было биографических фактов. Как почитателя изящной словесности, впрочем, как и исходя из контекста письма, галльского епископа, в большей степени, интересовала литературная

¹ *Pohlsander H.A.* Crispus: Brilliant Career and Tragic End // *Historia.* 1984. № 33. P. 79–106.

² *Jones A.H.M.* et al. *Fl. Ablabius* 4 // *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. I: AD. 260–395. Cambridge, 1971. P. 3–4.

деятельность Аблабия. То, что консул Аблабий был автором стихов, посвященных императору Константину, известно только благодаря Сидонию. Кроме того, причины, по которым его считают еще и автором некоторых эпиграмм (PLM. VI. P. 405), тоже проистекают из сведений Сидония, который сообщает, что едкая сатира, тайно появившаяся на воротах дворца принадлежала консулу Аблабию: *ut mihi non figuratius Constantini domum vitamque videatur vel pupugisse versu gemello consul Ablabius vel momordisse disticho tali clam Palatinis foribus appenso* (V.8.2).

Таким образом, данное послание Сидония акцентирует наше внимание на событиях 326 г. без какой-либо интерпретации обстоятельств смерти членов императорской семьи, свидетельствует факт принадлежности известного анонимного двустишия консулу Аблабию и высвечивает для нас дальнейшие направления исследования, связанные с анализом эпиграмм, приписываемых Аблабию, а также стихов самого Секундина, адресата Сидония, на предмет сравнения его сочинения со строками Аблабия.

О.В. Лосева

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» (Москва)

Известие месяцеслова Sinait. Gr. 293 1053 г. об одном из событий византийско-болгарской войны 809–815 гг.

Календарные разделы рукописных византийских и славянских Евангелий и Апостолов, называемые месяцесловами, помимо церковных праздников и памятей святых содержат упоминания важных исторических событий. Недавно в научный оборот было введено уникальное известие, относящееся к крещению Болгарии, сохранившееся в месяцеслове сербского Апостола-Евангелия конца XIII – начала XIV в. из Архива ФИРИ РАН в Санкт-Петербурге¹. При дальнейшем изучении этого типа источников несомненно предстоят и другие открытия. Любопытная запись содержится в месяцеслове Апостола Sinait. Gr. 293, написанного в 1053 г. в городе Далисанде иподиаконом Василием. Известно два города с этим названием, причем в обоих находилась епископская кафедра. Далисанд в Памфилии находился в юрисдикции Сидской митрополии, а Далисанд в Исаврии – Селевкийской.

Календарный раздел этой рукописи занимает листы 86b–143b (текст на листе 135 написан другим почерком). В месяцеслове указываются праздники на все дни церковного года, под многими датами содержится по несколько памятей святых. Состав месяцеслова носит компилятивный характер. В нем много константинопольских известий², но нет подробностей, характерных для

¹ Турилов А.А. Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. // *Palaeobulgarica*. 1999. № 1. С. 14–34.

² Памяти землетрясений 25 сентября 437 г. (Fol. 92 d), 26 октября 740 г. (Fol. 97 a) и 16 августа 554 г. (Fol. 141 a), евангельское чтение о богатом и Лазаре в память выпадения в Константинополе вулканического пепла после извержения Везувия (6 ноября 472 г.),

памятников, зависящих от Типикона Великой церкви (прежде всего, речь идет об освящении многочисленных столичных храмов¹). Из праздников, свойственных Иерусалимскому Савваитскому уставу, в календаре упоминается под 3 ноября освящение церкви вмч. Георгия в Лидде (Fol. 98d), но при этом под 13 сентября отсутствует главный из иерусалимских праздников – обновление храма Воскресения Христова (Гроба Господня). Наиболее поздние по времени установления праздники в календаре Апостола *Sinait. Gr. 293* 1053 г. – памяти Константинопольского патриарха Трифона (18 мая, ум. 933) (Fol. 126a) и прп. Луки Столпника, подвизавшегося в пригороде Константинополя (11 декабря, ум. 989) (Fol. 105b).

Под 16 марта в этом месяцеслове указывается «страсть святых мучеников, в Болгарии пострадавших, Давида, Иоанна, Константина, Вардана, Никифора и дружины их» (Fol. 123b: ἄθλησις τῶν ἁγίων μαρτύρων τῶν ἐν Βουλγαρία μαρτυρησάντων Δαβίδ, Ἰωάννη, Κωνσταντίνου, Βαρδάνου, Νικηφόρου καὶ τῆς συνουδίας αὐτῶν), которая, в отличие от регулярно упоминаемых в константинопольских календарях событий византийско-болгарской войны 809–815 гг. – поражения императора Никифора I от хана Крума 26 июля 811 г. (отмечается 23 и 26 июля) и мучений христиан, последовавших за битвой при Версиникии под Адрианополем 22 июня 813 г. (отмечается 22 января) – является уникальным известием. Хотя дата 16 марта не известна другим источникам, кроме *Sinait. Gr. 293*, упомянутые в нем имена находят соответствия в других агиографических памятниках. Если в сказании Менология Василия II (конец X – начало XI в.), помещенном под 22 января, приводятся имена только трех пострадавших от болгар епископов – Мануила Адрианопольского, Георгия Девельтского и Льва Никейского², то в заголовке сказания, включенного под этой датой в Синаксарь Константинопольской церкви (архетип конца X в.), помимо этих трех иерархов упомянуты Марин, епископ Петр и 377 христиан, из которых в тексте по именам названы пресвитер Пард, полководцы Лев и Иоанн, а также Гавриил и Сионий³. В службе мученикам, пострадавшим в Болгарии, содержащейся под 23 января в Минее *Vat. gr. 2008* (1101–1102 гг.) и введенной в научный оборот Э. Фольери и И. Дуйчевым⁴, к вышеперечисленным именам добавлены еще 27, в числе которых указаны и мученики, упоминаемые в *Sinait. Gr. 293*, кроме Никифора⁵, но не вместе, а перемежаемые именами других святых: в первом случае упоминаются Константин, Куперг, Полихроний, Михаил, Феофил, Вардан, Лев,

---

предназначенное в первое воскресенье ноября (Fol. 99 a), 5 июня нападение аваров на Константинополь в 617 г. (Fol. 131 a), 8 августа избавление столицы от персов и аваров в 626 г. (Fol. 140 b).

¹ За исключением праздника освящения церкви Богородицы в Кировых (5 мая, Fol. 127 b).

² PG. T. 117. Col. 275–277.

³ *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano*. Col. 414–416.

⁴ *Dujčev I., Follieri E. Un' acolutia indita per i martiri di Bulgaria dell' anno 813 // Byzantion*. 1963. T. 33. P. 71–106.

⁵ *Ibid.* P. 75–85.

Георгий, Давид, Гавриил, Петр, Павел, Пард, Иоанн¹; во втором – Петр, Павел, Пард, «священнейший» Самуил, Давид и Лев²; в третьем – Феофил, Стратигий, Лев, Давид, Любомир, Иоанн, Михаил, Артавазд, Скривиан, Констант, Вардан³. Если о статусе каких-то из лиц, перечисленных в Минее, можно составить представление (например, Петр и Павел называются «служителями Господа»⁴, то есть священниками), то о мучениках, упомянутых в *Sinait. Gr. 293*, иподиакон Василий не дает дополнительных сведений.

Из источников следует, что казнь четырех епископов и 377 христиан произошла не одновременно, а под датой 22 (23) января суммированы разные события, произошедшие в последние годы византийско-болгарской войны 809–815 гг. При этом выбор даты для поминовения 22 (23) января не находит объяснения в хрониках. Из 93-й главы «Малого катехизиса» прп. Феодора Студита мы знаем о другом событии, имеющем точную дату (29 февраля)⁵ – о казни болгарами 14 пленных христиан, отказавшихся есть мясо в Великий пост⁶. Видимо, зафиксированное в Апостоле *Sinait. Gr. 293* под 16 марта «мученичество в Болгарии», также относится к одному из неизвестных эпизодов этой войны, подобных рассказу прп. Феодора Студита в «Малом катехизисе».

Л.В. Луховицкий, В.Ю. Жаркая
Институт славяноведения РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Благочестивое приношение или литературное состязание? Самосознание Палеологовского агиографа в письмах Константина Акрополита

Пристальное внимание последних лет к феномену метафразирования в Византии (К. Хёгель, Дж. Дэвис, Х. Сигнес Кодоньер, Д. Рёш) и, в частности, к агиографическим метафразам эпохи Палеологов (М. Хинтербергер, А.-М. Тэлбот) парадоксальным образом сочетается с пренебрежением со стороны специалистов по агиографии эпистолярными источниками, которые могли бы пролить свет на авторское самосознание агиографов. Между тем почти все авторы этого времени, создававшие переложения житий святых прежних эпох (Никифор Григора, Феодора Раулена, Григорий Кипрский, Константин Акрополит), принадлежали к узкому кругу интеллектуалов, ведших

¹ Ibid. P. 76.

² Ibid. P. 79.

³ Ibid. P. 84.

⁴ Ibid. P. 79.

⁵ На него обратил внимание В. Бешевлиев: *Beševliev V. Eine nicht genügend anerkannte hagiographische Quelle // Polychronion: Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / Hrsg. Von P. Wirth. Heidelberg, 1966. S. 95.*

⁶ *Theodori Studitae Parva Catechesis / Ed. E. Auvray. Paris, 1891. P. 220–223.*

между собой оживленную переписку, в которой они обсуждали свою литературную деятельность, в том числе, и метафразы.

В докладе мы попытаемся восполнить этот пробел, обратившись к корпусу писем самого плодовитого метафраста эпохи: Константина Акрополита (между 1250 и 1255 – до мая 1324 г.). Перу Акрополита принадлежит 29 агиографических сочинений (житий, похвальных слов, мученичеств), которые, за исключением одного (ВНГ, № 889n), представляют собой переложения более ранних текстов¹.

В отличие от своих средневизантийских предшественников², авторы Палеологовского периода, как правило, сами составляли собрания своих писем³. Не стал исключением и Константин Акрополит: по его словам, он лично собрал все свои произведения в 3 тома (ер. 156, 187): тома I и II включали прозаические, а том III – поэтические произведения. Списки томов I и II, созданные под непосредственным руководством автора, сохранились (это Hieros. Patr. 40, 1291/1292 г. и Ambros. H. 81 sup., 1-я четв. XIV в. соответственно). 194 письма Акрополита в миланском списке представляют собой авторскую коллекцию и несут следы последующей авторской редактуры и унификации⁴ – это те письма, которые он считал нужным сохранить для потомков, причем именно в качестве единого эпистолярного архива.

Вопросы метафразирования Акрополит так или иначе затрагивает в 21 из 194 писем миланской рукописи. В этих письмах, как правило, представляющих собой сопроводительные послания, отражены все этапы создания агиографической метафразы от первоначального замысла до отсылки чистовой версии заказчику.

Акрополит крайне трепетно относится к судьбе своих творений. Посылая друзьям и заказчикам чистовые версии метафраз, он указывает, кто и в какой последовательности имеет право знакомиться с ними и кто, в какой день и в каком храме (ер. 88, 143) может зачитывать их публично (ер. 14). Просит адресата сначала познакомиться с сочинением в уединении, а лишь затем представить публике (ер. 32). Волнуется, сможет ли тот, кому будет поручено в день поминовения святого зачитать энкомий, достойно справиться с задачей (ер. 40).

Призывая читателей выносить суждения о прочитанном беспристрастно (ер. 143, 144), Акрополит не может скрыть своего волнения и нередко превращает сопроводительные послания в комментарий-апологию. Предвидя

¹ Перечень см. в: *Costantino Acropolita. Epistole / Saggio introduttivo, testo critico, indici a cura di R. Romano. Napoli, 1991. P. 19–25.*

² *Papaioannou S. Fragile Literature: Byzantine Letter-Collections and the Case of Michael Psellos // La face cachée de la littérature Byzantine: Le texte en tant que message immediate: Actes du colloque international, Paris, 5–7 juin 2008 / Ed. P. Odorico. P., 2012. P. 289–328 (Dossiers Byzantins, 11).*

³ *Tinnefeld F. Zur Entstehung von Briefsammlungen in der Palaiologenzeit // ПОЛУПЛЕΥΡΟΣ ΝΟΥΣ: Miscellanea für P. Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Hg. C. Scholz, G. Makris. München; Leipzig, S. 365–381 (Byzantinisches Archiv, 19).*

⁴ *Costantino Acropolita. Epistole... P. 99–102.*

возможное недовольство читателя затянутостью сочинения, он пускается в самооправдания, рассуждая о соответствии объема произведения его предмету (ер. 32). И наоборот: переживая, как бы не быть осужденным за чрезмерную краткость изложения, оправдывается тем, что, несмотря на все старания, так и не нашел пространного жития святого, и в качестве источника был вынужден пользоваться синаксарными заметками (ер. 176). Опасаясь, что читатель будет пенять на низкое качество копии и грубость почерка, в весьма изысканных выражениях описывает перипетии поиска достойного переписчика (ер. 167).

В других случаях речь идет не об окончательной версии, а о черновике. Акрополит делится с другом рабочей версией энкомия святому и просит проверить, нет ли там чего-то предосудительного, что могло бы скомпрометировать автора (ер. 22), и искренне переживает, что текст получит слишком широкое хождение в предварительной редакции еще до официальной публикации (ер. 40).

Тональность посланий меняется в зависимости от адресата. Если сопроводительные письма, адресованные заказчикам или официальным лицам, наполнены риторическими клише, а их автор рисует себя поборником благочестия, создающим метафразы лишь из благоговения перед святым (ер. 76, 87, 88), то послания друзьям проникнуты атмосферой литературной игры, духом соревнования с самим Симеоном Метафрастом (ер. 130), а благочестие их автора даже не столь глубоко, чтобы помнить дату поминовения святого, в чью честь он создает похвальное слово (ер. 52).

Анализ этапов работы Акрополита над метафразами позволяет поставить вопрос о его авторском самосознании. Как сочетались в его сознании априорно присутствующие в работе метафраста религиозно-литургический и художественно-эстетический уровни? Как соотносились в его собственном восприятии благочестие и азарт литературной игры?

П.И. Лысков

Волгоградский государственный университет

Мятеж Алексея Дуки Филантропина в контексте проблем социальной ситуации в Византии в конце XIII в.

Целью работы является выяснение сущности мятежа Алексея Филантропина в рамках военно-политической истории Византии раннепалеологовского периода. Необходимо определить специфику ситуации, сложившейся к началу конфликта в контексте внешней и внутренней политики Андроника II Палеолога (1282–1328), выявить движущие силы и прояснить мотивы и цели его участников посредством анализа главного источника – «Исторических рассказов» Георгия Пахимера.

В течение прошлого столетия движение Филантропина становилось объектом специального изучения шесть раз (Р. Гийян, Афинагор, А. Лайу, Х.-Ф. Байер, В.С. Георгиаду, Р. Радич). В исследовании мятежа сложилась традиция, недостатками которой, на наш взгляд, являются рассмотрение изучаемого явления вне контекста военно-политического и социально-экономического аспектов развития византийского государства и непроясненность смысла мятежа и мотивов его участников. Отдельно следует упомянуть французского византиниста А. Файе, внесшего большой вклад в дело изучения текста Пахимера.

Согласно устоявшейся в историографии точки зрения, в конце XIII в. во внутри- и внешнеполитическом положении Византии уже наметились симптомы глубокого кризиса. Турецкое завоевание Малой Азии стало наиболее актуальной проблемой внешней политики государства на рубеже веков. Потеря плодородных территорий усугубляла финансовый кризис, унаследованный империей Андроника II от времени правления его отца, который он пытался преодолеть, прежде всего, путем налогового натиска на податные слои населения, что сказывалось на отношении к императору и не способствовало стабилизации положения в государстве.

На рубеже XIII–XIV вв. сложилась весьма разнородная оппозиция правлению Андроника II, которая нашла оформление в ряде заговоров и мятежей (период с 1292 по 1306 гг. отмечен четырьмя выступлениями и одним заговором с целью мятежа). Особо выделим тот факт, что большинство этих событий имело место в малоазиатском регионе. Бессилие императора в военной и экономической сферах служило почвой для усиления мятежных элементов, что отчетливо проявилось в движении под руководством Алексея Филантропина.

В условиях постоянного напряжения сил в Малой Азии Андроник решил назначить на пост дуки Фракисийской фемы и командующего восточными войсками с титулом *пинкерна* молодого талантливой полководца Алексея Филантропина. За короткий период времени (весна 1293–осень 1295 гг.) ему удалось приостановить продвижение турок вглубь византийской территории и предпринять ряд успешных наступательных операций в долине Меандра.

Армия *пинкерна*, которую, согласно Пахимеру, следует условно разделить на три части (ромей, наемники-критяне и наемники-турки), являлась силой, до поры лояльной императору и его окружению. Вероятно, тяжелое финансовое положение империи побуждало Андроника вмешиваться в сферу обеспечения войска, что не могло не вызвать ответной реакции. Солдаты были возмущены сокращением размера жалованья (*роги*). Какое-то время войско существовало за счет полагавшейся ему части трофеев (реквизиций), но после заключенного перемирия с турками (к осени 1295 г.) и в силу стремления центральной власти повлиять на традиционные механизмы распределения награбленного, положение в армии стало тяжелым.

Негодованием войска решило воспользоваться окружение пинкерна – прежде всего, критяне и два монаха, один из которых, Мелхиседек Акрополит, был связан с Алексеем узами родства. Пинкерна убеждали поднять мятеж, ссылаясь на готовность войска к восстанию и на возможность опереться на население, обремененное налогами. Цели мятежников, замаскированные под общие требования солдат, остались неизвестными и нашему автору. Вслед за А. Лайу предположим, что назначение Алексея в Малую Азию вновь оживило арсенитское течение: дядя полководца по отцу, Иоанн Тарханиот, являлся одним из лидеров арсенитов в Константинополе. Относительно участия критяян в подготовке мятежа отметим, что, будучи, судя по всему, наемниками на долгосрочной основе, получая рогу и определенные доходы с проний, они, возможно, также оказались вовлечены в сферу распространения политики императора по сокращению расходов на обеспечение армии. Нельзя упускать и личные мотивы организаторов движения, которые, безусловно, имели место.

Мятежников поддержало население Фракийской фемы, а также местная церковь. Имя Андроника более не упоминалось во время литургий; проводилась раздача церковного имущества среди солдат, и владельцы, по словам Пахимера, «охотно передавали [его]». Впрочем, писатель свидетельствует и о том, что население боялось армии пинкерна, особенно его турецких отрядов.

Поведение же самого Филантропина оставляет вопросы. Получив сведения о волнении в войске, он отправил в столицу прошение о смещении с должности, которое было отклонено. В ходе мятежа Алексей действовал нерешительно: несмотря на все уговоры, он так и не принял титул василевса. Промедление обернулось тем, что критяне, заподозрив пинкерна в желании сдаться на милость Андронику и опасаясь последствий мятежа, схватили его и выдали императору. Армия пинкерна, оставшись без командира, была полностью разбита; Алексея ослепили и заключили в темницу (декабрь 1295 г.).

Заклучим, что мятеж Алексея Филантропина в той или иной степени коснулся различных слоев населения и был обусловлен целым комплексом предпосылок. Тот факт, что руководство движением осуществлял представитель военной аристократии, казалось бы, должен свидетельствовать об очередной попытке организации военного переворота узким кругом провинциальной элиты, заключавшего в себе сугубо корпоративные цели. Тем не менее, Филантропин скорее был втянут во всеобщее восстание войска, использованное его окружением в собственных целях, нежели начал мятеж согласно своим личным убеждениям. При этом следует иметь в виду, что движение зародилось внутри армии, руководствовалось, вероятно, практически всецело нуждами армии и вряд ли выходило за эти пределы.

В.В. Майко

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Провинциально-византийская культура Восточного Крыма первой половины XIII в.

Материальная культура восточного Крыма первой половины XIII в. изучена неплохо, но обобщена и опубликована пока довольно слабо. Главным источником для ее исследования являются материалы раскопок средневековой Сугдеи (Судак) и Боспора (Керчь). Других памятников с материалами первой половины XIII в., за исключением отдельных кочевнических погребений, на этой территории полуострова пока не известно. Таким образом, ситуация, сложившаяся в восточном Крыму во второй половине X в., в связи с исчезновением поселений крымского варианта салтово-маяцкой культуры, сохраняется и в данный хронологический период. Хронологические рамки этого периода для восточного Крыма можно установить достаточно четко. Нижняя хронологическая граница традиционно определяется временем захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Верхняя – временем окончательного вхождения восточного Крыма в состав улуса Золотой Орды после 1237 г. Материалы Боспора первой половины XIII в. крайне фрагментарны. Однако благодаря раскопкам Сугдеи получены некоторые данные для реконструкции всех сторон жизнедеятельности населения этого региона Таврики.

Жилые и хозяйственные помещения, возникшие во второй половине X в., продолжают функционировать без особых изменений. Происходят только незначительные ремонтные работы, существенно не меняющие облик зданий. Сказанное справедливо и по отношению к культовым христианским объектам. Происходит естественное расширение городских и прихрамовых некрополей при сохранении их изначального месторасположения. Особенности христианского погребального обряда, появившиеся во второй половине X в., сохраняются и в данный хронологический период. Единственным различием можно считать развитие и повсеместное использование обряда коллективных погребений с повторным проникновением в погребальное сооружение. В средневековой Сугдее продолжает функционировать и некрополь, связанный с проживавшими в городе кочевниками, активно переходившими к оседлости и принимавшими христианство.

Получены интересные данные для реконструкции особенностей фортификации, не повторяющей объекты предшествующего времени. Вероятно, византийская администрация города пыталась по возможности обезопасить его жителей от набегов половцев. При этом она, вероятно, не имела возможности поддерживать предшествующие фортификационные сооружения в должном состоянии. Возведенные на глине, эти новые простейшие фортификационные объекты не являлись серьезным препятствием для регулярной армии.

Для реконструкции материальной культуры уникальный материал предоставляют закрытые комплексы Сугдеи, некоторые из которых датированы и нумизматическим материалом. Керамический комплекс, в отличие от периода X– XII вв., претерпевает ряд значительных изменений. Существенно меняется состав византийской импортной амфорной тары. Набор тонкостенной кухонной посуды принципиально не отличается от существовавшего во второй половине X– XII вв., однако, морфология форм несколько иная и более разнообразная. Принципиальное различие носит набор столовой белоглиняной посуды, связанный с появлением новых типов, производившихся в разных гончарных центрах империи. Со второй четверти столетия начинается и постепенное поступление красноглиняной столовой импортной керамики. Элементы костюма, украшения, хозяйственные, бытовые и культовые предметы типичны для Византийской империи данного хронологического периода. Получает широкое распространение древнерусский импорт христианских раритетов.

В целом материальная культура этого хронологического периода является вариантом провинциально-византийской культуры. Однако отличается она от провинциально-византийской культуры восточного Крыма X–XII вв. в основном фортификационными приемами и составом керамического комплекса. Своеобразие культуре придает и наличие немногочисленных кочевнических элементов.

В политическом плане эта территория полуострова после 1204 г. входила, вероятно, в состав Трапезундской империи. Прямые указания на это в нарративных источниках отсутствуют. Однако в пользу данного факта может свидетельствовать официальный титул Великих Комнинов: «Цари и самодержцы всего Востока, Иверов и Заморья». При этом термин «Заморье» или «заморские провинции» вполне может означать владения трапезундских императоров на противоположном Трапезунду берегу Эвксинского понта, т.е. в Таврике. По крайней мере, с первой половины XIII в. система административного управления Сугдеи претерпевает изменения, хотя возможно, что это могло произойти и раньше указанного времени. К концу первой четверти XIII в., согласно данным письменных источников, Сугдея находилась уже в зависимости от половцев. Каким образом осуществлялся контроль команами территории восточного Крыма и его городов, как взаимодействовала с кочевниками византийская городская администрация, сказать однозначно сложно. Не решенным остается и вопрос об археологических свидетельствах похода сельджуков в Сугдею, впрочем, как и о датировке этого события.

Большинство объектов Сугдеи гибнет в пожарах во второй четверти XIII в., которые можно связать с захватом города монгольскими войсками. После вхождения восточного Крыма в состав Золотой Орды, в середине XIII в. город в значительной степени перестраивается, а его материальная культура, в отличие от юго-западного, северо-западного Крыма и Херсонеса, приобретает другой облик.

Д.И. Макаров

*Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского
(Екатеринбург)*

**Из истории греко-латинской полемики начала XIII в.
Николай Месарит как компилятор Андроника Каматира***

Митрополит Эфесский и патриарший экзарх всей Азии Николай Месарит (ок. 1163/1164 – после 1214)¹, как и придворный богослов Мануила I Комнина Андроник Каматир (главный труд которого «Священный арсенал» датируется, по А. Букосси, 1173–1174 гг.), мало известны исследователям, а читающей публике их имена, как правило, не говорят и вовсе ничего. Вместе с тем, Каматир был едва ли не самым видным представителем фотиевской традиции полемики с Филиокве в Византии рубежа XII–XIII вв., и именно в таком качестве его воспринимали и латинофилы конца XIII столетия (Иоанн XI Векк, Константин Мелитениот, Георгий Метохит). В таком же ключе его воспринимал и Николай Месарит. Как указано (на одном примере) Я. Спитерисом и подробно обосновано нами², в своем главном догматико-полемическом труде, который условно назван А. Хайзенбергом «Повествованием о церковно-политических событиях 1214 года», Месарит с высокой степенью точности, а кое-где и дословно воспроизводит значительные фрагменты из 17 глав «Священного арсенала». Проще говоря, главы 34–49 «Повествования» представляют собой пространную цитату (а местами – конспект) «Священного арсенала»³. Речь в этих главах идет как раз о критике Филиокве с православных (т.е., говоря исторически, прежде всего фотианских) позиций. Предостережение против какого бы то ни было смешения ипостасных и природных свойств Лиц Св. Троицы (эти разделы как раз и переписывает, а местами эксцерпирует, в своем труде Месарит) соседствует в труде Каматира со свежими и достаточно оригинальными размышлениями о перихорезе Лиц Св. Троицы, и в этом смысле именно Андроника надо считать той фигурой,

---

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 15–03–00665 «Многообразие гуманизма и его путей: Интеллектуальное наследие поздней Византии XIII–XIV вв.»

¹ А. К[azhdan]. Mesarites Nicholas // ODB / Ed. A.P. Kazhdan. Vol. 2. Oxford; New York, 1991. P. 1346.

² Spiteris G. I dialogi di Nicolas Mesarites coi latini: opera storica o fizione letteraria? // Collectanea Byzantina. Roma, 1977. (OCA, 204). P. 181–186 (oc. P. 183–186); Makarov D.I. Theology for Rent: Nicholas Mesarites as a Compiler of Andronicus Camateiros // Scrinium. Vol. 12. Leiden, 2016 (forthcoming).

³ См., например: Andronici Camateri Sacrum armamentum / Ed. A. Bucossi. Pars prima. Turnhout, 2014. P. 26.7.1–29.7.59. (CCSG, 75); Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214 // Heisenberg A. Quellen und Studien zur spätbyzantinischen Geschichte / Gesammelte Arbeiten ausgewählt von H.-G. Beck. London, 1973. (VR). II.3. S. 34.34.22–35.34.35; и 16 других примеров (подробнее см. нашу статью, указанную в прим. выше).

которая «открывает» XIII век в греческом богословии. И это понимали не только Св. Григорий Кипрский и его противники, но и мыслитель, не столь заметный на их фоне – Николай Месарит. Быть может, именно его пример компилятора особенно рельефно показывает востребованность в греческом богословии уже в начале XIII в. тех идей, которые мы потом встретим у Никифора Влеммида и других признанных авторитетов догматико-полемического направления византийской церковной мысли середины и конца XIII в. Это касается, в том числе, и мысли об определенной симметрии между рождением Сына и исхождением Св. Духа (оба этих акта совершаются в определенном смысле друг через друга), развитой Влеммидом.

В докладе приведена подробная таблица цитат из Каматира в труде Месарита. Вслед за этим мы ставим вопрос о типологии способов цитирования и о причине избрания компилятором того или иного способа (дословного и почти буквального цитирования или же цитирования с изменениями и переработкой текста), а также делаем вывод о весьма вероятном недопонимании текстов Месарита переписчиками. Также рассмотрен вопрос о значении соответствующих идей для византийской триадологии и антилатинской полемики конца XIII – середины XIV вв. (от Никифора Влеммида, Григория Кипрского, Георгия Мосхамбара до св. Григория Паламы и его школы).

Е.А. Маковецкий

Санкт-Петербургский государственный университет

К истории риторического искусства в Византии: четыре правила красноречия в «Картинах» Филострата Старшего*

В последние десятилетия фокус интерпретаций «Картин» Филострата Старшего сместился с вопроса о существовании оригиналов изображений к вопросу о месте самого текста «Картин» в истории экфрасиса и художественной литературы¹. Однако, кроме искусствоведческих и филологических прочтений, «Картины» представляют богатый материал для философского анализа софистических положений², для исследования истории античной и средневековой риторики³, а также ее воздействия на практику византийского образования. Именно в этом последнем смысле произведение Филострата анализируется и нами.

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ: проект № 15–03–00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

¹ См.: *Брагинская Н.В.* Генезис и структура диалога перед изображением и «Картины» Филострата Старшего. М., 1992.

² См., напр.: *Shaffer D.* Ekphrasis and the Rhetoric of Viewing in Philostratus' Imaginary Museum // *Philosophy & Rhetoric*. 1998. Vol. 31. № 4. P. 303–316.

³ См.: *Kennedy G.A.* Later Greek Philosophy and Rhetoric // *Philosophy & Rhetoric*. 1980. Vol. 13. № 3. P. 181–197.

1. Книга написана в жанре экфрасиса, в ней записаны диалоги перед картинами, разворачивающиеся между ритором, десятилетним мальчиком и группой юношей. Это делает вероятным предположение о том, что сам текст «Картин» имеет педагогическую направленность и мог использоваться в качестве своеобразного пособия по красноречию¹.

2. Последовательность описаний картин, казалось бы, случайна. Однако сам Филострат во введении восхваляет соразмерность, строгую последовательность, открывающую смысл искусства, что и дает повод искать в последовательности, либо в технике описаний (а, возможно, и там, и там) некий скрытый смысл, вплоть до реконструкции порядка развески картин на стенах галереи² или реконструкции некоей софистической теории восприятия.

3. Не претендуя на общее раскрытие замысла Филострата, мы сосредоточимся лишь на символическом изображении правил риторического искусства, которые изложены, на наш взгляд, в описании I.30. Здесь Посейдон дарит Пелопсу золотую колесницу, в которую запряжена четверка коней. Из описания I.17 известно, что кони Пелопса – белые и послушные, четверка же Эномая, наоборот, составлена из коней злых и черных. Ключевым для нашей цели является следующий фрагмент речи Филострата: «Не малый труд, думаю, поставить вместе всех четырех коней так, чтобы не перепутались ноги у них, и взнуздавши их, не давать им баловаться; заставить стоять того, кто не хочет стоять на месте, успокоить, кто хочет копытом бить, и того, кто высоко поднимает голову, а четвертый конь, повернувшись к Пелопсу, восхищается его красотой, и ноздри его широко раскрыты, как будто он ржет»³ (I.30).

4. Несколько моментов заставляют нас видеть в указанном фрагменте аллюзию на описание правил красноречия в платоновском *Федре*.

а) Прежде всего, четверка не случайно встречается в предпоследнем описании первой книги «Картин». Автор несколько раз использует число четыре, как бы подготавливая читателя к раскрытию значения этого числа для искусства красноречия. Четверка в значимом для нас смысле упоминается до нашего фрагмента в следующих случаях: Введение, I.13, I.17, I.28.

б) Белые кони Пелопса, призванные победить черных коней Эномая, могут олицетворять белого и черного коней, в используемом Платоном уподоблении души «соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего»⁴ (*Федр*, 246a): белый конь у Платона – послушный, черный – своенравный.

в) Описанию коней в упряжке Пелопса (I.30), можно сопоставить платоновское описание четырех видов «божественного неистовства» (*Федр*, 265b): конь, который «не хочет стоять на месте» (у Филострата) –

¹ Большое количество дошедших до нас рукописей «Картин» (см.: *Брагинская Н.В.* Генезис и структура... С. 5.) косвенно подтверждает то, что книга, возможно, использовалась и в целях обучения.

² См.: *Lehmann-Hartleben K.* The Imagines of the Elder Philostratus // *The Art Bulletin*. 1941. Vol. 23. № 1. P. 16–44.

³ Цитата в пер. С.П. Кондратьева приводится по изд.: *Филострат (Старший и Младший)*. Картины. Каллистрат. Статуи / Прим., перевод и введен. С.П. Кондратьева. Б.м.: Изогиз, 1936.

⁴ Цитаты приводятся в пер. А.Н. Егунова.

«вдохновенное прорицание» (у Платона); конь, который «хочет копытом бить» – «посвящение в таинства»; конь, который «высоко поднимает голову» – «творческое неистовство»; наконец, конь, который «повернувшись к Пелопсу, восхищается его красотой» – «любобное неистовство». Это уподобление подтверждается и другим: видам низкого неистовства у Платона, могут соответствовать черные и злые кони Эномая у Филострата.

5. Если принять уподобление четырех коней Пелопса четырем видам благородного неистовства из «Федра», то можно приложить платоновское понимание роли неистовства в красноречии к раскрытию учебно-риторического замысла Филострата. Так, у Платона благородное неистовство, рожденное памятью о созерцании истинного бытия (Федр, 249с), является неизменным спутником плодотворного человеческого усилия. Это касается и красноречия, правила которого формулируются несколько раз на протяжении диалога и сводятся к четырем: 1) нужно знать того, к кому ты обращаешься с речью (273d-e); 2) уметь делить все существующее по видам (273e; 265e); 3) уметь охватывать одной идеей все единичное (273e; 265d); 4) хорошо знать то, о чем говоришь (277b-c).

Вне всякого сомнения, тот факт, что Филострат артистически придерживается этих правил, более того, сумел в запоминающейся форме преподать их своим молодым слушателям, с успехом используя как эстетическую привлекательность материала своих описаний, так и имеющееся у юношей знание основных положений платоновской философии. Мы можем предположить, что не только художественным совершенством «Картин», но также их учебной направленностью объясняется популярность произведения Филострата Старшего в Византии.

К.А. Максимович

*Университет имени Иоганна Вольфганга Гёте (Франкфурт на Майне),
Академия наук (Гёттинген)*

Каноническое право Вселенского патриархата и парадоксы современной церковной автокефалии (на примере РПЦ)

История Русской Православной Церкви (далее: РПЦ) насчитывает более десяти веков, из которых почти половина прошла под эгидой Константинопольского патриархата. Будучи вплоть до середины XV в. рядовой митрополией Константинополя, РПЦ прошла долгий и драматичный путь «эмансипации» от своей Церкви-«матери», который завершился в 1589 г. официальным учреждением Патриаршества. После этого РПЦ стала полноправной автокефальной Церковью наряду с другими автокефальными Православными Церквями.

Пролучив административную и литургическую самостоятельность, РПЦ всегда сохраняла и поддерживала «особые» отношения с Церковью Константинополя, прежде всего в литургической сфере. Все богослужбные

книги и тексты РПЦ (за исключением канонов русским святым), чинопоследования Таинств и треб до сих пор представляют собой сплошь переводы с греческого языка, а оригинальные русские богослужебные тексты созданы под определяющим влиянием текстов греческих (по умолчанию константинопольских). Аналогичной выглядит ситуация и с каноническим правом РПЦ.

Официальным кодексом канонического права РПЦ является «Книга правил святыхъ апостоль, святыхъ соборовъ вселенскихъ и поместныхъ и святыхъ отецъ» (далее: «Книга правил»). Впервые она была издана Священным Синодом в 1839 г. для замены во многом устаревшей Кормчей книги. Вопрос об издании церковных канонов был поставлен в связи с работой по подготовке свода законов Российской империи. М.М. Сперанский считал необходимым включении Кормчей в этот свод. Митр. Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) настоял на отдельном издании церковных канонов без издания последующего церковного законодательства.

«Книга правил» открывается символами веры I (Никейского) и II (Константинопольского) Вселенских Соборов, далее следуют догмат IV (Халкидонского) Вселенского Собора о двух естествах во Христе, догмат VI Вселенского собора о двух волях во Христе и догмат VII (II Никейского) Вселенского собора об иконопочитании. Собственно правовой раздел «Книги правил» составляют так называемые «Каноны св. Апостолов», каноны I, II, III, IV, Пято-Шестого (Трулльского) и VII Вселенских Соборов, десяти Поместных Соборов III–IX вв. и отцов Церкви IV–VIII вв.: Петра и Дионисия Александрийских, Григория Неокесарийского, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова, Тимофея, Феофила и Кирилла Александрийских, канонические послания Геннадия Схолария и Тарасия Константинопольского.

С конца XIX в. в церковной публицистике высказывались предложения об исправлении или новом переводе «Книги правил». В качестве основного недостатка указывалось на неточный перевод некоторых византийских церковных терминов и языковые неправильности. Проф. В.Н. Бенешевич, составивший для Поместного Собора РПЦ 1917–1918 гг. заключение о кодификации канонов, указывал, что «Книга правил» «не может считаться удовлетворительной ни с точки зрения русского перевода, ни по качеству греческого текста, с которого сделан перевод»¹. Однако пересмотр «Книги правил» осуществлен не был.

Обращаясь к каноническому содержанию «Книги правил», нельзя не заметить, что она включает в себя церковные каноны III–IX вв., основная масса которых (не менее 90%) приходится на эпоху III–VII вв.

Представляется бесспорным (и анализ текста канонов это подтверждает), что каноническое право Византии отражало и воспроизводило особую

---

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. М., 1994. С. 15.

правовую ситуацию в Римской империи эпохи поздней античности. Данная правовая ситуация определялась следующими факторами:

1) политическим – наличием централизованной мировой империи с единым христианским правителем во главе;

2) социально-экономическим – строем, основанном на рабовладении и неполной правоспособности большинства населения (рабов, женщин, детей, раскольников и еретиков);

3) идеологическим – представлением о сакральности фигуры царя (императора) и божественном происхождении его власти (эта идея, свойственная как язычеству, так и иудаизму, перешла и в христианство); представлением о новой общности людей – христианском «народе Божиим», и новым воззрением на государство как инструмент спасения рода человеческого;

4) административным – наличием Вселенской христианской Церкви, организация которой в целом повторяла административное устройство империи.

В настоящее время ни одного из этих факторов больше не существует. В христианском мире уже нет рабовладения, вселенских империй, монархов «божией милостью». Нет и единой Вселенской Церкви, подконтрольной римскому императору. Однако каноническое право почти 1500-летней давности парадоксальным (если не сказать чудесным) образом сохранилось в полной неизменности и официально действует в XXI в. на территории Российской Федерации и других церковных территориях, входящих в юрисдикцию Русской Православной Церкви.

Объяснений этому парадоксальному факту нам видится несколько.

Во-первых, в русской традиции церковные каноны традиционно считаются «священными» и поэтому, как всё священное, тщательно оберегаются от любых изменений. При этом упускается из виду то обстоятельство, что византийская Церковь многократно изменяла свои собственные каноны на протяжении веков и не считала такие изменения профанацией «священного».

Во-вторых, в настоящее время в РПЦ (в отличие от Римской Церкви) отсутствует осознание важности и необходимости продуманной и хорошо функционирующей юридической системы. Между тем на протяжении своей истории РПЦ многократно показала себя вполне способной на собственное каноническое творчество: достаточно вспомнить многочисленные церковные соборы XIII–XVII вв., многие из которых издавали собственные правила, отличные от византийских.

В-третьих, нельзя исключать влияния авторитета св. Филарета, под эгидой которого была издана «Книга правил» и через причастность к которому она во многом приобрела «священный и неизменяемый» статус. Однако приписывание юридическим текстам статуса «священных» и «неизменных» (по аналогии со Св. Писанием) обличает лишь плохое знакомство с церковной

традицией, которая вся и всегда была живой, изменчивой, отвечающей на вызовы времени.

Критически важным представляется то обстоятельство, что «Книга правил» состоит исключительно из тех церковных правил, которые в IX в. вошли в Константинопольский «канон» и были на века зафиксированы в «Номоканоне» Фотиевской редакции (883 г.).

Хранение древних византийских канонов в РПЦ при отсутствии собственного канонического творчества может привести и уже приводит к ряду негативных последствий:

а) каноническое право РПЦ (а на самом деле Константинополя IX в.) невозможно применять на практике в полном объеме: за вычетом безнадежно устаревших канонов (о рабах, несуществующих более ересях, несуществующих более церковных и политических институтах) остается от силы 30–40% правил, которые еще можно применить в современных условиях. Фактически это означает, что у РПЦ сегодня нет действенного канонического права.

б) использование РПЦ в качестве собственного канонического права кодекса канонов Константинопольской Церкви свидетельствует о том, что подлинная «эмансипация» РПЦ от Константинополя до сих пор не состоялась и в каноническом отношении Русская Церковь до сих пор является зависимой частью Вселенского патриархата.

Я.В. Манохин

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Монашеская школа в ранневизантийской Газе как уникальный институт христианского богословского образования

Ранневизантийская Газа, как интеллектуальный центр Восточной Римской империи, стала активно изучаться лишь во 2-й пол. XX в.¹ Ранее ученые считали эту территорию неперспективной для исследования², но теперь Газа рассматривается, как важный интеллектуальный центр ранней Византии³. Это было связано с возникновением школы риторов и распространением христианства на юго-западе Палестины. В результате синтеза античной науки и культуры, христианского богословия и монашества здесь возникает монашеская богословская школа. Некоторые ученые очень высоко оценивают

¹ *Спиридонова Л.В.* Жизнь и творческое наследие Аввы Дорофея (Газского) в контексте истории газского монашества: дисс... к.и.н. СПб., 2012. С. 24.

² Наиболее данная позиция выражена у следующих авторов: *Heussi K.* Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen, 1936; *Dörries H.* Die Vita Antonii als Geschichtsquelle. Göttingen, 1949.

³ *Rubenson S.* Letters of St. Antony: Monasticism and the Making of a Saint. Minneapolis, 1995. P. 120–122.

культурно-историческое значение этой школы, говоря, что, «данный интеллектуальный центр способствовал перенесению античной классической культуры в средние века»¹.

Помимо христианизированной риторической школы, монашеская школа в Газе представляла собой уникальное направление христианской богословской мысли в ранней Византии. Своей известностью она обязана трудам своих учеников и учителей. Данная школа являлась институтом богословского образования, представляющего собой совокупность образовательных учреждений при монастырях города и его окрестностей. Такую точку зрения разделяет ряд авторитетных отечественных² и зарубежных исследователей³. Кроме того, факт существования школы подтверждают письменные свидетельства⁴, а также археологические данные, которые свидетельствуют о нахождении при монастырях библиотек и аудиторий⁵.

Формирование школы как института богословского образования проходило в два этапа: в монастырях отшельнических, а затем – в общежительных. Ключевым фактором, способствовавшим возникновению монашеской школы, являлось принципиальное отличие монастырей Газы от монастырей египетской пустыни, преемниками которых они являлись. Это отличие заключалось в своеобразной «открытости» монастырей по отношению к местному населению⁶, тогда как в монашеских центрах Египта общение даже с ближайшими родственниками воспринималась как нарушение устава. Об «открытости» монастырей свидетельствует их расположение в непосредственной близости к населенным пунктам⁷ (всего в районе Газы найдены остатки 20 монастырей, из них 9 – в ближайшей округе) и тот факт, что их насельники занимались социальной и образовательной деятельностью⁸.

Монашеская школа в Газе стала продолжательницей образовательных традиций богословских школ-предшественниц. Территориальная близость к Египту способствовала принятию образовательного опыта Александрийской богословской школы, которая характеризуется рациональным принципом постижения христианского вероучения.

---

¹ *Martin A.* L'église et la khora égyptienne au IVe siècle // *Revue des Études Augustiniennes*. 1979. Vol. 25. P. 3–26; *Wipszycka E.* Le monachisme égyptien et les villes // *Travaux et mémoires*. 1994. T. 12. P. 1–44.

² *Кирилл (Илюхин).* История христианского образования // *Православный собеседник*. № 2 (15). Казань, 2007. С. 170–186; *Культура Византии*. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 678.

³ *Seitz K.* Die Schule von Gaza: eine litterargeschichtliche Untersuchung. Heidelberg, 1892. S. 4.

⁴ *Ibid.* P. 4.

⁵ *Hirschfeld Y.* The Monasteries of Gaza: An Archaeological Survey // *Christian Gaza in Late Antiquity* / Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. Leiden, 2004. P. 61–88.

⁶ *Ibid.* P. 55.

⁷ *Ibid.* P. 71.

⁸ *Bitton-Ashkelony B., Kofsky A.* Gazan Monasticism in the Fourth-Sixth Centuries // *Proche-Orient Chrétien*. 2000. Vol. 50. № 1–2. P. 57–61.

Монашество, как ядро образовательных традиций школы в Газе, сближает ее с эдесско-нисибинской школой, для которой на первом месте стояло духовное и чувственное постижение христианского богословия¹. Ее крупный вклад в развитие богословия отражен в аскетической практике творения умной молитвы. Основными компонентами такой молитвенной практики являются: непрерывная молитва, чистая молитва и память о Боге². Хотя эти практики не были новы для христиан в V–VI вв., в Газе они получили новое значение, формулировку, и функцию. Видные деятели газского монашества Авва Дорофей, Варсануфий и Иоанн также были прямо связаны с этой школой.

Многие из известных христианских риторов и учителей Газы были одно время неоплатониками и работали как в риторской, так и в монашеской школах. Так, Эней Газский, следуя примеру Климента Александрийского и Оригена, которые «главной задачей своего служения считали соединение веры со знанием, или возведение христианского учения на степень знания»³, использовал принципы и методы классического античного образования и философии в деле христианского просвещения. Другим известным носителем классической античной культуры был богослов и комментатор Писания Прокопий Газский, который осуждал языческую религию, но в своих произведениях часто использовал софистические приемы⁴.

Таким образом, монашеская школа Газы являлась продолжательницей образовательных традиций ранневизантийских христианских богословских школ. От Александрии она унаследовала любовь к риторике и философии, а от сирийских школ – позитивное аналитическое мышление, основанное на аскетической практике. Ее уникальность в сфере христианского образования выражается в синтезе аскетики и богословия. Культурное значение школы заключается в перенесении традиций античности из древности в средние века. Вклад знаменитых представителей газской школы в христианское богословие и образовательную практику остается бесценным.

---

¹ *Дмитриевский В.* Александрийская школа. Казань, 1884. С. 83.

² *Seitz K.* Die Schule von Gaza... P. 7.

³ *Дьяконов А.П.* Типы высшей богословской школы в древней церкви III–VI вв. СПб., 1913. С. 34.

⁴ *Downey G.* The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Bulletin. 1958. Vol. 12. P. 299.

О.А. Манохина

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

К проблемам изучения истории богословского образования в ранней Византии (IV–VI вв.)

Духовное образование в первые века христианства представляло собой совокупность богословских школ, которые занимались подготовкой пастырей, просветительской деятельностью мирян и научной деятельностью. «Распространению собственно христианского просвещения особенно служили христианские училища, как те, которые основаны были прежде, так и вновь основавшиеся в сем веке»¹.

В отличие от вопроса о генезисе духовного образования, эволюция богословских школ в целом менее освещена в источниках. Также данная тема не рассматривалась специально как зарубежными, так и отечественными исследователями. Авторы отдельных работ только отчасти затрагивали вопрос об общем положении высшего духовного образования в ранней Византии. Так, например, А.П. Дьяконов в работе «Типы высшей богословской школы в Древней Церкви III–VIII веков» писал: «Не задаваясь целью дать полную картину высшего духовно-школьного образования за указанный период, – так как подобная задача не отвечала бы ... состоянию источников, сообщающих лишь отрывочные и не всегда ясные указания, касательно школы – я попытаюсь охарактеризовать... лишь главные направления...»². Другие авторы XIX в. также обходят стороной вопрос о состоянии и развитии школ в церковной системе: «В каком же отношении к этим школам находилась деятельность соборов вселенских? Этот вопрос уже давно занимал собой внимание ученых, но мы не знаем ни одного труда в литературе, который рассматривал бы этот вопрос с должной полнотой и последовательностью» – констатировал А.П. Лебедев³.

Исследователи, затрагивавшие вопросы истории духовного образования или рассматривавшие систему образования в Ранней Византии в целом, упоминают о высших богословских школах лишь кратко и обзорно: «На Востоке христианские школы, основанные в предыдущий период, продолжали существовать и в рассматриваемое время. Таковы церковные школы в Александрии, Антиохии, Кесарии Каппадокийской, Нисибине и Кесарии Палестинской. Со времени Константина Великого число церковных школ увеличивается. Не теряя своего философского характера, каким отличались эти

¹ *Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об Отцах Церкви. В 3-х т. СПб., 1859. Т. 2. С. 10.

² *Дьяконов А.П.* Типы высшей богословской школы в древней церкви III–VI вв. Речь на годовичном акте Санкт-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1913 г. СПб., 1913. С. 4.

³ *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб.: Алетейя, 1997. С. 287.

школы, с самого начала своего существования, они теперь расширяют свой курс введением в него преподавания литературы»¹.

В целом исследователи к исходу XX в. были более или менее согласны в том, что с распространением христианства в противовес языческим школам высшего образования в крупнейших центрах античной образованности – Александрии, Антиохии, Афинах, Кесарии Палестинской и др. – стали возникать богословские академии. Основными предметами, преподаваемыми в них, были экзегеза, гомилетика, литургика, полемическая апологетика, догматическое богословие, а также чтение и толкование Писания. Усвоение кардинальных положений нового вероучения являлось главной целью этого обучения². Авторы подобных исследований почти не дают ссылок на источники. Это связано преимущественно с тем, что написание полной истории богословских школ не было целью таких работ.

В зарубежной литературе этот вопрос также остается без внимания. Западные исследования рассматривают систему образования вообще или отдельные школы, но более позднего периода³. Чаще рассматриваются школы как философско-богословские направления науки (например, Александрийская школа), но не как образовательные институты, и не в контексте истории богословских школ.

Таким образом, данная тема рассматривается в целом до сих пор не на научном, а скорее на описательном уровне, как учебный материал, дающий общие сведения. Поэтому история высшего духовного образования в ранней Византии излагается кратко и сводится к общим рассуждениям, например, как в «Истории Церкви» Н.Д. Тальберга: «Духовное просвещение, развившееся в значительной степени еще в III в., с признанием христианства господствующей в греко-римской империи религией, в IV в. достигло своего высшего процветания. Обстоятельства, содействовавшие возвышению духовного просвещения, были внешние и внутренние. С одной стороны, более спокойные времена, наступившие вслед за гонениями, дали возможность многим из даровитых христиан посвящать себя занятиям богословием, с другой – само состояние христианского вероучения вызывало усиленную деятельность на поприще духовного просвещения... В IV–V вв. мы видим целый ряд замечательных богословов, посвятивших себя исследованию всех сторон христианского вероучения. ...Христианские школы, основанные в прежние времена, служили и теперь рассадниками духовного просвещения. Многие из великих отцов и учителей Церкви IV и V вв. обязаны им своим богословским образованием, хотя некоторые из них достигали обширных богословских познаний и самостоятельным трудом»⁴.

¹ Плотников В.В. История христианского просвещения в его отношении к древней Греко-римской образованности: От торжества христианства при Константине Великом до окончательного падения Греко-римского язычества при Юстиниане. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 35.

² Культура Византии IV – первая половина VII вв. М.: Наука, 1984. С. 502–503.

³ См.: Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Amsterdam, 1964. S. 35.

⁴ Тальберг Н.Д. История Церкви. М.: ПСТБИ, 2000. 516 с.

Тем не менее, определенные сведения о состоянии и развитии высшего духовного образования IV–VI вв. содержатся в трудах церковных писателей того времени и других источниках, которые в целом позволяют систематизировать информацию по исследуемому вопросу на новом уровне, в широком контексте истории богословского образования в ранней Византии, которая требует глубокого современного изучения.

Ю.Б. Мантова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт высших гуманитарных исследований (Москва)*

Репрезентация пути в средневизантийских житиях апостола Андрея

Об апостольском пути Андрея Первозванного повествуют многие греческие памятники, создававшиеся в разное время и в разных жанрах. Данная работа основана на корпусе житийных текстов IX–XI вв., изданных А.Ю. Виноградовым¹.

Издатель приводит данные о датировке, месте в традиции, источниках для каждого текста, а также уделяет внимание отличиям этих текстов от апокрифов. В первую очередь, житиям присуща типичная для жизнеописания структура. Важна также и идейная переработка, направленная на устоявшуюся православную традицию. Кроме того, все они, так или иначе, более реалистичны и «документальны», чем апокрифы.

Тем не менее, если сравнить эти жития с другими агиографическими текстами средневизантийского периода, станут очевидными многие различия. Согласно нашей теме, сосредоточимся на описании пути².

Рассмотрим первую группу памятников: две редакции жития, составленные Епифанием Монахом (BHG 94d, 95b, 95d, 102), и тексты Никиты Давида (BHG 100) и Симеона Метафраста (BHG 101), основанные на одной из них.

Описание апостольской миссии Андрея – главная цель этих повествований. Это и обуславливает особенный «документальный» характер представленного путешествия, лишённого также и привычных для «путешествующей» агиографии «дорожных» чудес.

Репрезентация пути в рассмотренных памятниках обнаруживает сходство с описанием движения в Деяниях апостолов. Действительно, для этих текстов характерно наличие подробной маршрутной сетки, включающей в себя множество топонимов и этнонимов, но при этом практически полностью

¹ Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1. Жития / Изд.: А.Ю. Виноградов. СПб., 2005.

² Сам маршрут и принципы его построения проанализированы А.Ю. Виноградовым: Греческие предания... С. 43–44.

отсутствует описание самого пути. Как он проходил, был ли тяжел или легок, какие проблемы появлялись, как они решались – все эти вопросы остаются вне повествования. В большинстве случаев движение представлено только перечислением топонимов¹.

Еще одна общая черта, свойственная и Деяниям, и жизнеописаниям Андрея – оценка каждой местности, куда приходят вестники христианства, прежде всего, с точки зрения духовного состояния жителей, насколько они развиты или, наоборот, дики для того, чтобы воспринять свет новой веры.

Основой для текста Епифания Монаха, помимо письменных источников, послужило реальное путешествие автора по местам апостольской проповеди, и его личный опыт занимает довольно важное место в повествовании, которое построено в виде рассказа от первого лица. Епифаний включает в него сведения о людях, с которыми встречался, о мощах, святынях и прочих памятниках, которые ему удалось увидеть. В то же время, субъективным впечатлениям от самой дороги он внимания не уделяет.

Любопытно проследить, как Никита Давид и Симеон поступают с наблюдениями Епифания, записанными от первого лица. Сравнив параллельные эпизоды в этих текстах, можно однозначно утверждать, что для более поздних авторов эти свидетельства очевидца были важны, поскольку они сохраняют их в достаточном объеме, просто заменяя личные конструкции на безличные, при этом как бы «присваивая» эти данные себе.

Что касается различий в описании пути у Епифания, Никиты и Метафраста, следует отметить, что они не имеют кардинального характера и относятся к стилю или же объясняются объективными причинами (замена первого лица на безличные предложения, потребность Симеона в более кратком тексте, необходимость Никиты внедрить экфрасис, посвященный селению Харакс).

Совсем иной тип изображения путешествия характерен для текста из второй группы - анонимного жития, созданного на излете традиции (кон. X – нач. XI в.; ВHG 99b)². Главная отличительная особенность этого текста состоит в том, что он намного больше похож на «обычное» житие «обычного» святого. Путешествие в нем – не просто сухая сетка-рамка для всего повествования, а литературный мотив, использованный для плетения более сложной сюжетной ткани. Текст не содержит большого количества топонимов, но обнаруживает агиографические топосы, связанные с путешествием, которые встречаются в других памятниках:

---

¹ Исключение составляет плавание апостола Павла в Рим, включающее живописное описание бури (Деян. 27–28). В этом эпизоде обстоятельствам пути уделяется значительное внимание, однако ясно, что такая детализация не послужила образцом для Епифания Монаха и его последователей.

² Он основан на анонимной повести ВHG 99, не зависит от жития Епифания и передает другой итинерарий. См.: Греческие предания... С. 32–33.

сомнения Андрея в том, что он сможет проделать сложный путь¹; подробности относительно организации плавания²; использование сверхъестественных способностей для преодоления опасности³; страдания местного населения от потери мощей⁴. Конечно же, такие особенности могли бы объясняться принадлежностью этого жития к другой ветви традиции, однако текст-основа (ВНГ 99) тоже лишен всех этих литературных черт. Вероятно, в данном случае автор ориентировался на другие, более привычные жизнеописания.

Отмеченные нами особенности стоит сопоставить с наблюдениями, приведенными в статье С.Ф. Джонсона⁵ об усвоении христианской литературой позднеантичных географических представлений. В рассмотренных автором путешествиях на традиционно римское географическое восприятие пространства накладывается и «апостольский» слой, т.е. соотнесение местности с тем или иным библейским героем или событием. Этот слой начинает превалировать, и во многих случаях читатель не сможет получить представления о реальном расположении указанных мест, если сам не обладает этим знанием. Однако самое важное – это миссия, которую выполняют эти путешествия. Они реорганизуют пространство посредством того, что правдоподобно соединяют текст, определенную местность и определенную личность. В этом смысле путешествие Епифания схоже с ними. Он тоже совершает свой путь, опираясь на письменные источники, и исследует каждую местность с целью найти какие-то святыни, связанные с апостолом. Очевидно, что таким образом он тоже достоверно и наглядно «присваивает» пройденное пространство апостолу Андрею. Важно отметить, что при этом Епифаний актуализировал непонятные ему данные из древнего списка, искал соответствия между современными ему народами и указанными в источнике⁶.

Итак, можно заключить, что житиям апостола Андрея, относящимся к традиции Епифания, характерны особые черты в описании пути. Тексты транслируют подробный итинерарий, а также не эксплуатируют возможности путешествия для описания «дорожных» чудес или организации дополнительных сюжетных элементов. Однако, со множеством «обычных» житий этой эпохи жизнеописания апостола роднит отсутствие внимания к самому пути, к идее движения. Ни сам Епифаний, ни следовавшие за ним Никита и Симеон не сообщают никаких подробностей о дороге, впечатлений или ощущений от нее.

---

¹ Греческие предания... С. 322.

² Там же. С. 322–323.

³ Там же. С. 325.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ *Johnson S.F. Apostolic Geography: The Origins and Continuity of a Hagiographic Habit // DOP. Vol. 64. 2010. P. 5–25.*

⁶ Греческие предания... С. 32.

Е.И. Мирошниченко

Независимый исследователь (Санкт-Петербург)

«Письма» Синесия Киренского и проблемы изучения ранневизантийской эпистографии

«Письма» Синесия Киренского представляют собой яркий образец эпистолярного жанра в ранневизантийской литературе. Они свидетельствуют о том, какими приёмами пользовались византийские эпистографы, а также о специфике социального бытования писем в Византийской империи. Поэтому «Письма» являются предметом изучения как для филологов, так и для историков.

«Письма» Синесия следует рассматривать в контексте истории эпистолярного жанра. С одной стороны, Синесий – наследник античной эпистолярной традиции, о которой у нас сохранились не только сведения эпистолярного, практического характера, но и теоретические работы (параграфы 223–235 трактата Деметрия Фалерского «О стиле», трактат неизвестного автора «О типах писем» и письмо Григория Назианзина к Никобулу). С другой стороны, Синесий – один из первых средневековых эпистографов, которые отступают от формальных правил эпистолярного этикета, тем самым, проявляя свою авторскую индивидуальность. Подобный подход мы находим в письмах Иоанна Златоуста, Григория Назианзина и Василия Великого, а также в собрании писем императора Юлиана. Знаменитый ритор Либаний старается с величайшей педантичностью следовать античному эпистолярному этикету, однако и в его письмах можно найти элементы персонализма. Явления такого рода, как авторская индивидуальность и персонализм в эпистографии, ставят перед историками и литературоведами, исследователями ранневизантийской эпистографии, определённые проблемы, которые мы рассмотрим на примере «Писем» Синесия.

Первое, с чем сталкивается исследователь, это вопрос жанровой определённости. У нас нет (как не было и у самих византийцев) чёткого критерия, с помощью которого можно было бы отделить художественные письма (собственно, литературу) от обычных, например, деловых, писем. В эпистолярные сборники ранневизантийского периода составители часто включали письма такого характера, какой не позволяет нам отнести эти письма к собственно художественным, т.е. к эпистолярному жанру. Деловые записки, ходатайственные письма, рекомендации и т.п. очень часто лишены какого-либо литературного достоинства, и остаётся совершенно непонятным, по каким причинам они включались в литературные эпистолярные сборники. Общепринятой сегодня среди исследователей является та точка зрения, согласно которой эпистолярные сборники представляют собой изначально литературный текст, в котором каждое письмо имеет свою определённую смысловую нагрузку. Но такой взгляд, близкий к современному концептуализму в искусстве, конечно, едва ли был свойствен византийцам. Проблему художественного в византийской эпистографии следует

пересмотреть кардинальным образом в свете последних исследований, в частности, исследований, раскрывающих авторскую индивидуальность в письмах¹. Возможно, письма собирались для публикации не по принципу художественности, а по принципу отнесения их к одному известному лицу – автору. Иначе говоря, принцип создания эпистолярных сборников в ранневизантийскую эпоху напоминал принцип издания писем того или иного знаменитого автора в наше время.

Другой существенной проблемой изучения ранневизантийской эпистографии является проблема авторства. Эта проблема связана с предыдущей. Если мы рассматриваем письма как часть литературной биографии автора, то мы должны быть уверены, что они принадлежат этому автору. Конечно, мы можем пойти по пути наименьшего сопротивления, признать вместе с Роланом Бартом, что автор умер, и тем самым лишить проблему её основания. Но если мы это сделаем, то решение первой проблемы также окажется под вопросом: если автора нет, то у нас не остаётся оснований для изучения эпистолярных сборников как авторских текстов. Однако такому отрицанию автора противоречит тот факт, что в письмах ранневизантийских эпистографов мы часто обнаруживаем проявление авторской индивидуальности, выходящей за пределы общепринятого этикета, и поскольку каждый автор преодолевает этикет различным образом, мы уже не можем так просто отказаться от концепции автора, с которым связана оригинальность находящегося перед нами текста. Таким образом, мы не можем согласиться со «смертью автора», мы видим, что он жив и проявляет себя специфическим образом. Конечно, чтобы определить специфический стиль автора, мы должны его найти в тексте, а для этого требуется провести огромную текстологическую работу. Такая работа позволит вернуть каждому письму-тексту имя его автора. Такая работа уже была отчасти проделана с наследием Василия Великого и Григория Нисского, своего исследователя ждут ещё письма Григорий Назианзина, Иоанна Златоуста и Либания. При имеющемся текстологическом методе и с помощью инструментов TLG в большинстве случаев мы действительно можем разрешить данную проблему.

Наконец, самой главной проблемой в деле изучения ранневизантийской эпистографии является проблема историчности того или иного письма. Если письма – это художественное произведение, если их автор повсюду использует общепринятые топосы и риторические обороты, то насколько достоверными исторически являются те сведения, которые мы в них находим? Например, в одном из писем Синесий благодарит адресата за богатый и достойный подарок:

---

¹ *Hose M.* Synesios und seine Briefe. Versuch einer Analyse eines literarischen Entwurfs // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Bd. 27. 2003. S. 125–141; *Luchner K.* Freundschaft und Freundschaftsbrief bei Synesios // Synesios von Kyrene: Polis, Freundschaft, Jenseitsstrafen. Tübingen, 2010. S. 89–118; *Harich-Schwarzbauer H.* Zum Werkcharakter der Briefe des Synesios von Kyrene // Synesios von Kyrene. Politik – Literatur – Philosophie / Hrsg. v. H. Seng und L.M. Hoffmann. Turnhout, 2013. S. 96–109.

породистого коня¹. Если для литературоведа тут нет никакой проблемы, кроме соотнесения этого сюжета с известными античными топосами, то для историка, который рассматривает «Письма», прежде всего, как исторический источник, первой и важнейшей проблемой здесь является вопрос: а получил ли Синесий коня? Или это была лишь фигура речи, принятая в определённого рода письмах? Мы склонны считать, что конь был настоящим, однако следует помнить, что топосы играли важную роль в эпистолярном этикете, и поэтому не следует воспринимать каждый из этих топосов в качестве неоспоримого исторического свидетельства.

Таким образом, перед исследователями, занимающимися ранневизантийской эпистолографией, стоят три первоочередные проблемы: проблема жанровой определённости, проблема авторства и проблема историчности. Если первые две проблемы особенно характерны для византинистов-литературоведов и лингвистов, то последняя является целиком и полностью проблемой византинистов-историков.

Ю.М. Мозаричев

Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (Симферополь)

Крым между Византией и Хазарией: северная периферия Империи ромеев в VIII – середине X вв.

История Крымского полуострова VIII – середины X вв. является одной из самых «популярных» в крымской медиевистике. По нашим подсчетам «хазарскому периоду» посвящено больше публикаций, в том числе и фундаментальных исследований, чем иным этапам крымского средневековья.

Данному феномену имеется объяснение. С одной стороны, источники, сообщающие о различных перипетиях истории Тавриды VIII – середины X вв. более многочисленны и разнообразны, чем для V–VII и второй половины X – середины XIII вв. С другой стороны, в значительной степени помогают реконструировать историю Крыма «хазарского периода» эпиграфические и сфрагистические находки (в первую очередь, моливдовулы из херсонского и сугдейского архивов печатей), а также довольно многочисленные археологические материалы, полученные в результате исследований слоев VIII – середины X вв. Херсонеса, Сугдеи, Боспора, Мангупа, Эски-Кермена, Баклы, Кыз-Кермена, Тепсеня и других памятников.

Особый интерес к истории Крымского полуострова рассматриваемого времени объясняется и тем, что эта территория оказалась в зоне особого внимания таких знаковых для отечественной историографии культурно-

---

¹ *Synesius*. Ep. 133.52–54 (Garzia).

исторических феноменов как Византийская империя и Хазарский каганат. Кроме того, этот период непосредственно предшествует корсунскому походу князя Владимира. Напомним также о «крымском эпизоде» биографии славянского просветителя Константина (Кирилла) Философа.

Вехой в изучении истории Крыма «хазарского периода» стали труды крупнейшего русского византиниста В.Г. Васильевского, посвященные Житиям Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Стефана Нового, Андрея Первозванного, в которых на высоком научном уровне была сформулирована концепция крымской истории VIII–X вв., ставшая основой практически для всех последующих исследователей. Идеи В.Г. Васильевского в большей или меньшей степени получили развитие и корректировку в трудах Ю.А. Кулаковского, А.Л. Бертъе-Делагарда, А.А. Васильева и ряда других авторов. Важными для понимания исторических процессов, протекавших в средневековом Крыму, являлись капитальные труды В.В. Латышева, посвященные изучению Житий Херсонских епископов и анализу эпиграфических памятников.

В советское время, для изучения рассматриваемой проблемы стали активно привлекать уже накопленный и осмысленный археологический материал. Это нашло отражение в работах Н.И. Репникова, А.Л. Якобсона, Е.В. Веймарна, Д.Л. Талиса, О.И. Домбровского, А.И. Романчук, А.В. Гадло, и ряда других авторов.

В постсоветское время проблемы крымской истории «хазарского» времени вышли на первый план в крымской медиевистике. Это связано, во первых, с отходом от «советской тенденциозности» в освещении истории Хазарского каганата; во вторых, благодаря капитальным трудам по истории Хазарского каганата П.К. Коковцева, М.И. Артамонова, С.А. Плетневой, М.Г. Магомедова, А.П. Новосельцева и др., появившейся доступности работ зарубежных авторов, стало реальным попытаться определить место Крымского полуострова в системе этого государства; в третьих, история собственно Хазарии в последние несколько десятилетий стала популярна как в постсоветской, так и в зарубежной историографии (было проведено несколько специализированных конференций и конгрессов, хазарская секция работала при Международной ежегодной конференции по иудаике, хазарская тематика была одной из основных на различных исторических и археологических конференциях. Было издано несколько объемных сборников научных трудов); в четвертых, с одной стороны, в последнее время был накоплен значительный археологический материал, позволивший делать относительно объективные обобщения, а с другой был совершен прорыв в определении хронологии раннесредневековых археологических материалов, давший возможность устанавливать относительно узкие датировки бытования вещей; в пятых, выявление и введение в научный оборот материалов херсонского и судакского архива печатей позволило привлечь новые важные источники.

Среди современных исследователей нет единого мнения относительно периодизации и трактовки основных моментов истории Крымского полуострова VIII – середины X вв. Ключевые вопросы истории, по которым разворачиваются

дискуссии это: 1) время прихода хазар на полуостров; 2) кто доминировал в Крыму в «хазарский период»: хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминиум; 3) основные этапы хазарской экспансии в Крым; 4) проблема салтово-маяцкой археологической культуры на полуострове.

По мнению автора, в византийско-хазарских отношениях на Крымском полуострове в VIII–X вв. выделяется несколько периодов, каждый из которых имеет свою специфику.

1. Конец VII – середина VIII вв. Выход хазар к границам полуострова, вынудивший византийские власти выплачивать им дань. При этом хазары за материальное вознаграждение участвовали и во внутривизантийских конфликтах, выступая на стороне то одной, то другой партии.

2. 50–60-е гг. VIII – 70-е гг. VIII вв. Переселение части населения Хазарского каганата с разрешения и под контролем византийских властей на территорию Крыма (в основном, Керченский полуостров).

3. 80-е гг. VIII в. – первая половина 30-х гг. IX вв. Экспансия хазар в юго-западную часть Крыма, а после подавления выступления местного населения и захват ими большей части полуострова.

4. Вторая половина 30-х гг. IX в. – 70–80-е гг. IX в. Ослабление хазарского господства приводит к созданию Византией фемы Климатов. К концу этого периода хазары, несмотря на попытки удержаться в Крыму, были вынуждены его покинуть.

5) Конец IX в. – середина X вв. Попытки хазар совершать походы в Крым, который они, вероятно, продолжали считать своей землей, в основном, пресекались византийскими властями.

А.С. Мохов

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Регулярные контингенты византийских фем в VIII–IX вв.¹

В современной историографии, посвященной византийской армии периода «фемного строя», преобладает мнение, что вооруженные силы империи VIII–IX вв. представляли собой весьма сложную структуру. Это были различные по форме организации и способам комплектования воинские формирования. Большую часть императорской армии составляли фемные стратиотские ополчения, переживавшие во время правления Исавров и Аморийской династии период своего наивысшего развития. Помимо милиционных провинциальных ополчений в состав вооруженных сил империи входили также регулярные боевые подразделения (тагмы). Часть из них существовала с ранневизантийского времени, другие же были сформированы во второй половине VIII – начале IX в.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027

Из письменных источников IX–X вв. («Хронография» Феофана, «Тактика Льва», «Книга Церемоний» и др.), а также по данным сфрагистики известно, что в составе фемных контингентов существовали небольшие по численности регулярные отряды. Командный состав этих подразделений упоминается при перечислении архонтов, входивших в свиту стратига фемы (τοῦ στρατηγού προέλευσις) и сопровождавших его во время военного похода. Наиболее полный список проелевсимов, составлявших свиту стратигов Анатолика и Армениака, приводится в «Клеторологии» Филофея¹.

Командиры, состоявшие при стратиге фемы, выполняли разнообразные обязанности. Например, κόμης τῆς κόρτης («комит палатки») отвечал за дозорную службу и охрану лагеря фемы. Поддержание порядка в фемном ополчении во время похода входило в обязанности протоканкеллария (πρωτοκαγκελλάριος). Для своевременной передачи распоряжений стратига в отдельные отряды существовала курьерская служба во главе с протомандатором (πρωτομανδάτωρ).

Наибольший интерес для изучения военной структуры византийских фем VIII–IX вв. представляют следующие должностные лица из свиты стратига: δομέστικος τοῦ θέματος, δρουγγάριος τῶν βάνδων, κόμητες ὁμοίως, κένταρχος τῶν σπαθαρίων и κόμης τῆς ἐταιρείας.

Судя по данным источников, эти командиры служили в отряде регулярных войск, который назывался τάγμα. Причины формирования небольших по численности отрядов профессиональных воинов (от 200 до 800 стратиотов) остаются дискуссионными. Не исключено, что создавались они по образцу vexillatio позднеримского времени, и первоначально выполняли функции личной охраны стратига.

В больших малоазийских фемах (Опсикий, Анатолик, Армениак) существование провинциальных тагм прослеживается со второй половины VII в. Регулярные кавалерийские отряды, находившиеся под личным командованием стратига, обозначаются в источниках как ταξατιών, а служившие в них воины – ταξῆται, ταξεῖται («таксаты, таксеоты»). Они составляли отборную часть фемного войска, значительно превосходя по уровню подготовки призванных на время военной кампании стратиотов.

В правление Константина V (741–775) большая часть провинциальных тагм была изъята из подчинения фемных стратигов и включена в состав мобильной армии, принимавшей участие в военных кампаниях против арабов и болгар. В правление Аморийской династии провинциальные тагмы продолжали существовать. Об этом свидетельствуют агиографические источники и данные сфрагистики. В частности, сохранились упоминания о тагмах Армениака, Македонии и Харсианона.

Помимо регулярных кавалерийских отрядов, в византийских фемах существовали также постоянные пехотные формирования. В источниках они обозначаются термином τάξις (ταξιαρχία). Из них формировались гарнизоны важнейших крепостей под командованием таксиархов (ταξιάρχης).

¹ Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. P. 109.20–111.5.

Учитывая постоянный характер службы, рядовые воины и командиры регулярных фемных контингентов получали из казны жалование (σιτηρέσια). Однако вопрос об организации снабжения провинциальных тагм вооружением, лошадьми и другим необходимым военным имуществом остается дискуссионным. Более того, современное состояние источников не позволяет установить, какое столичное ведомство отвечало за их материальное обеспечение.

Возвращаясь к данным «Клеторологии» Филофея, где перечислены командиры регулярных фемных контингентов, необходимо констатировать следующее. Провинциальной тагмой командовал domestik фемы, а друнгари и комиты банд служили в ней младшими командирами. Кентарх спафариев и комит этерии руководили, по всей видимости, личными телохранителями стратига. Происхождение данных должностей следует отнести ко второй половине VII в., когда в условиях крайней политической нестабильности стратиги фем создавали отряды стражи из родственников и лично преданных воинов.

К середине VIII в. личные отряды стратигов (например, упоминаемые у Феофана «таксаты стратига Анатолика Льва Исавра» или «страторы комита Опсикия Артавазда»)¹ стали неотъемлемой и весьма значимой частью воинских контингентов фемы. Легенды опубликованных печатей domestikов фем (Вукеллария, Анатолика, Фракисия) помимо должностей содержат также титулы, что свидетельствует о включении их в число фемных архонтов, получавших из казны не только ситерисий, но и ругу. Следует также обратить внимание, что в легендах моливдовулов domestikов фем всегда присутствует название провинции, где они несли службу.

Подводя итоги, отметим, что переход византийской армии на иррегулярный способ комплектования являлся вынужденной и временной мерой. С середины VIII в. преодоление кризисных явлений позволило направить значительные финансовые и материальные ресурсы на формирование регулярных контингентов, как в столице (тагмы схол и экскувитов), так и в провинциях. Фемные тагмы оставались важной частью провинциальных воинских формирований вплоть до второй половины XI в.

В.Е. Науменко

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Таврическая академия (Симферополь)*

Византийский Боспор в X в.: политико-административный аспект

Политико-административный статус Боспора в X в. остается слабо исследованной темой в современной историографии. Ее изучение, ввиду немногочисленности письменных, эпиграфических и археологических свидетельств, требует широкого привлечения общих данных по истории

---

¹ Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. P. 388.22–29; 406.5–14.

взаимоотношений Византии, Хазарского каганата и Древней Руси в пределах всего Северного Причерноморья, а также материалов сфрагистики, которые содержат важную дополнительную информацию о характере византийского присутствия и эволюции фемной модели управления в регионе. В своей работе мы попытаемся выстроить возможный эскиз хронологии и последовательности ключевых событий из истории города, акцентируя внимание на его политической принадлежности в тот или иной период времени.

О финале хазарского господства на Боспоре. Для Боспора существует довольно надежный хронологический репер для ответа на вопрос, когда хазарский военно-политический контроль в регионе сменился византийским – письмо патриарха Фотия к боспорскому архиепископу Антонию (около 873 г.). Крещение последним местных иудеев, о чем восторженно сообщал Фотий, было возможным, в условиях официального обращения хазар в иудаизм не позднее 864 г., только после размещения в городе византийской администрации и гарнизона. Данное заключение хорошо коррелирует с археологическими источниками. В конце IX – начале X в. прекращают функционирование подавляющее большинство неукрепленных салтово-маяцких поселений в Восточном Крыму, как, впрочем, и в других частях полуострова. При раскопках крупных городищ полуострова события эпохи иллюстрируют горизонты разрушения, выявленные на Боспоре, а также в Партените и на Бакле в Южной Таврике. В Партените они датированы монетами Василия I 868–879 гг. и Романа I Лакапина 920–944 гг. На Боспоре на месте разрушенной хазарской застройки в портовой части городища строится новый византийский квартал с прилегающей церковью Иоанна Предтечи.

Боспор для последней трети IX – середины X в., безусловно, является одним из византийских центров в Таврике. Ибн Русте называет К-р-х (Керчь) византийским («румским») портом, для Ибн Хордадбега и ал-Факиха Керченский пролив – западный предел Хазарского каганата. Город с округой входит в состав фемы Херсон, что следует из сопоставления данных Тактиконов Филофея (около 899 г.) и В.Н. Бенешевича (934–944 гг.) и трактатов Константина Багрянородного «О фемах» (934–944 гг.) и «Об управлении империей» (948–952 гг.).

Показательными являются сведения Кембриджского Анонима (около 949 г.) о походе хазарского наместника Самкерца Песаха против жителей Таврики, состоявшемся между 935 и 941 гг. в ответ на спровоцированный Византией набег «царя росов» Хельгу. Целью карательной акции были «города Романа», то есть императора Романа I Лакапина (920–941), что подчеркивает византийскую принадлежность полуострова в это время. Важное следствие войны – поход Руси на Константинополь в 941 г., который в историографии справедливо сопоставляется с походом князя Игоря древнерусских летописей. Русско-византийский кризис 935–941 гг. был исчерпан подписанием договора 944 г., где при описании «Корсунской страны» подчеркивается ее византийская принадлежность и запрет русским вести здесь военные действия. Определить

статус и территорию «Корсунской страны» в целом не сложно. Топоним является древнерусской калькой официального названия византийской провинции на полуострове – фемы Херсон, зафиксированного в уже упомянутых тактиконах Филофея и В.Н. Бенешевича. Географически она совпадает или близка области Климатов Константина Багрянородного, под которой подразумевались горные и прибрежные районы полуострова между Херсоном и Боспором.

О русских походах 60–80-х гг. X в. в Крым и Приазовье. В данном случае речь идет о «восточном» походе князя Святослава 965 г. против Саркела, ясов и касогов в Приазовье и о «корсунском» походе князя Владимира (около 986–987 гг.). В контексте политико-административной истории Боспора этого времени следует отметить ряд важных моментов.

Во-первых, «восточный поход» Святослава 965 г., который фактически стал финалом существования Хазарского каганата и максимально приблизил Древнерусское государство к границам византийской провинции в Таврике, вынудил Византию выделить из состава фемы Херсон отдельную фему Боспор. Впервые она присутствует в Эскуриальском тактиконе, составленном в 70-е гг. X в.

Во-вторых, «Корсунский поход» Владимира, судя по данным современной археологии, имел значительно более широкую географию, чем принято думать, ориентируясь на сообщения древнерусских источников. В последние годы «слои пожаров» 60-х – начала 80-х гг. X в., вероятно, синхронные между собой, были обнаружены в Сугдее (датирован монетами Константина VII Багрянородного 945–959 гг. выпуска), Алустоне (с монетой Никифора Фоки 963–969 гг.) и на Таматархе (с монетой Иоанна Цимисхия 969–976 гг.). Логично предположить, что и на Боспоре эти события должны были найти свое отражение в стратиграфии городища, хотя пока нам известны только пожары конца IX и конца XII вв. из раскопок в его портовой части.

В-третьих, после похода Владимира в самом конце X в. из состава Херсонской фемы выделяются фема Сугдея, известная по печатям ее стратиггов первой половины XI в., и турмархия Готия. С последней связаны две печати ее турмарха и надпись с именем топотерита Цулы на Мангупе 994–995 гг., указывающая на появление византийского гарнизона на городище в это время.

Наконец, в-четвертых, при Владимире в конце X в. либо в самом начале XI в., но не позднее 1015 г., на Таманском полуострове появляется древнерусское Тмутараканское княжество. Его статус (самостоятельное княжество либо союзная территория под протекторатом русских князей) и первые годы существования остаются предметом дискуссии в современной историографии. Однако, в любом случае, территория княжества не распространялась на европейский Боспор.

И.С. Охлупина

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Образы иноверцев в житии Феодора из Эдессы

Византийская империя, расположенная на границе между Европой и Азией, имела чрезвычайно богатый опыт взаимодействия с представителями иных культур и конфессий. Образы «других» являлись неотъемлемой частью образа мира в сознании византийца и выполняли важнейшую роль в формировании культурной идентичности византийцев, подтверждали базовые идеи и ценности византийского общества, поскольку позволяли создать устойчивый образ «своего». Наиболее характерными образами «другого» для византийского общества были образы иноверцев, что связано с особым значением религиозных институтов и религиозных предписаний, которые цементировали моральные и этнические установки того времени.

Богатый материал для исследования образов «другого» содержит византийская агиография. Поскольку агиография была одним из самых популярных литературных жанров и могла читаться всеми слоями общества, образы «другого», созданные византийскими авторами житий, с одной стороны, вносили значительный вклад в византийское популярное восприятие, и являлись его отражением, с другой.

Одним из таких житий, популярных не только в Византии, но и в славянском и арабском мире, было житие святого Феодора из Эдессы. В нашем докладе, опираясь на текст жития Феодора Эдесского¹ (IX–X вв.), мы проанализируем, каким виделся образ иноверца – араба и иудея – в сознании благочестивых византийцев того времени.

Действие жития, за исключением одного небольшого эпизода, разворачивается в бывших провинциях Византийской империи, а тогда в областях Арабского халифата – Сирии и Палестине. Житие повествует о непростой жизни православной общины Эдессы в условиях политического господства мусульман, соперничества с неортодоксальными христианскими сообществами Востока в борьбе за благоволение со стороны мусульманской власти и острой конкуренции с другими монотеистическими религиозными идентичностями (иудаизмом, исламом, христианскими ересями). Тема религиозного противостояния мелькитской общины и представителей других конфессий проходит красной нитью через весь текст жития святого Феодора.

В этом религиозном противоборстве не последнюю роль играла религиозная пропаганда превосходства христианской религии, что было связано со стремлением византийцев, находившихся в зоне арабского господства, адаптироваться к новым политическим и религиозным реалиям,

---

¹ Помяловский И.И. Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Эдесского. СПб., 1892.

сохранив собственную духовную традицию, составлявшую основу их идентичности, перед лицом серьезных религиозных и моральных «вызовов». В житии св. Феодора Эдесского мы можем обнаружить элементы этой религиозной пропаганды: негативные образы иноверцев, позитивные образы «верных», «христоролюбивых» жителей Эдессы, одерживавших победы в религиозных дебатах, а также образы новых мучеников за христианскую веру.

Автор жития объясняет мусульманскую гегемонию на Востоке последствиями грехов христиан, а также идентифицирует арабов со знакомыми противниками, угрожавшими ранее Империи на Востоке, именуя их в тексте произведения «персами». Важнейшей составляющей образа иноверца в житии становится характеристика его «ложных» верований. Так, учение мусульман названо «обманным служением Магомета», сам Магомет характеризуется как «не пророк, не апостол, но обманщик и прельститель, предтеча антихриста». Ислам, в противоположность христианству, описывается как религия земных удовольствий и радостей, поскольку Магомет «сокрушил идолы и научил легкой и беззаботной жизни». Такая нелицеприятная характеристика исламского вероучения была связана с нежеланием византийцев признавать исламское вероучение как монотеистическую альтернативу христианству. Обвинения в адрес «иноверцев» в житии связаны не только с критикой религиозных установок, но и с этическими характеристиками представителей иных конфессий. Целью автора при этом является создание отталкивающего образа «чужого». Так, арабы характеризуются как «порочные и нечистые», «безумные», бессмысленно жестокие. Иудеи в житии «снедаемы завистью», «богохульные». Мессия, которого они ждут, «есть всескверный антихрист, который смутит вселенную». Более того, эпитеты «иудействующий», «иудейский» используются в негативном значении для характеристики еретиков.

Однако образы иноверцев, представленные в житии, амбивалентны и не исчерпываются лишь пейоративной риторикой и нелестными эпитетами – риторическим инструментарием, сложившимся в эпоху раннего христианства. Двойственность в отношении иноверцев проявляется в характеристиках как евреев, так и арабов-мусульман. Так, иудеи, участвующие в религиозных диспутах, и советники арабских правителей характеризуются как сведущие в законе и ученые, искусные в речах. Автор также демонстрирует лояльное отношение к правителям мусульман, повествуя о благоволении арабских правителей к общине православных, подчеркивает справедливость выносимых ими судебных решений. С другой стороны, описание аморального поведения жены Адрамелеха в житии, очевидно, было нацелено на дискредитацию халифа в глазах читателя жития.

Апофеозом оправдания христианского исповедания в житии как единственной верной религии, становится инкорпорация иноверцев в православное общество Эдессы через принятие христианской веры «многими

исмаилитами», «богохульным евреем» и самим арабским халифом. В итоге, легендарный сюжет о принятии христианской веры арабским халифом позволил автору назвать «владыку персов» «сыном Авраама, а не Исмаила, чадом Сарры, а не Агари».

Таким образом, образы иноверцев – арабов и иудеев, представленные в житии, эксплуатируют устойчивые негативные стереотипы и ассоциации византийцев, связанные с «миром тьмы», где господствует дьявол, и социальными порядками, в которых инвертированы нормативы поведения и запреты, характерные для византийского общества. Амбивалентность образов иноверцев обусловлена многими причинами, среди которых можно упомянуть противоречивое отношение христианства к иудаизму, необходимость сотрудничества в сложившихся условиях с исламскими правителями, а также с миссионерские устремления византийцев.

Н.Г. Пашкин

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Греко-латинская церковная уния в отношениях Польши, Литвы и Тевтонского Ордена первой половины XV в.

Проблема воссоединения греческой и латинской церковью красной нитью проходит через историю церковных соборов первой половины XV в. Ее финалом стала Флорентийская уния 1439 г., но отправной точкой переговоров сначала был Констанцкий собор (1414–1418) и, как его продолжение, – собор в Базеле (1431–1449). Безусловно, главным субъектом на этих переговорах от лица восточной церкви выступала византийская сторона. Однако параллельно с ней заявляли свои интересы и другие участники, которых проблема церковной унии затрагивала по причинам уже внутриевропейских политических взаимоотношений. Речь идет о Польско-Литовском государстве и Тевтонском Ордене.

На Констанцском соборе вопрос участия византийцев в переговорах об унии был согласован заранее между германским королем Сигизмундом Люксембургом (1410–1437) и византийским императором Мануилом II Палеологом (1391–1425). Инициатива исходила от западного правителя, стремившегося возглавить на соборе объединение не только западной церкви, уже много лет расколотой внутренней схизмой, но и дополнить его унией с Востоком. Впрочем, реальность быстро отодвинула вторую задачу на дальний план. Переговоры с византийцами начал лишь избранный в конце 1417 г. папа Мартин V (1417–1431). Параллельно эту же тему инициировали Польша и Литва. Проблема состоит в том, что две стороны – византийская и польско-литовско-русская – вступили в переговоры с западной церковью отдельно и независимо друг от друга, хотя предмет переговоров был общим. Ответ на этот вопрос заключается в разных причинах, которые ими двигали.

Византию к переговорам о воссоединении церковей толкала заинтересованность в совместной с Западом борьбе против турок. Но интерес Польши к этому же вопросу имел гораздо более сложную природу. Он в тот момент даже не был связан с проблемой ее отношения к православию Западной Руси, возникшей после союза Польской короны с Литвой в 1386 г. и обращения последней в католицизм. Тема унии с православием была поднята польско-литовской стороной в плоскости отношений ее с Тевтонским Орденом. Во время Констанцкого собора эти отношения находились в самой критической точке. Собор стал по сути очередной и очень важной площадкой их возможного урегулирования при посредничестве германского короля Сигизмунда.

Для Польши провозглашение намерений о заключении унии православных и католиков стало серьезным средством политической пропаганды против Ордена. С ее помощью можно было обосновать исчерпанность исторической миссии тевтонских рыцарей в Восточной Европе по обращению в христианство язычников и возвращению к церкви схизматиков. Тем самым, разрушались и его экспансионистские претензии, угрожавшие интересам Польши и Великого княжества Литовского. В 1415 г. правители этих государств заявили собору о планах церковной унии. Присутствие тогда же в Констанце византийских послов лишь усиливало эффект их инициативы в контексте противостояния с Орденом. Вершиной этой политики явился приезд в Констанц к новоизбранному папе Мартину V киевского митрополита Григория Цамблака. Практических результатов, в отличие от контакта папы с византийцами, этот визит не дал, что вызвало радостные отклики в тевтонских источниках. По имеющимся сведениям, римская церковь в лице нового папы стремилась положить конец влиянию короля Сигизмунда, фактически руководившего собором изначально. Мартин V в итоге перехватил у короля посредническую миссию между Орденом и Польшей. Папа отказал Ордену в праве посягать на земли Польши и Литвы, но и не позволил Польше дальше использовать тему унии, при помощи которой поляки уже начали доказывать бессмысленность самого существования Ордена вблизи их границ и этим оправдывали его военный разгром. В результате Григорий Цамблак уехал ни с чем, и тема его переговоров не пересеклась с переговорами на ту же самую тему, которую папа уже начал вести с византийцами.

Проблема унии вновь получила развитие на Базельском соборе, но уже в новых обстоятельствах. За год до открытия собора в Великом княжестве Литовском началась усобица за освободившийся престол. В борьбу вступили Сигизмунд Кейстутович, поддержанный королем Польши Владиславом II (1386–1434), и Свидригайло Ольгердович. Последнему удалось установить власть на большей территории княжества. В стремлении к полной независимости от Польши Свидригайло начал политику сближения с королем Сигизмундом и с Тевтонским Орденом. Представитель Ордена на Базельском соборе начал защищать интересы литовского князя. Ради укрепления своих позиций Свидригайло предложил собору помощь в осуществлении церковной унии на русских землях княжества Литовского. Теперь пропаганда унии работала против Польши. В свете этой пропаганды она могла оказаться

стороной, покровительствующей схизматикам, и к тому же подозреваемой в поддержке гуситов.

Инициатива Свидригайло дала возможность Базельскому собору заявить о возможности переговоров с Византией по церковной унии. В ситуации назревавшего конфликта между самим собором и папой Евгением IV (1431–1447) это имело значение. В Базеле настороженно относились к тому, что эти переговоры начнет сам папа, попытавшись использовать их как предлог для роспуска собора. Собору было необходимо переключить их на себя. Посредничество между Польшей и Литвой и давало повод для этого. В октябре 1431 г. Базельский собор рекомендовал папе не просто призвать правителей этих государств начать с собором переговоры о церковной унии, но и просить их о том, чтобы те склонили к участию в соборе также византийского императора. Судя по результатам, папа не внял просьбам из Базеля. Уже через несколько месяцев он попытался, хотя и безуспешно, распустить собор под тем предлогом, что для переговоров с греками требуется созыв нового собора. Действия папы позволили Польше не следовать за Базельским собором в вопросе церковной унии, чтобы не подыгрывать своему сопернику Свидригайло. Напротив, польский ставленник Сигизмунд Кейстутович объявил о крупных уступках православной аристократии княжества Литовского. Чтобы не потерять инициативу, в Базеле в январе 1433 г. решено было напрямую, минуя курию, вступить в переговоры с Константинополем. В следующем году собор действительно принял византийское посольство. Но в результате и переговоры пошли в особом формате: византийцы не могли вести их так, словно они являлись субъектом, подобным Польше и Литве, и к тому же под арбитражем Базельского собора.

Проуниатская политика Свидригайло после этого не имела самостоятельного значения. Она же обернулась против него, подорвав позиции князя в русских кругах. Результатом стал заговор, в котором оказался замешанным и киевский митрополит Герасим, казненный по его приказу. Но уже в 1435 г. Свидригайло был разбит Сигизмундом. В дальнейших переговорах о церковной унии литовский фактор больше никакой роли не сыграл.

В.В. Петрунин

Орловский государственный университет

Религиозный фактор ограничения императорской власти в поздней Византии

Проблема соотношения мирской и духовной власти является основной в средневековой политической философии, как на христианском Востоке, так и на христианском Западе. Вместе с тем, средневековая политическая философия Запада (католическая) достаточно глубоко исследована в рамках современного научного знания, чего не скажешь о византийских политических идеях.

Данное обстоятельство приводит к тому, что в современном научном и общественном сознании продолжает сохраняться представление о том, что теоретический спор о взаимоотношениях государства и Церкви решался в Византии в рамках теории о цезарепапизме. Причем последний зачастую понимается как абсолютная власть императора в духовной сфере.

В то же время, мы видим, что византийская история показывает нам не только примеры ограничения власти императора в духовной сфере, но и богословские обоснования подобного ограничения. Речь идет об известном христианском принципе – «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5.29) – и его практическом применении.

Наиболее ярко религиозный фактор ограничения императорской власти проявился в момент осуществления униональной политики Палеологов. События, последовавшие за Лионской и Флорентийской униями, в том числе, за возобновлением последней в 1452 г., дают нам убедительный пример несостоятельности теории цезарепапизма применительно к Византийской империи.

Анализ поздневизантийских особенностей церковно-государственных отношений позволяет сделать вывод о том, что в палеологовский период основными чертами византийской политической теологии продолжали оставаться следующие положения: приоритет Царства Божия над царством кесаря, а, следовательно, Церкви над государством; автономия церковной власти, прежде всего в вопросах вероучения; сохранение единства и вселенского характера Константинопольского патриархата; поддержка Церковью официальной византийской имперской идеологии. Особое внимание при этом было уделено антилатинской и антиуниатской полемике, которая в поздневизантийский период приобрела политическое значение.

Вмешательство императорской власти в сферу исключительной компетенции духовной власти вело за собой неприятие православным населением Византии униональной политики государства. Результатом этого стало практическое применение принципа неповиновения как последнего аргумента в конфликте Церкви и государства, что было наглядным проявлением религиозного фактора ограничения мирской власти.

Данный пример еще раз убедительно показывает не только христианские истоки современной концепции гражданского неповиновения, но и требует соответствующего научного осмысления византийских политических идей и их влияния на современные политические теории.

О.Е. Петрунина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**Ромеи или греки? Дихотомия греческого национального сознания
в XIX в.**

Падение Византии и потеря греками государственной независимости не повлекли за собой мгновенной утраты и византийской традиции. Скорее напротив: оказавшись под властью иноверцев, православное население консолидировалось, зачатки греческого национального сознания не получили развития, а единство наднациональной православной общины, которую турки называли «Рум миллет», на протяжении нескольких столетий было основой её существования в Османской империи. Но в XVIII столетии эта ситуация начала меняться. Среди греческих книжников стало вновь набирать популярность слово «эллин», в Византии долгое время бывшее синонимом язычника. Однако теперь оно получило не религиозное, а этническое наполнение. Это свидетельствовало о начале складывания нового, этноцентрического дискурса, выделявшего греков из единой ромейско-православной общины империи. Так было положено начало разрушению этой общины, которая стала распадаться на отдельные этнонации. Этот процесс был длительным и постепенным. Ко времени освободительной революции 1821 г., в результате которой было создано греческое национальное государство, он был далёк от завершения. Эллинами соплеменников называла только узкая группа книжников, большинство же греков продолжали пользоваться самоназванием «ромей» и его вульгаризированной формой «ромни». Однако смысл его уже был неоднозначным. Более строгим оставалось значение слова «генос», продолжавшего обозначать всю православную общину Османской империи.

Консервация самоназвания «эллин» была связана с процессом создания Греческого национального государства. Документы истории греческой национально-освободительной революции 1821 г. позволяют проследить этот процесс в динамике. Не только текстовый, но и сфрагистический материал демонстрирует сохранение византийской традиции в греческих землях до 1821 г. и быстрый отход от неё с началом революции. Примечательно, что данная тенденция была характерна для районов, подконтрольных греческим революционным органам власти, районов, где вооруженная борьба за независимость была наиболее активной. В прочих греческих землях она не наблюдается. Греческое население, оставшееся под властью султана, продолжало жить в старом политическом дискурсе, воспринимая Османскую империю как наследницу Византии, пусть и не вполне законную.

С момента появления греческого национального государства не только греки, но и иностранцы стали делить греков на две категории: одну составляли эллины, подданные греческого короля, другую – греческие подданные султана, продолжавшие называть себя ромеями. Это разделение имело место на протяжении всего XIX столетия, и даже после малоазиатской катастрофы и

обмена населением по Лозаннскому договору (1923) оставшиеся в Константинополе греки не принимали, теперь уже вполне сознательно, самоназвание «эллин».

Потенциальные негативные последствия этой ситуации были постепенно осознаны политической элитой Греции, стремившейся к дальнейшей территориальной экспансии за счёт владений султана под лозунгом освобождения поработанных соотечественников. В Афинах их тоже считали эллинами. Чтобы различать свободных и поработанных греков, первых стали называть элладитами (жителями Эллады-Греции), вторых – эллинами Малой Азии. Но османские греки воспринимали эту конструкцию как искусственную. Многие из них настороженно и даже негативно относились к планам Афин по включению всех греков в состав национального государства и оставались вполне лояльными подданными султана. Их позиция объяснялась недоверием к Греческому королевству, которое воспринималось, с одной стороны, как слабое и несамостоятельное, с другой – как оторванное от ромейской традиции. Главным историческим, политическим и культурным центром для них продолжал оставаться Константинополь.

Различия не только в самосознании, но и в языке между элладитами и османскими греками продолжали ощущаться и в начале XX в. Это можно проследить по языку прессы, особенно сатирической: газеты, издававшиеся в Греции, были образцом кафаревусы, «чистого» языка с минимальным количеством заимствований и аттикизированным синтаксисом, в то время как язык газет, издававшихся османскими греками, пестрел турецкими заимствованиями и синтаксически ориентировался на разговорный язык.

Изменения в позиции османских греков наметились примерно к началу XX в. К этому времени Греческое королевство уже показало свою жизнеспособность и даже сумело несколько расширить свою территорию. Кроме того, большое впечатление на османских греков производило развитие событий на международной арене. Колониальная экспансия западных держав и быстрый рост самосознания нетурецких народов Османской империи предвещали её близкий распад. В этой ситуации всё больше османских греков симпатизировало Греции и связывало с ней надежду на будущее. Однако вплоть до Первой мировой войны и последовавшей за ней греко-турецкой войны (1919–1922) эта тенденция не была господствующей. Начатые в годы войны младотурецким правительством репрессии в отношении нетурецких народов, обострение межэтнических отношений в империи вынуждали всё большее число греков покидать Малую Азию, которую они продолжали считать своей родиной. Окончательно Константинополь в сознании греков уступил место Афинам после малоазиатской катастрофы.

Е.К. Пиотровская
Санкт-Петербургский Институт истории РАН

**«Лествицы» из собрания Архива Санкт-Петербургского
Института истории РАН в коллекции Н.П. Лихачева
и славяно-русская письменная традиция**

В русской части коллекции академика Н.П. Лихачева (1862–1936), известного отечественного ученого и собирателя памятников письменности разных культур, государств и народов, сохранились и древнеславянские рукописи Лествицы XV–XVIII вв. Они хранятся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН. Наряду с другими редкими кодексами святоотеческой литературы, которые также представлены в коллекции ученого, они, несомненно, важны для истории переводной древнеславянской письменности, истории монашества, культурно-исторических связей славянских книжников с центрами зарождения монашества, миграции рукописных кодексов, особенностей их оформления и существования в новой духовной среде.

Как известно, «Лествица Божественного восхождения» – сочинение преподобного Иоанна Синайского (Иоанна Лествичника), жившего в VI–VII вв. (в историографической традиции существуют разные подсчеты лет жизни святого). Оно было широко распространено в средневековой христианской письменности. Известны переводы на сирийский, армянский, грузинский, арабский, эфиопский, славянский и многие другие языки. Св. Иоанн Лествичник был монахом, впоследствии игуменом монастыря Св. Екатерины на Синае. Считается, что он происходил из Константинополя, из сенаторской семьи. Его отца звали Ксенофонтом, а мать – Марией. Вместе со своим братом Аркадием, также ставшим монахом, они обучались философии в Бейруте. Им случилось чудом спастись при кораблекрушении. Впоследствии они подвизались в Палестине. Но веских доказательств этим сообщениям нет. Известно лишь, что Иоанн Синайский был широко образованным человеком, его даже называли Схоластиком. Его подвижнический путь был долгим и трудным, он соблюдал обет молчания, молился, занимался огородом, усердствовал в чтении книг, переписывании избранных мест, записывал свои наблюдения и мысли, немного путешествовал. Игуменом монастыря стал в возрасте 75 лет. Пробыл им недолго, передав управление своему брату, и закончил свою жизнь в уединении. Впоследствии был причислен к лику святых как преподобный.

Историография изучения и издания сочинения Иоанна Лествичника, которое принято в кратком варианте называть «Лествицей», необыкновенно обширна. Сочинение, в основу которого были положены правила и руководства для иноческой жизни, постепенное восхождение по «лестнице» духовного самосовершенствования, было широко распространено. Степеней (ступеней), ведущих к высшему совершенству, насчитывается тридцать (по числу лет земной жизни Иисуса Христа). Греческая рукописная традиция насчитывает более 70 списков памятника с X по XVII вв. (древнейшая рукопись – Синайская № 417, X в.). Славянская традиция насчитывает более 100 рукописей XII–

XVIII вв. Считается, что славянских переводов было несколько. Первый был выполнен в X в. в Болгарии, затем, в XIV в., в афонской Великой Лавре был сделан перевод с греческого на болгарский, также в XIV в. были сделаны и сербские переводы сочинения, один из которых связывают с именем митрополита Киприана. В XVII в. в России появились печатные издания «Лествицы»; получила она распространение и у старообрядцев.

Исследовательская традиция ученых XIX–XX вв., обращавшихся к сочинению Иоанна Лествичника, представлена разными аспектами его изучения: от установления ближайших к оригиналу дошедших рукописей до путей проникновения кодексов или их отрывков с Синая на Афон и далее в среду южно- и восточнославянских книжников, связей столичных византийских монастырей и далеких северных обитателей Руси. Труды А.В. Горского и К. Невоструева, А. Яцимирского, Н.П. Кондакова, А.И. Соболевского, Н.А. Мещерского, Й. Иванова, В. Федера, А.А. Турилова, Н.П. Саенко, Г.И. Вздорнова, Г.В. Попова, Э.С. Смирновой, Н.Н. Розова, Н.И. Николаева, Г.М. Прохорова и многих других были исследованы и введены в научный оборот новые рукописи автора и его последователей, и это позволяет считать наследие Иоанна Лествичника бесценным и для историко-филологического знания и для искусствоведения.

В коллекции Н.П. Лихачева сохранилось 7 кодексов, содержащих текст «Лествицы» или его фрагменты (от последней четверти XV в. до начала XVIII в.). Как правило, они не имеют миниатюр, сохранились лишь отдельные заставки или изображения ступеней восхождения. Одна из рукописей (которая представлялась Лихачеву особенно ценной) содержит вложенный листок с упоминанием происхождения: «С Муромского монастыря с Онега-озера». Все сохранившиеся рукописи «Лествицы» отражают историю бытования текста в славяно-русской среде – от небольших келейных форматов в 16°, в 4° доли листа до больших форматов F, читавшихся, по-видимому, вслух в храме. Их изучение в контексте всей дошедшей до нас рукописной традиции, возможно, позволит уточнить ряд проблем в исследовании южнославянских и восточнославянских переводов памятника и будет полезным для подготовки критического издания или факсимильных воспроизведений отдельных кодексов.

С.Н. Прокопенко

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

**И.М. Гревс и отечественная византистика:
случайные и не случайные связи**

Иван Михайлович Гревс – яркий представитель петербургской школы историков, внесший огромный вклад в отечественную медиевистику, отличившийся исследованиями по антиковедению и культурологии, стоявший у истоков родоноведения (краеведения), современной урбанистики и экскурсионного дела. С именем И.М. Гревса связана немаловажная страница в

совершенствовании преподавания дисциплин гуманитарного профиля и улучшении университетской системы. Этот уникальный ученый конца XIX – 1-й половины XX в., родившийся 4 (16) мая 1860 г. в имении М.М. Гревса в слободе Лутовиново Бирючанского уезда Воронежской губернии (совр. с. Лутовиново Волоконовского района Белгородской области)¹, на первый взгляд, к отечественной византистике не имеет никакого отношения, но это только на первый взгляд. Между Иваном Михайловичем и отечественной византистикой существовало большое количество случайных и неслучайных связей.

И.М. Гревс не относил себя к византистам, он подчеркнуто в своих воспоминаниях и документах переписки дистанцировался от данного направления науки. Ученый не опубликовал ни одного специального труда в рамках исследования истории Византии, но это не значит, что эта тема его не интересовала. На ранней стадии своего творческого развития, во времена обучения в Петербургском университете, тема истории Византии как минимум однажды оказалась в центре его внимания. Данный факт стал возможен под влиянием и непосредственным участием профессора В.Г. Васильевского. Иван Михайлович за два года подготовил объемное сочинение «Римско-византийское государство в VI в. по новеллам Юстиниана и другим законодательным сборникам христианских императоров». Результаты этой работы были положительно приняты В.Г. Васильевским, а само сочинение удостоено золотой медали в 1883 г.² Несомненно, это был успех.

Тот факт, что И.М. Гревс не продолжил своих штудий по истории Византии, ни в коем случае не свидетельствует о том, что ученый пренебрегал данным направлением исторических исследований, считая его не перспективным, скорее наоборот: Иван Михайлович в своих воспоминаниях всегда акцентировал внимание на важности изучения истории Византии. Он называл византиноведение «трудной и важной областью». Рассуждая о перспективности отечественной византистики, ученый, например, писал: «Для работы над историей Византии ... опять же *русские* ученые поставлены в особенно благоприятные условия...»³ Иван Михайлович выделял «национальную значимость» и «всемирно-историческую значимость» исследования истории Византии. Все это, несомненно, свидетельствует о крайне уважительном отношении ученого к византистике. Но отсутствие направляющего импульса со стороны В.Г. Васильевского, давний интерес к западно-европейскому средневековью и широкий охват научных интересов «увели» Ивана Михайловича от византиноведения.

¹ ГАВО. Ф. И 29. Оп. 126. Ед. хр. 91. Л. 31.

² Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1883 г. СПб., 1884. С. 118–120. Некоторые подробности работы И.М. Гревса над сочинением см. в: *Гревс И.М. Моя первая поездка в Москву (в 1883 г.) // Вахрамеева О.Б. Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса.* СПб., 2004.

³ *Гревс И.М. Василевский Григорий Васильевич, как учитель науки // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 8. С. 36–37.*

Основным звеном, связующим Гревса с отечественной византистикой, был его университетский преподаватель и «учитель науки» В.Г. Васильевский. И.М. Гревс считал, что он случайно стал медиевистом: «Я часто думал, что случайно стал медиевистом, потому что встретился в университете с первоклассным профессором В.Г. Васильевским»¹. Но возникает вопрос, насколько интерес Ивана Михайловича к средневековью и встреча с В.Г. Васильевским были делом случая. Еще в детстве, как отмечал сам И.М. Гревс в своих воспоминаниях, он прочел большое количество художественной литературы, посвященной средневековью, а в пятом классе гимназии смог реализовать свой интерес на новом, более углубленном уровне. Да и первая встреча И.М. Гревса и В.Г. Васильевского произошла не в университете, а в стенах гимназии. В письме к своей двоюродной сестре Н.Д. Бекарюковой от 22 мая 1879 г. И.М. Гревс пишет: «На устных экзаменах обстановка у нас еще более торжественная, чем на письменных. Во-первых, присутствует университетский депутат (у нас был профессор средней истории В.Г. Васильевский)...»²

Сближение с В.Г. Васильевским, который тогда читал курс по средневековой истории, было для Гревса не «любовью с первого взгляда», а хорошо продуманным действием. И.М. Гревс только со второго курса вошел в число его учеников. Конечно, Иван Михайлович имел возможность слушать углубленные лекции Василия Григорьевича как части общего курса по истории средневековья, посвященные истории Византии: «Византийской истории он посвятил лишь часть специальных своих чтений, с которыми обращался к молодым людям, всецело посвятившим себя науке и, в частности, желавшим идти по стопам учителя на дороге к разработке избранной им специальности»³. Но они, как известно, не возымели на него действия. Иван Михайлович Гревс, ставший одним из лучших учеников В.Г. Васильевского, все же не стал продолжателем его исследований по истории Византии.

В.Г. Пуцко

Калужский музей изобразительных искусств

Константинополь и иконописные центры эпохи Палеологов

Обновленный классический идеал, вызвавший новые явления в византийском искусстве, в течение второй половины XIII в. получает свое выражение не только в стенописях, но и в иконописи. Об этом свидетельствуют датированные 1260-ми гг. иконы Христа Пантократора и Богородицы с Младен-

¹ Гревс И.М. Гимназические годы (1872–1879) // Вахрамеева О.Б. Человек с открытым сердцем... С. 59.

² Гревс И.М. Письмо Н.Д. Бекарюковой. СПб., 22 мая 1879 г. // Вахрамеева О.Б. Человек с открытым сердцем... С. 84.

³ Гревс И.М. Васильевский Григорий Васильевич... С. 40.

цем в монастыре Хиландар на Афоне. Тщательная моделировка объемов и живость трактовки образов соответствуют новому религиозному сознанию. В то же время сохраняется и традиционный монументализм, о чем позволяет говорить широко моделированное полуфигурное изображение апостола Иакова на иконе третьей четверти XIII в. в монастыре Св. Иоанна Богослова на Патмосе. Усиление этой тенденции происходит к концу столетия, когда была выполнена выделяющаяся энергичным моделированием фигуры икона евангелиста Матфея, изображенного фронтально, повернутого вправо, из церкви Св. Климента в Охриде. Более жестко написана двусторонняя икона с изображениями Богоматери Одигитрии и Распятия из той же охридской церкви, скорее всего, кисти столичного мастера. На рубеже XIII–XIV вв. в Константинополе был выполнен ряд изысканных по характеру миниатюрных мозаических икон, с хрупкими и изящными фигурами, свидетельствующими о незаурядном мастерстве, позже не встречающемся.

Во главе столичных византийских икон первой половины XIV в. принято ставить изображающую двенадцать апостолов в свободных, непринужденных позах, хранящуюся в Москве. По общему характеру и по манере письма с ней могут быть соотнесены несколько иных произведений с многофигурными композициями. Некоторые из них обращают на себя внимание оригинальностью композиционного построения, с подчеркнутым пространственным моментом, с объемными формами. Свободная живописная композиция, и тонкая обработка лиц отличает иконы этого времени хранящиеся в Охриде, константинопольского или солунского происхождения.

Произведения константинопольских иконописных мастерских отражают и достижения второй половины XIV в., когда иконы увеличиваются в размерах, и соответственно укрупняются изображения, примерами чего можно считать известные образы Христа Пантократора (около 1363 г.), Архангела Михаила в Византийском музее в Афинах, а также ряд икон в афонских монастырях Пантократора, Ватопед, Хиландар, Св. Павла. В то же время, снова входят в употребление стилистические приемы, характерные для Палеологовского Ренессанса с его более индивидуальными образами, правильными пропорциями, мягкими движениями, статуарными позами. Однако здесь уже нет стремления подражать античным моделям, а скорее предполагается их преобразование путем насыщения Божественным светом. Одним из отражающих это явление служит ряд икон Благовещенского собора Московского Кремля, последней четверти XIV в., традиционно связываемых с именем Феофана Грека. Наряду с этим течением существовали иные, обнаруживавшие неодинаковое отношение к классическому стилю, порой объединявшие различные тенденции, с плотной, густой живописью, с объемностью форм, экспансивностью фигур, выразительностью цвета. Следование классическому направлению заметно в характере Высоцкого чина, датируемого 1380–1390-ми гг. Заметно усложняется иконографическая программа. Классические приемы охотно используют и столичные мастера первой половины XV в., в творчество которых входит немало новых мотивов.

Иконопись Константинополя оказывала мощное воздействие на творчество мастеров иных иконописных центров как самой Византийской империи, так и за ее пределами. Наиболее близкой столичным мастерским была продукция Салоник, труднее локализовать иконы, выполненные на Афоне, в Мистре, в Сербии – возможно, заезжими константинопольскими художниками. С конца XIV в. они стали оседать в Кандии на Крите, под защитой Венеции, и позже обслуживали широкий круг заказчиков православного мира и стран Западной Европы.

Византийские иконы на протяжении XIV–XV вв. проникали в Грузию, где порой вызывали фольклоризированные отклики в творчестве местных живописцев, большей частью близких к народному творчеству. Тесные связи Византии с Болгарией способствовали проникновению на территорию последней как греческих мастеров, так и их произведений. Одно из них – двусторонняя икона Богоматери Элеусы и Христа Пантократора, XIV в., со следами интерпретации столичного образца. Особого внимания заслуживают охридские иконы, мало чем отличающиеся от столичных, в то время как сербская иконопись того же времени обнаруживает различные течения. Греческое искусство здесь подвергалось влиянию мастеров Венеции, Дубровника и, возможно, Котора. Изысканный константинопольский художественный импорт в Сербии соседствует с произведениями, выполнявшимися в массовом порядке, без следования образцу.

Неодинаковой была судьба византийского наследия и на Руси. В Новгороде, где сохранился выполненный около 1341 г. праздничный чин кисти греческих, явно не столичных, мастеров, и явно были известны константинопольские оригиналы, местные иконописцы усваивали преимущественно иконографию, а не стиль. В этом отношении противоположной была позиция Москвы, где собирали и высоко ценили византийские иконы, тщательно их изучали и затем создавали новые произведения с подлинно творческой переработкой высоких образцов, с качественно иной художественной характеристикой, свойственной не копиям, а тем оригиналам, которые смело можно называть шедеврами. Это, прежде всего, иконы письма Андрея Рублева.

А.А. Роменский

Школа искусств Харьковского городского совета

**«Колоти яко золото»: к интерпретации формулы клятвы русов
в договоре с Византией 971 г.**

Сохранившиеся в составе Начальной летописи тексты договоров Руси с Византией – уникальные аутентичные документы X в. – многократно привлекали внимание специалистов. Исследователи пришли к консенсусу в том, что договоры представляют собой славянские переводы византийских дипломатических актов, попавшие на Русь к началу XII в. и привлеченные,

среди прочих византийских источников, составителем «Повести временных лет». Русско-византийские договоры сообщают ценнейшую информацию о взаимоотношениях империи ромеев с варварской периферией византийской ойкумены, внешней политике и дипломатии Византии, а также социальной структуре и организации общества русов в период формирования государственности в Восточной Европе. Одним из важных аспектов является изучение протокольных формул текста, а также встречающихся в нем «темных мест» и *hara* legomena. В связи с этим представляет несомненный интерес ратификационная клятва и формула санкций русов в договоре князя Святослава с Иоанном Цимисхием 971 г.

Договор 971 г. был составлен после длительной осады в Доростоле (северо-восточная Болгария) главных сил армии русов и ознаменовал собой окончание продолжительной войны Руси вначале с Первым Болгарским царством, а затем и с Византийской империей. Помимо Начальной летописи, о переговорах Святослава с Иоанном Цимисхием и заключении мира сообщает и византийский современник – Лев Диакон, чьи сведения дополняют данные договора.

Текст дипломатического акта фиксирует отказ Святослава от территориальных притязаний в Болгарии и Северном Причерноморье (фема Херсон) и его обязательство мирных и союзнических отношений с империей. По сведениям Льва Диакона, «тавроскифы» передавали ромеям Доростол, обязались освободить пленных и покинуть Болгарию, а ромеи соглашались не препятствовать их уходу, снабжали русов продовольствием (по два медимна хлеба на человека) и сохраняли установленные прежде торговые привилегии к прибывающим в Константинополь купцам. Заключительная клятва Святослава и русов и формулировка запрета на нарушение договора переданы в тексте Лаврентьевской летописи следующим образом: «*якоже клахъса ко црѣмъ Гречьскимъ. и со мною боларе и Русь вса. да схранимъ праваа съвѣщаныа. аще ли w тѣхъ самѣхъ преже реченыхъ [не] схранимъ азъ же и со мною и подо мною да имѣемъ клатву ѿ Ба . въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса скотыа Ба . и да будемъ колоти [в других списках: золоти] яко золото. и своимъ вружьемъ да исѣчени будемъ се же имѣите во истину. якоже [в ряде поздних списков добавлено: пинехросусь / пинѣхросу / пинехросу / пинехросу] створиѣ нынѣ къ вамъ. [и] написахомъ на харатыи сеи. и своими печатми запечатахомъ*».

Мотив наказания от собственного оружия, как доказали специалисты, находит аналогии в скандинавских сагах. Упоминание же о золоте в клятве русов и загадочной «пинехросе», встречающейся в некоторых поздних списках летописи (Новгородская четвертая, Софийская первая, Никоновская, Московский летописный свод конца XV в., «Летопись Авраамки») до сих пор приводит к противоречивым интерпретациям. Исследователи разделились в том, какой вариант текста считать первичным. И.И. Срезневский, В.М. Истрин, О.В. Творогов, А.М. Введенский считали первоначальным выражение «колоти яко золото», имеющееся только в Лаврентьевском списке ПВЛ. Н.М. Карамзин, А.А. Зимин, С.М. Каштанов придерживались противоположной точки зрения, обосновывая первичность чтения «золоти» в Ипатьевском, Радзивиловском, Академическом и других списках. Различались и интерпретации смысла этой

клятвы. Чаще всего желтый цвет (цвет золота) ассоциировался у исследователей с болезнью и смертью, несмотря на то, что золото в древнерусских источниках выступает олицетворением богатства и власти и не имеет негативных коннотаций. В византийской культуре золото являлось образом божественного незримого Света, символизируя сакральность. По мнению ряда специалистов, речь идет о ритуальном прокалывании или даже жертвоприношении золотых предметов. А.М. Введенский полагает, что русы приносили жертву проколотым золотом Волосу-Велесу как богу богатства, в то время как оружие жертвовалось Перуну, главному воинскому богу киевского пантеона. Авторы комментария к новому изданию ПВЛ усматривают в прокалывании золота его ритуальное перемещение из мира живых в мир мертвых, символическое разрушение. Данная гипотеза предполагает первичность чтения Лаврентьевского списка. Вторичное прочтение «золоти яко золото» объясняется утратой позднейшими христианскими переписчиками понимания сущности данной клятвы.

Как представляется, смысл загадочной формулы санкции в договоре русов с Византией могут объяснить восточные источники. Обряд «питья с золота» был широко распространен среди тюркских и монгольских народов. Арабский географ X в. Ибн аль-Факих свидетельствует, что тюрки во время принесения клятвы погружали кусок золота в деревянную миску с водой, помещенную перед идолом, говоря, что в случае нарушения клянущийся пожелтеет, как это золото. В грузинском своде летописей «Картлис Цховреба» сообщается, что монголы «для твердости клятвы чистое золото трижды окунали в воду и вынимали его, а воду выпивали». Примечательно, что в символике желтого цвета у тюрков имеются отрицательные значения. По нашему мнению, клятва русов Святослава соответствовала этому тюркскому обряду. Клянущиеся выпивали воду в сосуде перед идолами богов (Перуна и Волоса), в которую помещался золотой предмет. Таким предметом могла быть «пинехруса», в которой уже Н.М. Карамзин видел отображение греческого «*πίναξ χρυσοῦς*» (золотая доска). Обряд клятвы на золоте русы, вероятно, заимствовали у соседних тюркских народов (скорее всего, печенегов). Можно предположить, что чтение Лаврентьевской летописи представляет собой ошибку переписчика, тогда как Ипатьевский, Радзивилловский и Московско-Академический списки сохранили первоначальный вариант.

А.Ю. Рышковская

Белгородский государственный историко-краеведческий музей

Ксенитии (благочестивые путешествия) как аскетическая практика в ранней Византии

Паломническое движение лежит в самой религиозной природе человека. Оно требует крайнего напряжения воли и сил и является подвигом христианского благочестия. Благочестивые путешествия, странствия как

служение, преодоление трудностей, а также преодоление привязанности к местам (ксенитии) можно выделить в специфическую практику проявления христианского аскетизма.

Среди источников по данной проблематике можно выделить «Историю монахов» Руфина¹, «Лавсаик» Палладия², труды Иоанна Кассиана, Евагрия, Исаяи, а также описания путешествий паломников.

Для II–III вв. сведений о благочестивых путешествиях крайне мало. Во-первых, еще не было массового обращения в христианство. Во-вторых, о традиции почитания святых мест можно говорить тогда, когда христианство стало массовой религией. Его смысл состоит в прикосновении к «благодати», в подражании Христу, ходившему в Иерусалим, а также в символическом предвосхищении путешествия в Небесный Иерусалим – через море житейских невзгод к обретению абсолютного покоя³. В IV в. благочестивые путешествия стали массовыми. Святая Земля привлекала и простых людей, и отцов Церкви, и знатных матрон. Женщины сыграли важную роль в обустройстве культов святых мест и Святой Земли, а также организации паломничеств⁴. Когда возникло стремление «материализовать» утерянные реликвии, император Константин снарядил первую в истории «экспедицию» по библейской археологии, которую возглавила его мать Елена⁵. Она оказала великие услуги христианской вере своим усердием в деле открытия древних памятников христианских святынь⁶, среди которых самым значимым был Св. Крест. Он привлек многих верующих⁷, активизировал интерес к древностям, подтверждающим истинность и естественность христианства как религии⁸. Важный этап «мемориализации» начался с возведения базилик и церквей на месте евангельских событий императрицей Еленой, Евтропией⁹, Меланией Старшей и Младшей, Павлой, а также императрицей Евдокией. Благие деяния в деле обустройства святых мест имели непосредственное влияние в оформлении феномена паломничеств. К святым местам шли те, кого влекли пути Господа, тяжёлое горе, желание смирения или житейский интерес. Например, Мария Египетская примыкает к толпе паломников, идущих приложиться к святому Кресту. Осознав свою греховность, она раскаялась и ушла в пустыню. Спасаясь от пышности епископского сана, в V в. в Вифлеем приходит епископ Иоанн

¹ Руфин Аквилейский. Церковная история // Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005. С. 230–284.

² Палладий. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 1992. 212 с.

³ Поляковская М.А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 328.

⁴ Karras V.A. The Liturgical Functions of Consecrated Women in the Byzantine Church // Theological Studies. Vol. 66. 2005. P. 109; The Oxford Handbook of Byzantine Studies. New York, 2008. P. 532.

⁵ Власов С.М. Константин Великий. М., 2001. С. 140.

⁶ См.: Надеждин Н.А. Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве. М., 2000. С. 97–98.

⁷ См.: Свенцицкая И.С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 327.

⁸ Беляев Л.А. Церковная археология и церковное искусство // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 459–463.

⁹ Поляковская М.А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 310.

(Молчальник). В своё время паломничество в Иерусалим совершали Феодосий Великий, Антоний Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие.

Благочестивые путешествия помимо паломничеств, так или иначе, позволяли преодолеть привязанности к привычному укладу жизни, бытовым удобствам, родным местам, а также к близким. Так, подавив в себе материнские чувства, Павла оставила свою дочь Руфину и маленького сына Токсотия в Риме, и присоединилась к Иерониму, чтобы совершить поездку в Палестину и Египет (Jer. Ep. 108, Ep. 46, Apol. c. Ruf. III. 22)¹. Многие отправлялись в благочестивые путешествия в поисках духовных наставников. Л. Реньё отмечает, что большому притоку верующих в пустыни Египта мы обязаны житию Св. Антония². Места, изобилующие отшельниками, влекли к себе тех, кто хотел получить опыт общения со старцами и старицами, или также заняться аскетической практикой. Так в пустыне Египта Синклитикия стала наставницей многих дев.

Совершались благочестивые странствия в основном пешком, иногда по воде. В Дельте и в долине Нила монахи, как и миряне, часто путешествовали по воде и использовали лодки. Путь по суше был не простым: в пустыне было легко заблудиться, вероятно была смерть от голода и жажды. Однажды на пути к преподобному Антонию Великому заблудился авва Аммон. Невыносимая жара позволяла двигаться преимущественно ночью, ориентироваться помогали звёзды. Во время путешествия путника подстерегали и немалые искушения: встреча с бесами, прикинувшись женщиной или ангелом и др. Кроме того, для путников большую опасность таила встреча с дикими зверьми. Преодолев искушения, трудности и лишения, паломника ждали благоговение и радость от встречи со святыней, а благочестивого путешественника – достижение цели пути после преодоления трудностей.

Данная аскетическая практика продолжалась преимущественно до VI–VII вв., а затем постепенно прекратилась как отвергнутая каноническим правом и решениями соборов.

М.Л. Рябцева

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Готы-федераты Византии на Боспоре

Согласно одной из конституций Юстиниана, адресованной сенату, федераты (энспонды) в его время являлись уже частью регулярной армии. Для Восточной Римской империи в военном отношении дружины федератов представляли собой гораздо более серьезный элемент византийской армии, чем полевые и пограничные войска.

¹ См.: *Читти Д.* Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. М., 2009. С. 95.

² См.: *Реньё Л.* Повседневная жизнь Отцов-пустынников IV века. М., 2008.

Федератами были варвары-поселенцы, размещавшиеся согласно договору (foedus) на приграничных территориях империи и обязанные нести военную службу за деньги или довольствие. Они состояли на учете в списках военного ведомства и имели общего начальника комита федератов. В места жительства федератов назначались офицеры, имевшие звание опциона (optio) и заведовавшие выдачей жалования. По своему этническому составу федераты представляли смешанное население. Это были готы, аланы и другие племена¹.

К концу 20-х гг. VI в., в условиях неприятия гуннами-утигурами, обитавшими близ Боспора, политики своего вождя Грода по христианизации, позднее убитого ими, и разгрома ряда боспорских городов и поселений, на Боспор были посланы византийские войска (Феофан видел в них «скифов», Иоанн Никиусский – «скифов» и готов). Известно, что в византийской этнонимии готов не раз называли скифами, поэтому мы считаем, что основу византийской армии, присланной на Боспор для установления мира в указанной ситуации, составляли как раз готы. Сведения о направлении на Боспор проконсула Иоанна и стратига Бадуария с готским вспомогательным войском наиболее полно отражены у Иоанна Малалы². Прокопий прямо сообщает об «испанских полках готов» во главе с Годилой и Бадуарием.

Из византийских союзников гунны превратились в ее противников, а Византия заняла в регионе пробоспорскую и проготскую позицию. Таким образом, федераты VI в. на Боспоре были уже имперскими воинскими подразделениями и защищали этот регион как территорию Византии³.

Готы, прибывшие на Боспор для усмирения гуннов, прослеживаются и археологически. А.И. Айбабин считает, что эти готы уже были христианами и поселились на Боспоре с семьями⁴.

Из археологических находок следует отметить: остроготские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольным и орлиноголовым щитком. В женском костюме появляются золотые треугольные подвески, орлиноголовые пряжки, серьги с витыми кольцами, фибулы типа Удине-Планис.

На территории Азиатского Боспора у основания косы Чушка была основана крепость федератов (Ильичевское городище). Населением данной крепости в этот период были, видимо, полиэтнические федераты. Это потомки боспорян, готы, сармато-аланы, даже гунны. Раскопки здесь ведутся с 1964 г. Ядром городища была крепость с сырцово-кирпичными оборонительными стенами на каменных фундаментах. По восточной и западной сторонам цитадели располагались казармы солдат-наемников. Наиболее интересным является слой юстиниановского времени, к которому относятся

¹ Колташов В.Г. Византийская армия IV–XIII вв. М., 2003. С. 135.

² Иоанн Малала. Хронография. Кн. XVIII / Пер. А.А. Чекаловой // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 1998. С. 467–503.

³ Подробнее см.: Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (сер. III – VI вв.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008. С. 165–180.

⁴ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 100.

оборонительные стены и башни, ворота, казармы федератов, дом начальника гарнизона, мастерская стеклодува.

Коллекцию находок из позднеантичного – ранневизантийского слоя памятника можно считать эталонной для материальной культуры Боспора в целом в рассматриваемый период. В качестве хроноиндикаторов могут использоваться находки крупной прогнутой подвязной фибулы, броши в форме цикады, стеклянного стакана с синими каплями и ряд других вещей. Из монетных находок – старые боспорские статеры (ок. 200 экз.), солиды Юстиниана. Датированным материалом здесь выступает вторая группа находок.

Коллекция предметов вооружения, обнаруженная в ходе археологических раскопок на Ильичевке, дает представление о войне-всаднике V–VI вв., имевшем при себе лук со стрелами, меч или кинжал у пояса, копье на длинном древке, шлем с султаном. Имел ли воин кольчугу или панцирь, сказать трудно. На Ильичевке, видимо, в числе других подразделений дислоцировались катафрактарии. Очень многочисленна в Ильичевке христианская символика, особенно на краснолаковой керамике¹.

Автор раскопок на городище Э.Я. Николаева предполагает, что боспоряне и готы были христианами (их было больше, нежели язычников), а гунны и часть алан – язычниками². Тот факт, что крепость просуществовала на протяжении IV–VI вв. без принципиальных изменений в материальной культуре, позволяет предположить, что ее содержание поддерживалось центральной властью.

В последние годы появились новые яркие материалы варварских погребений эпохи Великого переселения на Боспоре,³ но для связи их с федератами империи VI в. нужны дополнительные свидетельства.

А.В. Сазанов

Государственная публичная историческая библиотека (Москва)

Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и новые проблемы

Торговлю центров Северного Причерноморья ранневизантийского времени можно разделить на локальную (Херсонес, Сугдея, г. Боспор), региональную (с понтийскими центрами), интеррегиональную (с восточно-

---

¹ Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т. 2. Ереван, 1979. С. 377; Устаева Э.Р. Археологические раскопки у поселка Ильич // Таманская старина. Вып. I. СПб., 1998. С. 78; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 153.

² Николаева Э.Я. Христианский комплекс VI в. на Боспоре Киммерийском // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 88.

³ Ermolin A. Das Gold der Nekropole von Džurg-Oba // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Bonn, 2013. S. 352-361.

средиземноморскими центрами) и торговлю «long distance» (с западно-средиземноморскими центрами). Отражение характера торговли в типах амфор и краснолаковой посуды показано на следующей таблице:

Характер торговли	Тип амфор	Типы краснолаковой посуды
локальная	Зеест 96–97, Зеест 72 / Bottger I.5	
региональная	АДСВ тип 5, CSnp I, CSnp II, CSnp III, DSnp I, DSnp II, «коричневоглиняные с перехватом»	PRSW 1, PRSW 2, PRSW 3, PRSW 4, PRSW 7
интеррегиональная	LRA 1, LRA 2, LRA 3, LRA 4, LRA 5–6, LRA 8, LRA 9 / Agora М 334, эгейские глобулярные амфоры, TRC 4, TRC 5, TRC 6, TRC 9	Группы LRC, LRD, имитации ARSW 93–97
Long distance	Keay XXV, Keay LXII, Spatheion	ARSW 50B, 53, ARSW 59A-B, ARSW 61A, ARSW 64, ARSW 67, ARSW 73A-B, ARSW 82B, ARSW 91, ARSW 99, ARSW 104, ARSW 105

Необходимо, однако, учитывать следующее. Разработки последних лет показывают, что сложившаяся картина с четким разделением краснолаковой продукции на североафриканскую, кипрскую, фокейскую и понтийскую постепенно размывается.

Главной причиной является то обстоятельство, что один и тот же стандарт (тип) мог воспроизводиться в разных центрах. Можно без особого преувеличения утверждать, что ранневизантийская керамика – мир многочисленных имитаций.

Далеко не всегда удается установить, какой центр производил исходный образец, а какой его имитировал. Иными словами, полицентризм мастерских, производивших одни и те же типы – несомненный факт. В этих условиях наименование групп краснолаковой посуды, предложенные в свое время Дж. Хэйсом (например, Phocean red slip ware, Cypriot red slip wares, African red slip wares) следует считать условными. Оказалось, что т.н. Phocean red slip wares производились не только в Фокее, но и в Эфесе, Сирии и Палестине. Поздние типы LRC 3G, по последнему мнению Дж. Хэйса, являются продукцией палестинских и сирийских мастерских. Африканские формы 93–97 активно имитировались в Египте и Малой Азии, а ряд «кипрских» сосудов

производились в южной Анатолии. В Египте также имитировались африканские формы ARSW 49, 50, 58, 59, 61, 69, 78, 91, 99. Выделение группы понтийской краснолаковой керамики пока не является обоснованным. Ясно, что эта группа, имитирующая африканские и кипрские формы, не производилась в Северном Причерноморье. В этой ситуации лучшим представляется не термин «Pontic red slip wares», а название типа, который имитирует конкретный сосуд, с указанием имитации, например: «Late Roman D form 2 similis» или «ARSW 93–97 imitations».

Аналогична ситуация с ранневизантийскими амфорами, типология, хронология и локализации мест производства которых изменились. К 1990-м гг. считалось установленным производство амфор LRA 2 в районе местечка Гермоноид в Греции, LRA 3 – в районе реки Меандр, амфор Carotte – в Селевкии Пиерии. Однако оказалось, что амфоры LRA 2, предназначавшиеся для перевозки анноны, производились во многих эгейских центрах, амфоры LRA 3 – в Эфесе и на Косе, амфоры Carotte – в Синопе, Гераклее и еще нескольких понтийских центрах. Амфоры LRA 4 производились не в Египте, а в районе Газы. В Северное Причерноморье амфоры Газы во второй половине IV – начале V в. поступали через Александрию.

Еще одним важным моментом стало выявление в Северном Причерноморье VI – нач. VII в. критских амфор. Крит оказался важным торговым партнером северо-причерноморского региона.

Особого внимания заслуживает ключевой модульный тип ранневизантийских амфор – LRA 1. Его нижняя дата зафиксирована контекстами 340-х гг., что значительно удревняет время начала производства этих амфор. Изучение дипинти показало, что они содержат имена торговцев, название и количество перевозимого продукта, его качество и даже номер индикта. Последнее обстоятельство делает амфоры LRA 1 важнейшим источником по торговле и хронологии Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Стандартные типы LRA 1 выпускались во многих центрах средиземноморского мира (Элависса, Себастэ и др.) и стали основой одного из типов причерноморских амфор VIII–IX вв.

Вторым ключевым модульным амфорным типом стали глобулярные амфоры, происходящие от LRA 2. С точки зрения современных представлений, начиная с первых десятилетий VII в. и до конца VIII–IX в. существовал большой класс амфор, получивших в литературе название «globular amphorae» по главному признаку, который их объединяет, – глобулярному корпусу. Указанные амфоры составляют одну из важнейших групп керамической тары Эгеиды, Восточного Средиземноморья и Причерноморья. Амфоры этой большой группы (или семьи, если пользоваться западноевропейской терминологией) имеют глобулярный корпус, но различаются в морфологии венчиков и горл, а также присутствием или отсутствием рифления на плечиках. Проведенные петрографические анализы показали, наличие многих эгейских центров производства глобулярных амфор. Глобулярные амфоры стали вторым базовым типом для причерноморских амфор VIII–IX вв.

Таким образом, в ранневизантийское время существовали стандарты, по которым в разных центрах Средиземноморья и Причерноморья производились однотипные, близкие по морфологии сосуды. Эти стандарты составляли своеобразное «койнэ» ранневизантийской материальной культуры. Перспективы дальнейших исследований ранневизантийской керамики видятся в выявлении стандартов и их локальных имитаций с помощью современных археометрических методов. Без этого исторические выводы, построенные на керамическом материале ранневизантийского времени вряд ли будут адекватными.

Е.А. Семичева

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет;
Бременский университет*

Образ Другого в позднеантичных бревиариях: источниковедческий аспект

Бинарная оппозиция «Я – Другой» является составляющей «системы координат» жизни (в том числе, мира повседневности), одной из важнейших актуализаций бытия, маркирующей границы идентичности человека в разные исторические эпохи. Интерес современного исторического знания к данной проблеме и попытки ее разрешения в рамках позднеантичного общества обусловлены высокой степенью завершенности культурно-исторических и социальных процессов, а также сложностью и динамичностью форм, свойственных переходным периодам.

Междисциплинарный характер проблемы определяет необходимость поиска подходов и методов, адекватных специфике избранной проблематики. К числу таковых относятся аксиологический подход к изучению культуры, концепция смыслогенеза в истории А. Пелипенко, метод герменевтики, имагологический подход, теория исторического нарратива. Они дают возможность реконструировать содержательные изменения смысловых оттенков различных видов понятия «Другой», представленного в соответствующих культурных формах (этнически другой, религиозно обусловленный другой, социально другой, экзистенциально другой) и выявить его местов структуре идентичности позднеантичного общества.

Репрезентативную источниковую базу для решения заявленной исследовательской проблемы представляют бревиарии. Тексты данного жанра довольно долго оставались на периферии внимания исследователей. В отечественной науке до сих пор отсутствует полный перевод «*Breviarium regum gestarum populi Romani*» Феста, а сама работа оценивается как тривиальное повторение предшественников и современников, уступающее им по качеству и лишенное какой-либо концепции и оригинальной мысли. В немногочисленных статьях повторяется оценка С.И. Соболевского, назвавшего Бревиарий Феста

«ничтожным»¹. Сходное отношение к «жалким эпитомам» (Р. Сайм)² утвердилось и в зарубежной историографии. Например, Дж. Эади пишет, что качество историй IV в. скорее отражает «блеклые обычаи» III столетия, чем возрождение классического мировоззрения³. Д. Рорбахер утверждает, что единственный источник информации, который современные историки считают полезным в работе Феста, это список западных провинций, самый ранний из перечней такого рода⁴.

«*Breviarium ab urbe condita*» Евтропия также традиционно считается сочинением, соответствующим строгим законам эпитомизаторской историографии IV в., исключая авторское видение истории. Исследователи «Бревиария» на Западе ориентировались преимущественно на анализ источниковой базы автора, либо на изучение частных вопросов в рамках фактической истории⁵. Лишь в последние десятилетия появились работы, в которых содержится аргументация наличия у Евтропия собственных представлений об истории Рима. Перспективен подход Д.В. Кареева, обозначившего проблему выбора бревиаристом своих источников и самостоятельного обращения с ними⁶.

Вместе с тем, подавляющее количество исторических сочинений нехристианской историографии IV в. – это компиляции и бревиарии. По мнению В.И. Уколовой, стремление к упрощению, систематизации, созданию различных «сводов», – это знамение времени, коснувшееся не только историографии. Иногда создается впечатление, что образованные люди той эпохи были заняты преимущественно «упаковкой» интеллектуального и культурного наследия предшествующей эпохи, стараясь сохранить и спрессовать как можно больше разнообразных знаний⁷.

По-разному оценивая качество и достоверность представленной в бревиариях информации, исследователи сходятся во мнении о широкой популярности этих сочинений на всем протяжении позднелатинского, византийского и, далее, средневекового исторического пространства⁸. Именно

¹ Дмитриев В.А. Римская историография периода поздней империи: основные жанры и представители // *Метаморфозы истории*. 2003. Вып. 3. С. 188–208; *История римской литературы*. Т. 2 / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М., 1962. С. 430.

² Syme R. *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford, 1968. P. 144.

³ Eadie J.W. *The Breviarium of Festus: a critical edition with historical commentary*. London, 1967. P. 10.

⁴ Rohrbacher D. *The Historians of Late Antiquity*. Routledge, 2002. P. 61.

⁵ Bird H.W. *Eutropius: His Life and Career* // *Echos du Monde Classique*. 1988. Vol. 32. P. 51–66; *idem*. *Eutropius: Breviarium* / Translated with an introduction and commentary. Liverpool. 1993; Boer W. *den*. *Some minor Roman historians*. Leiden, 1972.

⁶ Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб., 2004. 250 с.; Егоров А.Б. Императорская власть в «Бревиарии» Евтропия // *Античное общество – IV: Власть и общество в античности*. СПб., 2001.

⁷ Уколова В.И. *Поздний Рим: пять портретов*. М., 1992. С. 41.

⁸ Boer W. *den*. *Op. cit.* P. 170–171.

этот факт заставляет нас считать брeвиарии не менее, а, вероятно, и более репрезентативным источником в решении проблемы конструирования образа Другого, чем тексты, обладающие более выраженной авторской позицией и индивидуальностью. Сжатое изложение требует тщательного отбора материала, смысловой и структурной обработки, а своеобразная авторская усредненность позволяет увидеть общие процессы трансформации исторического сознания. В силу своей краткости, тенденциозности, обращения к широкому кругу читателей, а также ориентированности авторов на воспроизведение «клише» книжной традиции, брeвиарии являются не только отражением соответствующих стереотипов в оценке человека иной этнической, культурной или социальной принадлежности, но и инструментом формирования таких стереотипов в сознании массового читателя.

Выявление соответствующих характеристик этнических групп и варваров в целом, различных оценок происхождения и поведенческих норм (как и отсутствия таковых оценок), а также обнаружение приемов и стилистических средств, своего рода риторики инаковости, закрепляющих стереотип, представляется перспективным направлением в решении обозначенных исследовательских задач.

В.В. Серов

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Исследование финансовой политики императора Фоки

Изучение сложного в политическом, социальном и экономическом плане периода византийской истории, ограниченного последними годами VI в. и первым десятилетием VII в., предполагает переосмысление имеющихся результатов и методологического опыта, которые появились в византинистике за последнее столетие.

Актуальность названной проблемы определяется тем обстоятельством, что её разрешение не только позволяет дать ответы на сложные вопросы истории ранней Византии, реконструировать ход её исторического развития, во многих отношениях ещё не осмысленный с научной точки зрения, но и помогает развитию междисциплинарных связей.

Несмотря на давний интерес исследователей к указанному периоду, его всесторонняя историческая реконструкция далека от завершенности в силу отсутствия методики, позволяющей по-новому интерпретировать известные данные нарративных источников. Тем самым, в истории Византии сохраняется своеобразная лакуна, что не позволяет до конца разрешить ряд фундаментальных для исторической науки проблем, в том числе – проблему формирования феодализма на византийской почве, а также так называемого континуитета социально-политических институтов при переходе европейской цивилизации от античности к средневековью.

Специалисты по ранневизантийской истории обращаются к проблематике первой декады VII в. крайне редко и неохотно. Причиной тому, очевидно, служит пресловутый недостаток данных исторических источников, а также кажущаяся исчерпанность направлений исследования. Следствием этих господствующих в науке установок является отсутствие новейших специальных публикаций по социально-экономической истории Византии в периоды правления императоров Маврикия (582–602 гг.) и Фоки (602–610 гг.).

Между тем, время правления императора Фоки способно предоставить материал, необходимый для решения вопроса об изменениях в финансовой политике имперских правительств на завершающем этапе ранневизантийской истории (первая треть VII в.). Достаточно лишь поставить данный вопрос и обеспечить его разрешение, используя новую методiku получения исследовательских результатов.

Изучение финансовой политики императора Фоки основывается на использовании уже опробованного прежде метода интерпретации наличного источникового материала, который представляет собой применение в конкретном историческом исследовании категориального аппарата современной экономической науки. В общем, экономическая теория предлагает базовое представление о таком предмете исследования, как финансовая политика любого государства в любой определённый период его существования. В соответствии с ним, финансовая политика опирается на имеющуюся в распоряжении государства административную систему и осуществляется правящей общественной верхушкой на основе определённого политического опыта и известных теоретических наработок в экономической, политической и социальной сферах. Применив современное определение финансовой политики к конкретно-историческому материалу, можно получить картину финансовой деятельности конкретного государства в конкретную эпоху, в том числе и ранневизантийскую, а также в отдельные её периоды. Подобная трактовка понятия финансовой политики не тождественна другим понятиям, которые, на наш взгляд, некорректно применялись в историографии в качестве его синонима («финансы», «финансовая система», «фискальная политика») и не позволяли представить изучаемое явление систематически. Применение научно детерминированного понятия финансовой политики в конкретный, достаточно узкий промежуток времени придаёт изучению финансов динамизм, позволяет рассмотреть различные направления внутренней и внешней политики государства с точки зрения их финансового обеспечения, не перечисляя известные из источников разрозненные действия властей в сфере финансов. Кроме того, она даёт возможность построения логически обоснованных конструкций в тех случаях, когда данных источников оказывается недостаточно или они вовсе отсутствуют. В таком ракурсе финансовая политика представляет собой совокупность разнообразных действий субъекта, направленных на полноценное ресурсное обеспечение проводимой им политики, которая должна, по мнению этого субъекта, осуществляться независимо от того, имеются ли для этого в наличии казённые

средства, поставляемые в виде регулярных налогов и правильных сборов. Следствием подобного акцентирования при рассмотрении финансовой политики Ранневизантийского государства становится перенос основного внимания с традиционных для историографии предметов, которыми являлись налоговая система и финансовая администрация, на дополнительные расходы и дополнительные же доходы императорской и государственной казны. Таким образом, предлагаемый метод исследования сложной для понимания эпохи конца VI – начала VII в. позволяет осуществить комплексный анализ как собственно финансовой политики императорских правительств, так и любой из областей государственной жизни. Предмет изучения дробится не только по отделам, определяемым дефиницией понятия «финансовая политика», но и по хронологическому принципу.

Применение описанной методики даёт удивительные результаты. Политика Фоки предстаёт многоплановой и продуманной. Главным выводом по изучению финансовой политики этого императора представляется очевидное стремление Фоки, считавшегося узурпатором и ниспровергателем устоев, следовать традициям и укреплять известный набор позднеантичных способов осуществления финансовой деятельности государства. Возможно, именно такой подход к решению многих новых для Византии проблем послужил причиной недолгого и, в целом, неудачного правления Фоки, хотя и стал своеобразным экспериментом, позволившим его преемникам на троне разработать перспективные пути преодоления этих проблем.

М.М. Сеница

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Трактат Иоанна Лида «О знаменьях» и предзнаменования в Константинополе VI в.

В центре внимания данной работы лежит трактат ранневизантийского писателя-антиквара Иоанна Лаврентия Лида (490–565?)¹ «О знаменьях» (*De ostentis*)². Это историко-астрологическое сочинение, рассматривающее различные природные явления как предзнаменования исторических событий. Большая часть этого произведения является простой компиляцией астрологических, в основном древнеримских языческих сочинений, написанных в античности, хотя огромное влияние на него оказал и эллинистический «Тетрабиблион» Клавдия Птолемея³. Исследователи

¹ См.: Bandy A.C. Introduction // Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Ed. A. Bandy. Lewiston, New York, 2013. P. 1–19; Ioannes Lydus 75 // PLRE. Vol. II. P. 612–615; Treadgold W. Early Byzantine historians. PM, 2010. P. 258–264.

² Ioannis Lavrentii Lydi Liber de ostentis et Calendaria Graeca omnia / Ed. C. Wachsmuth. Lipsiae, 1897. P. 1–160.

³ Maas M. John Lydus and the Roman Past. London; New York, 1992. P. 89–90.

характеризуют его как исторический обзор происхождения и развития искусства прорицания, авгурских учений как этрусков, так и римлян, знамений, выводимых из солнечных и лунных затмений, появлений комет, примет от луны, грома, землетрясений и других метеорологических явлений наряду с их источниками¹. Время его появления датируют по информации из византийского словаря X в. «Суда», в котором говорится, что оно посвящено префекту города Гавриилу (Suid. I 465), который был городским префектом, видимо, в 543 г.²

Основной интерес вызывает противоречие тематики данного произведения и конкретно-исторических условий, в которых оно появилось. В IV–VI вв. происходила тотальная христианизация Римской империи, и на законодательном уровне производилось искоренение язычества³. Отношение власти к языческим предсказаниям и знамениям выражено в кодексах Феодосия и Юстиниана в отдельных главах «О колдунах, астрологах и иже с ними» (CTh 9.16; CJ 9.18), а также «О языческих жертвоприношениях и храмах» (CTh 16.10; CJ 1.11). Гаруспиции объявлялись тяжким преступлением, противоречащим природе (CTh 9.16.4, 16.10.9, 16.10.12; CJ 9.18.2, 9.18.7), а колдуны, астрологи, предсказатели, толкователи жертв, снов и природных явлений должны были быть подвергнуты пыткам и смертной казни (CTh 9.16.1, 9.16.6, 9.16.7; CJ 1.11.2, 9.18.3, 9.18.5, 9.18.7), их сторонники и последователи – тяжким наказаниям вплоть до смертной казни (CTh 9.16.4, 9.16.9, 9.16.11; CJ 1.11.2, 9.18.5, 9.18.9), их имущество подлежало конфискации (CTh 9.16.1; CJ 1.11.8, 9.18.3), а все трактаты и учения по этим вопросам – сожжению (CTh 9.16.8, 9.16.12).

То есть трактат Иоанна Лида «О знамениях» с юридической точки зрения относился к запрещенной литературе, а сам автор являлся тяжким преступником. Но наиболее интересным является тот факт, что данное сочинение было написано не втайне, а вполне открыто и предназначалось для публикации, о чем может свидетельствовать его посвящение городскому префекту, а сам писатель не только не подвергся преследованиям со стороны власти, но в течение сорока лет служил (Ioan. Lyd. De Mag. III.67) и занимал достаточно высокие должности в Восточной префектуре претория⁴ – центральном органе имперской администрации⁵, – и даже пользовался поддержкой и покровительством самого императора Юстиниана (Ioan. Lyd. De Mag. III. 28–30), известного особой нетерпимостью к язычеству⁶, а затем преподавал в столичном «университете».

¹ Bandy A.C. Introduction... P. 21–22.

² Kaster R. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1997. P. 309.

³ См.: Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2015. 316 с.

⁴ Bandy A.C. Introduction... P. 1–19.

⁵ См.: Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts; London, 2004.

⁶ См.: Constantelos D.J. Paganism and the State in the Age of Justinian // The Catholic Historical Review. Vol. 50. N 3. 1964. P. 372–380; Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. London, New York, 2005. P. 20–22; Геростергиос А. Юстиниан Великий – император и святой. М., 2010. С. 111–117.

Другими словами, Иоанну Лиду удалось не только успешно обойти запрет антично-языческих астрологических знаний в ранневизантийском Константинополе, но, более того, это его произведение использовалось и цитировалось последующими писателями: на него, по мнению исследователей¹, ссылаются Феофилакт Симокатта (Theophil. Sim. Hist. VII 16.12) и император Лев VI Мудрый (Leo Tact. Ep. 67), а патриарх Фотий дает ему относительно нейтральную характеристику (Phot. Bibl. 180).

Причины этого феномена лежат в грамотном способе подачи материала в сочинении «О знамениях». По структуре трактат состоит из 71 главы, первые из которых занимает введение (Ioan. Lyd. De Ost. 1– 8), предваряющее эксцерпты из античных писателей, которое призвано объяснить необходимость и цели написания трактата, попутно проводя его апологию. Иоанн Лид строит свою защиту по нескольким направлениям сразу.

1. В самом начале трактата он обращается к сюжетам библейской истории, а именно, данным Богом знамениям, которые Моисей показал фараону, чтобы он отпустил евреев из Египта, помещая веру в предзнаменования в христианский контекст, что было достаточно распространенным явлением в Ранней Византии (Agath. Hist. V 4), пример чего можно наблюдать и во вполне христианской «Хронографии» Иоанна Малалы².

2. Начиная свой трактат с еврейского учения о знамениях, автор сразу же приводит его разграничение знамений как примет – σημεῖα, основанных на природных атмосферных явлениях; и знамений как чудес – τέρατα, на земле как бы против природы появляющихся, последние он связывает с Божественной волей, приводя их пример из Библии (Ioan. Lyd. De Ost. 1).

3. Писатель собирается рассматривать только знамения, касающиеся небесных тел – διοσημεΐας (Ioan. Lyd. De Ost. 1), позиционируя себя в качестве последователя рациональной астрономической науки, имевшей длительную традицию и легально преподаваемую в Византии³, а не сторонника колдовства и гадания.

4. Автор дает историографический обзор изучения предзнаменований в античную эпоху, выражая себя как абстрагированного от предмета исследования историка, занимающегося им, только чтобы сохранить память о древностях (Ioan. Lyd. De Ost. 2), в результате его труд скорее похож на справочник⁴ и в целом не рассматривается как астрологическое сочинение⁵.

¹ Hase C.B. Prologus in Librum Ioannis Lydi De Magistratibus Romanis sive Commentarius de Ioanne Laurentio Philadelpheno Lydo eiusque Scriptis // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Bonnae, 1837. P. XIII, XVII.

² Самуткина Л.А. Описание стихийных бедствий в «Хронографии» Иоанна Малалы // Историческая мысль и историография на рубеже античности и средневековья. Иваново, 2000. С. 17–20.

³ См.: Mavrudi M. Occult Science and Society in Byzantium: Consideration for Future Research // The Occult Science in Byzantium. La Pomme d'or, 2006. P. 39–97.

⁴ Maas M. John Lydus... P. 91.

⁵ Mavrudi M. Occult Science...

5. Лид выражает себя как десакрализатора «тайных знаний», открывая их содержание читателям (Ioan. Lyd. De Ost. 3).

6. Говоря о природных метеорологических явлениях, Лид дает доказательства их влияния на живую и неживую природу, а также человека (Ioan. Lyd. De Ost. 7), аргументируя симпатическую связь между небесными явлениями и земными событиями, характерную для стоиков и неоплатоников¹.

7. Писатель дает конкретные примеры исполнения предзнаменований в римской истории (Ioan. Lyd. De Ost. 4–6), а также современности (Ioan. Lyd. De Ost. 1, 6, 8), хотя исследователи отмечают, что для подтверждения истинности предзнаменований Иоанн Лид серьезно сжимает временной промежуток между знаменем и историческим событием и искажает представление о нем.

Таким образом, трактат «О знаменях» Иоанна Лида, несмотря на свое в целом языческое содержание, органично вписался в легальную литературную традицию Византии за счет антикварной формы подачи материала, характеризующейся абстрагированием от ценностей языческой культуры, что являлось перспективным для византийских штудий по античности в дальнейшем.

А.Д. Сиротенко

Университет имени Людвиг-Максимилиана (Мюнхен)

Воздвижение Креста Ираклием в греческой и западной традиции: некоторые наблюдения*

Император Ираклий (610–641), победоносно завершив двадцатилетнюю персидскую войну и вернув захваченный персами Животворящий Крест, воздвиг его в Иерусалиме в марте 630/631 г.

Известия и слухи об этом событии быстро распространились по всему тогдашнему христианскому миру. В настоящем выступлении будут рассмотрены некоторые ключевые греческие и латинские тексты, сформировавшие средневековое представление о входе Ираклия в Иерусалим и Воздвижении Креста.

Греческая текстовая традиция Воздвижения начинается с панегирических поэм Георгия Писиды, клирика Софии Константинопольской и современника императора Ираклия. К тому же времени (нач. 630-х гг.) относятся источники другого жанра – житие Анастасия Перса и рассказ Антиоха Стратига о возвращении Креста. Характерной чертой всех этих ранних источников является то, что они очень скупко говорят о Воздвижении, фиксируя лишь факт и дополняя его панегирическими восхвалениями, метафорами, моралистическими наставлениями и прочими литературными элементами.

¹ См.: *Ierodiakonou K. The Greek Concept of Sympatheia and Its Byzantine Appropriation in Michael Psellos // The Occult Science in Byzantium. La Pomme d'or, 2006. P. 97–119.*

* Исследование подготовлено в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

Позднейшая греческая хроникальная традиция также проявляет мало интереса к Воздвижению Креста Ираклием, ограничиваясь лишь констатацией факта и изображением радости и счастья жителей Иерусалима¹.

Западная текстовая традиция столь же древняя, сколь и греческая: самый ранний текст, посвященный Воздвижению, относится, судя по всему, к середине – концу VII в.² Это анонимная гомилия «*Exaltatio seu Reversio S. Crucis*» (BHL 4178). В исторических трудах VII в. – сочинениях Фредегара, продолжателя Исидора Севильского – рассказ о Воздвижении отсутствует совсем. В IX в. Рабан Мавр (или Псевдо-Рабан) написал другую гомилию, текстуально похожую на предыдущую, – «*Sermo de exaltatione S. Crucis*» (BHL 4181).

Средневековые латинские хроники по-разному интегрируют в свой состав ранние гомилии и сведения из других (в том числе, греческих) хроник. Наиболее детально сюжет о Воздвижении представлен в трех западных текстах XII–XIII вв. – в старофранцузском романе Готье из Арраса «*Eracle*», средневерхненемецком романе «*Eraclius*» Отто и латинской «Золотой легенде» Иакова Ворагинского.

Большинство западных источников, начиная с упомянутой гомилии VII в. и кончая широко популярной на средневековом Западе «Золотой легендой», содержат один и тот же рассказ в Воздвижении Креста Ираклием, который вкратце звучит так:

Ираклий триумфально возвращается из Персии с Древом Креста, окружённый блестящей свитой; его встречает народ. Император хочет въехать в Иерусалим через Золотые ворота, но не может из-за некоего препятствия. Ираклию является ангел и говорит: «Как ты можешь так торжественно войти в город, где Господь наш нёс свой Крест и плотью пострадал?» Ираклий сразу же сходит с коня, разувается, снимает свои роскошные одеяния и императорский венец, и босиком, в одной рубахе подходит к воротам. Препятствие тотчас же исчезает, и Ираклий, войдя в город, устанавливает на Голгофе Животворящий Крест³.

Эта чудесная и очень древняя легенда встречается только в западных текстах и не засвидетельствована в греческих источниках. В то же время, сложно сомневаться в её восточном (скорее всего, сирийском) происхождении, учитывая время появления, детальность и живость изложения.

В исследовательской литературе недостаточно прояснён вопрос о причинах этого любопытного различия в показаниях западных и греческих источников. Однако представляется логичным объяснить молчание греческих авторов не

---

¹ *Theophanes*. P. 300–301, 328; *Georg. Mon.* P. 672; *Cedrenus*. P. 735; *Glycas*. P. 512; *Zonaras*. P. 211–212.

² *Borgehammar S. Heraclius Learns Humility: Two Early Latin Accounts Composed for the Celebration of Exaltatio Crucis* // *Millennium*. Berlin; NY, 2009. Bd. 6. P. 159–160.

³ См. напр. *Reversio Sanctae Crucis* // *Ibid.* P. 186–188; *Hrabanus Maurus*. *Homilia LXX. Rreversio Sanctae et gloriosissimae Crucis Domini nostri Jesu Christi* // *PL*. Vol. 110. Col. 151–154; *De exaltatione Sanctae Crucis* // *Jacobi a Voragine Legenda aurea* / Ed. Th. Graesse. Leipzig, 1850. P. 605–611.

разумным отвержением сей легенды как противоречащей исторической реальности (правила изображать события «wie sie eigentlich gewesen sind» далеко не всегда придерживались даже хронисты), а другими причинами.

В конце 620-х – 630-х гг., после победы над Персией, император Ираклий, желая привести к единству разные христианские партии, начал при поддержке патриарха Сергия активно внедрять учение моноэнергизма – монофелитства. Аргументация монофелитов, поддержанная авторитетом императора-победителя, почти не встречала тогда возражений. Почти все известные нам авторы эпохи Ираклия, затрагивавшие в своих сочинениях современную им историю, так или иначе, в прозе или в стихах, восхваляли и военно-политическую, и религиозную деятельность императора. Такая позиция исключает возможность включения ими в свои работы эпизода у ворот Иерусалима, который содержит критический элемент: осуждает возвеличившего себя государя и противопоставляет ему государя кающегося.

Дружественное монофелитству направление в византийской историографии и литературе просуществовало до 681 г., когда на VI Вселенском соборе монофелитское учение было осуждено как ересь. С этого времени император Ираклий превращается для византийских авторов в еретика и нечестивца, и изображение его христианского смирения и преодоления земной гордыни становится в высшей степени неуместным.

Западные авторы были равнодушны к монофелитским спорам, и потому для большинства из них с VII в. до конца Средневековья Ираклий оставался благочестивым христианским государем. Возможно, поэтому в западной традиции так легко закрепилась и прижилась очень ранняя, восточная по своему происхождению легенда о чуде у врат Иерусалима.

Западная традиция с течением времени приукрасила легенду: в романах XII в. сказочного элемента значительно больше, чем в ранних гомилиях. Однако степень сказочности западных источников сложно установить, пока не найден греческий, сирийский или переведенный с этих языков источник¹, который содержал бы оригинальную легенду.

Г.В. Скотникова

*Санкт-Петербургский государственный университет
культуры и искусств*

«Византийский стиль» в зодчестве В.А. Косякова в аспекте антропологического богословия и антропного принципа

Во второй половине XIX в. «византийский стиль» в церковном зодчестве развивался на основе государственного заказа во многих странах Европы. Однако в России он содержал в себе особый смысл, знаменуя не только *цивилизационные истоки* русской культуры (византийскую «симфонию» церкви

¹ *Ivanov S. A New Peace of Sázava Book Culture? // Slavica. 2012. Vol. 81 (2). P. 206.*

и царства, идеал православной монархической государственности), но и идею преодоления «европоцентризма».

Яркий мастер «византийского стиля» в России – В.А. Косяков (1862–1921). В Петербурге в этом стиле по его проектам построено несколько храмов. *Уникальными образцами* «византийского стиля» стали Морской собор в Кронштадте и Казанский храм Новодевичьего Воскресенского монастыря. Это церковная архитектура Константинополя VI в., ожившая в Петербурге начала XX в., чтобы вновь стать «открытой» трудами реставраторов через сто лет, уже в начале XXI в.

В настоящее время принят подход, согласно которому прототипом и Свято-Никольского собора, и Казанского храма является Святая София Константинопольская. Однако Казанская церковь представляет собой «архитектурное подобие» другого храма – константинопольской церкви-усыпальницы святых Сергия и Вакха.

Очевидна идентичность внутренней архитектурной структуры обоих храмов. Это октагон с двухъярусным обходом и венком чередующихся ниш с их характерным ритмически меняющимся завершением. В.А. Косяков не просто следует общему плану, а скрупулезно воспроизводит отдельные элементы целого, видя в архитектуре византийского храма совершенное воплощение духовного замысла – *антропологической идеи Православия*.

В пространстве обоих храмов, константинопольского и петербургского, человек ощущает себя как единственно твердое тело, центр недоступного сознанию совершенства мира, непрестанно создаваемого Премудростью Божией. В них воплощена сущность *православной духовности, раскрывающей центральное место человека в сотворенной и творимой Вселенной для благодатного спасения его бессмертной души*. Существует удивительно глубокое постижение духовного смысла языка архитектуры храма Свв. Сергия и Вакха. Это вдохновенное художественно-искусствоведческое истолкование Г.С. Колпаковой.

Антропологическая идея Православия, наиболее глубоко выраженная в архитектуре «золотого века» Юстиниана, созвучна антропному принципу космологии, открытому в астрофизике в начале XX в., согласно которому Вселенная специально создана для человека. Важен сам факт «тонкой настройки» Вселенной на «волну жизни». В настоящее время действуют два подхода. «Слабый» антропный принцип утверждает, что сложные структуры образуются самопроизвольно, и Жизнь – это великая галактическая случайность. Согласно «сильному» антропному принципу, Вселенная устроена так, что должны появиться не только живые существа, но и разумные существа, «наблюдатели». То есть, что человек не только возможен, но необходим Космосу! По сути, здесь проявляются две различные философские позиции. В «слабом» – слегка завуалированный материализм. В «сильном» – то, что вернее назвать не идеализмом, а *духовным пониманием мира*. Но настоящий «смысл вещей» открывают не только естественные науки. Ещё во второй половине XIX в. русский мыслитель Николай Николаевич Страхов (1828–1896), естественник по образованию, в книге «Мир как целое» писал: «Человек – величайшая

загадка и величайшее чудо мироздания. Природа стремится к нему как к своему пределу». По сути дела философ сформулировал антропный принцип.

Выйдя из недр естествознания, антропный принцип оказался сегодня на стыке трех областей, и для его понимания необходим диалог ученых, философов и богословов.

Архитектурный образ интерьера храма во имя Казанской иконы Божией Матери, воспроизводящий храм святых Сергия и Вакха, может быть истолкован как богословское воплощение антропного принципа.

Е.О. Смирнова

Государственный институт искусствознания (Москва)

Двойная церковь Учайак XI века на востоке Малой Азии

Храм Учайак (Üç-Ayak) относится к средневизантийскому периоду, в котором происходит развитие и становление канона храмового строительства. Он находится в центральной части Анатолийского нагорья. Церковь относится к редкому варианту двухапсидных церквей, когда пространство здания разделено на два нефа стеной, имеющей большой проход, перекрытый сводом.

Памятник византийской архитектуры Учайак упоминается в редких исследованиях, ограниченных определенными аспектами изучения этой постройки. Особенности церкви Учайак рассматриваются нами в контексте двойных храмов в византийской архитектуре, а также освящается вопрос ее функциональности.

Двойные церкви или церкви с двумя апсидами известны на территории Каппадокии, Месопотамии, Греции, Армении в ранне- и средневизантийскую эпоху. По своему плану они имеют различные вариации. Самые распространенные из них двойные церкви, например, церковь Корлука-Тиль и церковь Эски Пертек (Каппадокия). В Греции много примеров двойных храмов с одним общим пространством, например, церковь св. Георгия Карпатос на Кипре и церковь Панагия Орфани на острове Наксос.

Стена, разделяющая нефы, встречается редко, например, храм Св. Пахомия Великого (Агиос Пахомиос Апиранту) на о. Наксос. Чаще всего двойные храмы разделяются столпами, например, баптистерий комплекса Алахан Монастир в Исаврии V в. или двойная церковь Агиос Кирикос Милиону на о. Икария (Греция). В большинстве случаев в двойных храмах второй неф пристраивался позднее. В Учайаке же оба нефа возникли одновременно. Также надо отметить, что в отличие от аналогичных построек, которые часто были сильно вытянуты по оси восток-запад, план Учайака приближен к квадрату.

Размеры церкви Учайак намного превышают размеры построек большинства двойных церквей не только по длине и ширине здания, но и по

высоте. Это дает нам повод думать о его большей значимости и ориентации на столичные постройки.

Достоверное посвящение церкви Учайак неизвестно. Однако по данным сохранившейся лапидарной надписи 979–980 гг., находящейся в грузинском монастыре Зарзма, Учайак возможно имеет уникальную интерпретацию собственной функциональности, поскольку находится на месте победы императорского войска над мятежниками; церковь могла быть посвящена двум святым покровителям правивших в то время императоров: Василия II и Константина VII.

С.Б. Сорочан

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Еще раз о политическом статусе крымской Сугдеи в VI–X вв.

Истина появляется в отдельных работах отдельных исследователей, а подтверждается лишь коллективным мнением всех исследователей, признающих ее или отвергающих. К сожалению, в работах, посвященных выяснению положения Сугдеи в раннесредневековый период, единства мнений не достигнуто. Это заставляет еще раз обратиться к указанной теме и попытаться выделить в ней то, с чем, как нам кажется, можно согласиться безоговорочно.

К настоящему времени сложились три основные, взаимно противоположные версии, каждая из которых является в определенной мере гипотезой. Первая и самая давняя: господство Хазарского каганата в Сугдее и ее хазарский статус с конца VII и до X в. включительно (В.Г. Васильевский, И.А. Баранов, А.И. Айбабин, В.В. Майко, А.В. Джанов, М.А. Никифоров). Вторая, высказанная относительно недавно: город входил в систему кондоминатного сотрудничества Византийской империи и Хазарского каганата, которое продолжалось с конца VII до IX вв., времени создания фемы Климата и Херсона в Крыму (С.Б. Сорочан, В.Е. Науменко, А.Н. Домановский). Третья версия, столь же недавняя: Сугдея практически всё время оставалась ромейским городом (Е.В. Степанова, Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов).

Приводя аргументы и контраргументы в пользу своих гипотез, исследователи зачастую отсекали исторически невозможные варианты. Прежде всего, ныне не вызывает сомнений, что знатный правитель, или один из правителей города, по имени Георгий Тархан, известный во второй половине VIII в. из разных версий Жития Стефана Сурожского, не был хазарином, тюрком. Он был христианин-ортодокс, слушавшийся наставлений и советов епископа города, в котором значительное число жителей было христианами и увеличивалось благодаря активной миссионерской деятельности ромейского духовенства. Вместе с тем, несомненно, что он зависел от хазарских властей, которые, кто бы они ни были и где бы не находились, могли вызвать его из города для своих предписаний. Вторая несомненная истина: город поддерживал очень активные политические, церковные и экономические связи с Романией,

на что указывают сотни византийских моливдулов, найденные главным образом в море, в бухте Лимена-Кале, то есть порту Сугдеи. Самые ранние из них относятся ко второй половине VI – первой половине VII в. и принадлежали византийским чиновникам разных рангов, главным образом, связанных с финансами и налоговой сферой. До XI в. среди них нет печатей византийских функционеров, византийской администрации собственно Сугдеи, подобных архонтам или коммеркиариям Херсона, что не позволяет однозначно определить статус Сугдеи как византийского города. Вместе с тем, нет никаких свидетельств присутствия здесь хазарских властей и, значит, господства хазар. Обращает на себя внимание увеличение с IX в. числа моливдулов, принадлежавших архонтам, а затем, после образования фемы Климата, стратигам Херсона, что должно иметь объяснение.

Таким образом, невозможно не заметить факт определенной степени подчиненности Сугдеи как властям Империи, так и Хазарского каганата, причем подчиненность последнему наиболее отчетливо прослеживается в VIII в. С IX в. рост власти Византии – прямой и через Херсон – в Сугдее становится всё более отчетливым. Динамика находок соответствующих моливдулов – красноречивое тому свидетельство. В XI в. эта тенденция выльется в оформление самостоятельной стратигиды, со временем подчиненной стратигу фемы Херсона. Наличие печатей сугдейских стратигов первой половины XI в. и хорошо известной лапидарной надписи 1059 г. с упоминанием стратига Херсона и Сугдеи не оставляют в этом ни малейших сомнений.

Из всего сказанного представляется, что наиболее логично, непротиворечиво отражает ситуацию VIII в. в Сугдее концепция ее кондоминатного статуса. Именно этот статус Сугдеи объясняет, почему город имел грекоговорящую правящую знать, ориентированную и на византийские, и на хазарские власти. Этот статус предусматривал неприменение вооруженной силы, совместную эксплуатацию оговоренных дипломатическим соглашением территорий, управляемых местной знатью; и византийские власти через своих логофетов апофик и геникона, коммеркиариев, хартулариев, табулариев получали соответствующие доходы, тогда как хазары, вероятно, взимали дань. В любом случае, Сугдея не могла быть самобытным крымским «вольным городом» под управлением местной знати. В том суровом мире это была бы непомерная, невозможная роскошь. Покровительство сильных держав ценили, более того, к нему стремились любыми путями как к фактору стабильности. Каким бы ни было подчинение, формальным или не формальным, через выплату налогов, пакта или дани, оно выражалось в сотрудничестве – а значит, и в 100–150-летней зависимости и от византийских, и от хазарских властей; но эта зависимость стала для Сугдеи односторонней, только византийской, не ранее времени ослабления каганата в IX в. и создания фемы Херсона около 835 г. Дальше всё шло в этом направлении по нарастающей и действительно вылилось в безусловное подчинение византийскому стратигу, каким бы он ни был – херсонским или своим, сугдейским.

В.П. Степаненко

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**К иконографии изображений печати
князя Олега (Михаила) Святославича**

В собрании музея Шереметьевых в Киеве хранятся 2 экземпляра печати, приписываемой князю Олегу (Михаилу) Святославичу (Николаевичу), в бытность его правителем Тмутаракани. Судя по надписи («архонт Таматархи и дука всей Хазарии»), печать может быть датирована концом 80-х – началом 90-х гг. XI в., после возвращения князя в Тмутаракань после четырехлетней ссылки на Родос, ближе к 1094 г., когда князь вернулся на Русь, передав Тмутаракань Византии. Судя по качеству, матрицы печати были сделаны в Византии, возможно, в Константинополе.

На печати изображен архангел Михаил в ипостаси архистратига небесного воинства, т.е. в доспехах воина – кирасе с птеригами, с лежащим на плече мечом в правой руке и опущенными ногами в левой. Справа у ног архангела распростерлась в проскинезисе маленькая фигурка человека.

В Византии изображение адоранта в проскинезисе – довольно редкое явление. На мозаике в Св. Софии изображен император Лев VI, распростертый у ног Христа, император Аркадий в той же иконографии – перед ангелами в миниатюре X в., ктитору Никифору и Вассиану у ног Христа Пантократора в абсиде Каранлик-килисе в Каппадокии (XI в.). В XII в. это ктитор Мартораны (Палермо) Георгий Антиохийский у ног Богоматери. В Касторье среди множества изображений ктиторов лишь в ц. Панагии Мавриотиссы в росписи абсиды ктитор в проскинезисе припадает к стопам Богоматери.

По-видимому, только данные изображения адорантов, распростертых у ног святого, являют собой собственно проскинезис, имеющий восточные корни (казус Александра Македонского). Образ же коленопреклоненного ктитора (два ктитора у ног лоратного архангела Михаила в т.н. церкви Никифора Фоки середины X в. в Чавушине, Каппадокия) к проскинезису, как кажется, отношения не имеет. Но данная иконография преобладает в сцене «Явления архангела Михаила Иисусу Навину» и исследована С. Габелич по памятникам Византии и стран византийского культурного круга. И если она включена в цикл деяний Архангела, то атрибуция ее неоспорима; но в единичных изображениях без надписи определение сюжета достаточно спорно, учитывая существование композиций с коленопреклоненными ктиторами, в том числе, и перед архангелом Михаилом.

Иконография Явления известна как минимум с середины X в. (Чавушин), и на русской почве доживает до XVII в. (т.н. знамя Сапеги в музеях Московского Кремля). Вне данной традиции оказались изображения южных врат собора Рождества Богородицы в Суздале 1-й четверти XIII в., где адоранты (и не только) изображены именно в позе проскинезиса во всех сценах данного

цикла, и икона XIII в. из Успенского собора Московского Кремля с изображением архангела Михаила и припавшего к его ногам человека в позе проскинезиса. Традиционно она трактуется как «Явление архангела Михаила Иисусу Навину», хотя иконографически более близка византийским прототипам – сценам поклонения ктитора или адоранта святому.

И, наконец, византийская пелена или хоругвь из Урбино (XV в.?) с изображением некоего Михаила, поклоняющегося архангелу Михаилу как архистратигу небесного войска. Судя по надписи, заказчик, уподобляя себя Иисусу Навину и обращаясь за помощью к Архангелу, намеренно избрал в качестве иконографического образца именно сцену Явления Михаила – архангел в рост в полном вооружении и стоящий перед ним на коленях адорант. Отметим, что традиционная атрибуция пелены ошибочна, так как основана на ошибочном же отождествлении заказчика, что требует дальнейшего изучения.

Таким образом, в подавляющем большинстве памятников Иисус Навин представлен коленапреклоненным перед Архангелом. Иконография сцены на печати князя Олега иная. В контексте существующей традиции изображений ктитора или адоранта перед божеством вероятнее предположить, что именно сам князь представлен здесь как кающийся грешник у ног своего небесного покровителя. Для византийской сфрагистики данный сюжет уникален и, повторим, изображения заказчика на частных печатях, кроме давно известного Ставракия, пока неизвестны.

А.Д. Стржалковская

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

О литургии Александрийской Церкви и влиянии IV Вселенского собора на ее развитие

В истории древнего евхаристического обряда с течением времени произошло немало изменений. Единая по существу и замыслу литургия подвергалась всевозможным влияниям и изменениям. Поэтому сохранилась большая разнообразность литургических типов. Историками-литургистами выделено несколько схем, классификации типов литургии по их характерным особенностям. О. Киприан (Керн) в своем исследовании «Евхаристия» следует схеме Ф.Э. Брайзмана, с исправлениями, сделанными И.А. Карабиновым. По данной схеме александрийская отрасль литургий относится к египетским литургиям.

Александрийская Православная Церковь относится к восточным христианским церквам, и, по преданию, основана около 42 года апостолом и евангелистом Марком в городе Александрии (Египет). Марк был учеником апостола Петра, как об этом говорится в 1-м Послании Петра: «Приветствует

вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1 Петр. 5:3). Согласно традиции, он стал первым епископом в Александрии. В процессе распространения христианства Египет стал христианским, а Александрия – важнейшим центром христианского богословия и науки.

Александрийскую литургию в целом связывают с именем св. апостола и евангелиста Марка¹. По мере распространения христианства она стала образцом и основой многих литургий, появившихся в Африке с V в., и употреблялась у православных христиан Александрийской церкви. Но на литургию в этом регионе оказали влияние различные культурные факторы, и литургия Св. Марка в Александрийской церкви приобрела некоторые особенные характерные черты.

На православную литургию Александрии V в. оказали влияние исторические процессы в христианской Церкви. В первые века н.э. происходило противостояние с разного рода сектами. Александрия становится местом жарких богословских дискуссий. Последователи Св. Кирилла Александрийского, в частности, его преемник по кафедре Диоскор (444–451), неверно истолковывали некоторые положения самого христианского учения, что привело к распространению монофизитства. На IV Вселенском соборе 451 г. Диоскор был низложен, что привело к религиозным волнениям в Александрии. Эти события описаны у Евагрия Схоластика в его «Церковной истории»: «Ритор Приск рассказывает, что он в то время прибыл в город Александра из провинции фиванцев и видел народ, вступивший в схватку с властями, и как они (восставшие), когда военный отряд хотел воспрепятствовать мятежу, принялись бросать камни, обратили (солдат) в бегство...» (Evag. Schol. Hist. Eccl. II, 5).

События, произошедшие после IV Вселенского собора, стали началом заката некогда великой Александрийской кафедры. В значительной степени этому способствовало то, что в самой Церкви долгое время шла борьба между монофизитствующими и православными епископами. Это привело к тому, что основная часть христианского населения Египта уклонилась в ересь и образовала Коптскую церковь, придерживающуюся монофизитского учения. Это привело к упадку Александрийского Патриархата как в церковном, так и в богословском отношении.

Это разделение отразилось и на литургии. После монофизитского движения и Халкидона начинает развиваться, а потом и преобладать местная культура – коптская и эфиопская. В Коптской церкви зародилась собственная литургическая традиция. После отделения египетских яковитов от Православной Церкви (451 г.) они постепенно стали у себя заводить свое церковное устройство, свое управление, свои обычаи. Это привело к появлению множества различных литургий, которые требовали унификации, и только семидесятый патриарх александрийских коптов Гавриил, сын Тариха, живший

---

¹ Собрание древних литургий восточных и западных. Анафора евхаристическая молитва. М.: Даръ, 2007. С. 431.

в XII в., объявил, что он под угрозой отлучения от Церкви запрещает употреблять все другие литургии, кроме «литургии святого Василия, святого Григория и святого Кирилла». Об этих трех литургиях постоянно упоминают коптские писатели с VII в. Коптская литургия происходит от греческого александрийского чина, и уже в IV в. она начала приобретать свои характерные черты. Ее служат ныне на коптском и арабском языках¹.

Касательно литургии Александрийской церкви о. Киприан Керн подчеркивает: «Христианская культура была занесена в Египет из Византии силой и несла в себе греческое влияние, которое находило для себя созвучную и сочувственную местную эллинистическую традицию»².

В Александрийской Православной церкви судьба Александрийской литургии апостола Марка в течение времени претерпела ряд влияний, изменений и дополнений. Она была распространена до XII века и в других местах христианского мира, и потом по настоянию Византии была вытеснена и уступила даже в Александрийской области место литургиям константинопольского происхождения³.

Л.Г. Тоноян

Санкт-Петербургский государственный университет

Роль Михаила Пселла в истории логики⁴

В вопросе о роли Михаила Пселла (1018 – около 1078) в истории логики остается много неясного. Приоритет Пселла в изложении различных логических тем упирается в решение вопроса об авторстве труда под названием «Обзор Логики Аристотеля Михаила Пселла», или просто «Синописис Пселла»⁵. Сочинение не указывается обычно в списке трудов Пселла (его нет и в «Греческой патрологии» Миня), однако мы не имеем достаточных оснований, чтобы полностью отвергнуть авторство Пселла.

Одним из свидетельств признания приоритета Михаила Пселла в изложении логических тем может служить тот факт, что в большинстве учебников и справочных изданий изобретение «логического квадрата» (наглядной схемы для запоминания всех отношений между видами суждений) до сих пор приписывают ему. Между тем, для любого интересовавшегося историей логики очевидно, что приоритет принадлежит здесь вовсе не Пселлу.

---

¹ Заев В. Конспект лекций по истории Поместных Православных Церквей для IV курса. Киев: КДА, 2003. С. 29–30.

² Керн К. Евхаристия. Из чтений в православном богословском институте в Париже. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005. С. 39.

³ Робертсон Р. Восточные христианские церкви: церковно-исторический справочник. СПб., 1999. С. 39.

⁴ Исследование осуществляется при содействии РГНФ, проект 15-03-00138а «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

⁵ Synopsis organi Aristotelis Michaelis Psello auctore / Ed. El. Ehinger. 1597.

Достаточно провести небольшое историко-логическое исследование, чтобы отодвинуть это изобретение, по крайней мере, на девять веков назад: с XI на II век н.э. Несомненные свидетельства разработки логического квадрата имеются в трактатах Боэция (VI в.), Марциана Капеллы (V в.) и даже у Апулея (II в.)¹.

Дискуссия об авторстве «Синописиса» ведется издавна. В XIX в. известный немецкий историк логики Карл Прантль признал приоритет Пселла². Он привел разнообразные аргументы, указывающие на принадлежность «Синописиса» Михаилу Пселлу. Однако мнение Прантля вызвало и до сих пор вызывает споры среди историков. Известно, что рукописи с таким же текстом, но на латинском языке стали основой для многочисленных изданий «Суммул логики» Петра Испанского (1210–1277, известен как папа Римский Иоанн XXI) – учебника, получившего самое широкое распространение в Европе (он выдержал 48 изданий за 50 лет). Наличие в греческом тексте примеров из латинской грамматики, а также то, что на мюнхенской рукописи, датируемой XIV в., стоит надпись: «Синописис мудрейшего Михаила Пселла», а в московской и оксфордской рукописях сказано: «Из диалектики магистра Петра Испанского. Изложение Схолария», и привело медиевиста Мартина Грабманна к предположению, что «Синописис» представляет собой перевод с латинского на греческий, сделанный Геннадием Схоларием (ок. 1400) с учебника Петра Испанского. Грабманн показал, что Петр Испанский продолжает традицию своего учителя Вильяма Шервуда, а не Пселла. В последних исследованиях западных византинистов³ мы видим подтверждение и развитие этого мнения. При этом высказываются предположения о других византийских текстах о логике Аристотеля, которые действительно могут принадлежать Михаилу Пселлу.

В отечественной историко-логической литературе наиболее полное изложение и критический анализ средневековых логических трактатов дан в труде М.И. Владиславлева⁴, который, разбирая подробно текст трактата, утверждает, что трактат Пселла почти целиком вошел в учебник Петра Испанского, и не выражает сомнений в авторстве Пселла. Другой наш отечественный специалист в области логики А.О. Маковельский также соглашался с мнением К. Прантля и М.И. Владиславлева о принадлежности «Синописиса» Пселлу и добавлял свои аргументы в пользу этого мнения⁵. Остальные отечественные авторы, в том числе современные, ссылаются в этом вопросе на Маковельского.

Вопрос об авторстве «Синописиса», а также многие другие историко-логические проблемы могут быть разрешены только при более основательном

¹ См., напр.: *Тоноян Л.Г.* История логического квадрата: связь онтологических оснований и логического следования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 4. Т. 2. Философия. СПб., 2011. С. 157–168.

² *Prantl C.* Michael Psellus und Petrus Hispanus: eine Rechtfertigung. Leipzig, 1867.

³ *Ierodiakonou K.* Byzantine Philosophy and its Ancient Sources. Oxford University Press, 2002.

⁴ *Владиславлев М.И.* Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. СПб., 1872.

⁵ *Маковельский А.О.* История логики. М., 1967. С. 222–224.

знакомстве с трактатами византийских логиков. История логики в Византии мало исследована. В современной русскоязычной литературе мы встречаем лишь некоторые сведения, полученные из трудов западноевропейских исследователей. В последнее время в России несколько возрос интерес к византийской культуре, науке, образованию. Появились и публикации, посвященные развитию логики в Византии, основанные на изучении источников¹.

Вопрос о роли Михаила Пселла в логике остается пока открытым. Принимая аргументы исследователей, опровергающих авторство Пселла, следует не забывать об авторитете Пселла как знатока логики среди его современников. И многие современные историки характеризуют философию Пселла как наиболее рационалистическую среди остальных философских учений Византии. Рационалистическую линию в философии продолжили младшие современники Пселла – Иоанн Итал и Михаил Эфесский, которые также занимались логикой. В докладе для прояснения вопроса об авторстве «Синописа» будут сравниваться трактаты двух современников (XIII в.): «Логика» византийского автора Никифора Влеммида² и латинский учебник Петра Испанского.

С.В. Ушаков

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

«Базилика Крузе» в Херсонесе: о времени сооружения храмового комплекса

Одна из причин удивительной устойчивости Империи ромеев на протяжении столетий, несмотря на перипетии внутренних смут и почти постоянных войн с внешними врагами, – поддерживаемый властью и обществом «цивилизационный код», ядром которого, без сомнения, являлась единая вера – восточное христианство («кафоличество»), как в центре, так и на периферии обширного государства.

Херсонес Таврический, превращающийся в эпоху Великого переселения народов в византийский Херсон – яркий пример этого явления. Судить о нем можно, в том числе, на основе изучения истории строительства христианских храмов. Однако, к сожалению, почти все известные нам ранневизантийские храмы здесь (и базилики прежде всего) были раскопаны еще в XIX или начале XX в., когда археологическая методика, как и сама наука в целом, находилась в стадии становления, и многие важные детали исследований попросту не фиксировались. Всё это стало в будущем (в связи с почти полным молчанием

---

¹ См., например, *Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А.* «Ксенедем» Феодора Продрома: возрождение платоновского диалога в Византии XII века // Вестник РХГА. Том 16. № 4. 2015. С. 30–38.

² *Тоноян Л.Г.* Никифор Влеммид и его «Логика» // Вестник РХГА. Т.15. Вып. 4. СПб., 2014. С. 58–66.

письменных источников) одной из важнейших причин постоянных и неутрачиваемых дискуссий по поводу начала утверждения христианства на таврической земле. Конечно, есть и исключения. Среди них – комплекс построек «базилики 1936 г.», открытый Г.Д. Беловым, материалы которых, впрочем, до настоящего дня, так и остались в значительной степени неопубликованными.

Еще одним известнейшим символом Херсонеса–Херсона является так называемая «базилика Крузе» в Северо-восточном районе города, с началом исследований которой в 1827 г. Карлом Крузе начинается почти 190-летняя эпопея херсонесских раскопок. Позднее в археологических работах на памятнике участвовал и представитель Императорской археологической комиссии К.К. Косцюшко-Валюжинич (имеется в виду небольшие раскопки 1891 г.). Позволю напомнить, что за последующие годы появились краткие, пусть и выразительные страницы историографии, все в обзорных работах, где отмечалось архитектурное своеобразие постройки (например, Д.В. Айналовым в 1905 г.). А.Л. Якобсон связывал это своеобразие с влиянием ближневосточных (сирийских) образцов, считая возможным отнести начало строительства храма к V веку. С.Б. Сорочан, напротив, опираясь на особенности литургического устройства базилики, упоминая и новые археологические находки, считает, что она определенно вписывается в череду основных построек города второй половины VI – первой половины VII в.

Проблема неспроста. В какую же историческую реальность надо «вписать» время строительства нового храма? От этого зависит и наше понимание ситуации в Херсонесе, главном опорном пункте Империи на севере. Как представляется, на сегодняшний день есть все основания достаточно определенно судить о времени строительства базилики: мы можем опереться на результаты десятилетних стационарных полевых исследований храмового комплекса. С 2005 г. по настоящее время археологическая экспедиция нескольких научных учреждений – КФ ИА НАНУ (теперь ИАК РАН), Херсонесского заповедника, Филиала МГУ в Севастополе и СевГУ ведет планомерные раскопки памятника, которые, явились прямым продолжением относительно небольших работ 1998 г., проведенных совместно с австрийскими коллегами – Р. Пилингер и А. Пюльцем. Они являются, в свою очередь, составной частью раскопок в Северо-восточном районе Херсонеса с 1974 г.

За это время на участке раскопок «базилики Крузе» нам удалось исследовать, среди прочего, мощные напластования нетронутого культурного слоя под полами центрального и южного нефов (мраморный пол левого покоился на выровненной материковой скале), нартекса, заполнения двух колодцев и двух рыбозасолочных цистерн. В том числе, изучена и засыпь цистерны, открытой перед самым храмом. Результаты этих работ в кратком виде нашли свое отражение в ряде небольших публикаций. На их основе выполнены предварительные графические реконструкции открытого комплекса в целом (В.В. Моор), интерьера храма (Э.Н. Карнаушенко, А.Д. Карнаушенко). Кроме того, мы открыли пристроенное с внешней стороны левой конхи

прямоугольное в плане помещение. Грунт под полами как этого помещения, так и нефов представлял собой искусственную подсыпку, сделанную прямо перед или во время строительства храма.

Анализ обширного массового археологического (прежде всего, фрагменты полутора десятков типов ранневизантийских амфор, краснолаковая керамика – фокейская, «понтйская» и херсонесская сигиллята) и нумизматического материала позволяет определить время сложения серии основных археологических комплексов «базилики Крузе». Это произошло около середины VI в., несомненно в эпоху Юстиниана Великого. Таким образом, если и относить время строительства храма к периоду второй половины VI – начала VII в., то только к самому его началу.

Эти события отражают время так называемого «переходного» периода в истории Херсонеса и Причерноморья, когда шла трансформация одного (античного) типа цивилизации в другой (византийский). В научной литературе, прежде всего на материалах Боспора (работы Н.Н. Болгова), развивается идея континуитета материальной и духовной культуры в позднеантичную (ранневизантийскую) эпоху. Что же касается Херсонеса, то наблюдаемый континуитет материальной и духовной культуры, как минимум, очень неполон. Как показывает специальный анализ, примерно с середины и конца IV – начала V в. начинается кардинальная смена всего керамического (можно даже сказать – вещевого) комплекса, а затем в городе начинают строиться новые культовые (христианские) комплексы, то есть идет смена культуры духовной. В хронологических рамках переходного периода, примерно до конца VI – начала VII в., наблюдается относительная преемственность основных элементов материальной культуры. Духовная культура наполняется новым содержанием. Именно эта переходная эпоха и создала условия для плавной «византинизации» Херсонеса, когда-то одного из крупнейших центров античной культуры в Причерноморье.

М.В. Фомин

Харьковская государственная академия культуры

Церкви Херсонеса IV в.

Проблема становления раннехристианской общины в позднеантичном Херсонесе сохраняет свою дискуссионность, несмотря на более чем столетнюю историю исследований. В этой связи значительный интерес представляет вопрос строительства культовых сооружений в наиболее ранний период истории Церкви в городе.

Во второй половине VI в. на территории города начался «строительный бум», в результате городская застройка претерпела значительную перестройку. Многие сооружения позднеантичного времени были разрушены или коренным образом перестроены. Ранние христианские храмы были разобраны, а на их

месте возведены новые, более величественные сооружения. Все это значительно усложняет поиск первых христианских храмов в городе.

В результате археологических раскопок был накоплен материал, позволяющий предположить значительное строительство христианских храмов уже в конце IV – начале V вв. К таким находкам могут относиться, в первую очередь, фрагменты раннехристианской скульптуры, мраморных рельефов, архитектурных деталей, свидетельствующие о богатом убранстве первых храмов. Среди находок присутствуют как произведения местных мастеров, так и привезенные из столицы.

Что касается самих сооружений, то Жития епископов херсонских упоминают о двух церквях. Первая из них была создана епископом Эферием (Еферием). Именно он мог быть устройтелем Херсонесской епархии: при нем Церковь получила в городе официальный статус, его имя фиксируется среди участников Второго Вселенского собора 381 г. Синаксарь Константинопольской Церкви (XII век) сообщает о его смерти в период правления императора Феодосия (379–395). Большинство специалистов склоняются к версии о том, что церковь располагалась на месте так называемой «Базилики 1935 г.» и традиционно именуемой в литературе как «ранняя базилика». Ряд авторов видит в ней позднеантичную синагогу. Можно предположить, что первоначально здесь был возведен религиозный комплекс, принадлежавший иудейской общине, о присутствии которой свидетельствуют как археологические находки, так и упоминания в «Житиях епископов Херсонских». Текст упоминает о гонениях на христиан, спровоцированных иудеями. Вследствие победы христиан здание синагоги могло быть перестроено в церковь. Произошло это, скорее всего в период до 393 г. когда был принят закон, запрещающий разрушать синагоги.

В результате перестройки к прямоугольному зданию была пристроена пятигранная апсида, стены были расписаны фресками в технике, близкой росписям раннехристианских херсонесских склепов, полы украшены мозаикой. Помимо прочего, помещение могло быть украшено скульптурой. В районе базилики был открыт фрагмент композиции «Добрый Пастырь».

В тексте «Житий епископов Херсонских» упоминается также церковь св. ап. Петра, возведенная св. еп. Капитоном на месте языческого храма Девы – Парфенос. Ряд специалистов предположили, что эта церковь располагалась на месте более позднего комплекса Восточной базилики и была разобрана при строительстве последнего. Во время раскопок, ведшихся здесь с перерывами с 1876 г. культурный слой был удален до скалы. Восточная часть здания с часовней-баптистерием и алтарной апсидой обрушилась в море.

Помимо упоминаний в письменных источниках сохранилось некоторое количество архитектурных деталей, которые могли принадлежать раннему храму. К ним относятся три плиты, некогда составлявших одну конструкцию. На лицевой стороне первой внутри рамки изображен Христос как безбородый юноша с нимбом, подающий руку тонущему Петру, справа сохранился парус, вероятно, от изображения корабля. На тыльной стороне – рельефная рамка и остатки рельефного креста. Сохранившийся текст переводится как «Господь

Иисус, подающий руку Петру». Сегодня плита хранится в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже. Вторая, известная как «Парижская плита», хранится в Лувре. На ее лицевой стороне, внутри рамки, изображен Христос в виде безбородого юноши с нимбом, протягивающего правую руку в жесте благословения; на тыльной стороне рельефная рамка. Текст переводится как «Господь Иисус, Говорящий Петру и спутникам его: бросьте справа от корабля сеть и поймаете». Третья плита, херсонесская, была найдена недалеко от Восточной базилики, на ее лицевой стороне видна верхняя часть рамки, а под ней – следы изображения головы. Текст расшифровывается как «Господь Иисус...». А.Ю. Виноградов датировал их IV – началом V в. Разное положение Христа на петербургской, парижской (слева) и херсонесской (справа) плитах, свидетельствует в пользу некоей композиции, построенной по принципу зеркальной симметрии.

Существует еще один артефакт: «посвящение Мартирия». Ктиторская надпись была открыта раскопками ООИД в 1876 г. и явно имеет отношение к церкви св. ап. Петра. Это две плиты алтарной преграды с рельефным изображением креста с расширяющимися концами и текстом «о молитве за Мартирия и всех его близких». Плиты также датируются концом IV – началом V вв.

Сложно сегодня говорить о том, что из себя представлял храм Св. ап. Петра, построенный Св. еп. Капитоном. Можно лишь предположить, что это могла быть конструкция базиликального типа с пристроенной или стоящей рядом крещальней, в которой и были крещены херсонеситы.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день в позднеантичном Херсонесе известны две христианские церкви, строительство которых может быть отнесено к концу 80-х – началу 90-х гг. IV в. О них сохранились упоминания в агиографических источниках, их присутствие в городе имеет также археологическое подтверждение.

Н.И. Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь)*

Путешественники, исследователи и политики второй половины XVIII – начала XIX в. в поисках византийской Корсуни¹

Сакрализация византийского Херсона произошла относительно недавно. В середине XVIII в. город не воспринимался как православная святыня, а по поводу его местоположения высказывались разные мнения. Показательно, что представление о сакральности Херсона-Корсуни отсутствует в киевском издании «Четий-Миней» Дмитрия Ростовского (1759) и в соответствующем томе «Acta sanctorum» (1798). Светские и церковные авторы подчеркивали

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

ключевое значение крещения киевского князя Владимира для русской истории и культуры, не придавая при этом значения его локализации в пространстве. Окончательное установление местоположения Херсонеса-Херсона-Корсуни и его превращение в религиозный центр, играющий особую роль в русском православии в связи с историей Владимира, случились после первого присоединения Крыма к России и начала научного изучения полуострова. Этот довольно длительный процесс можно считать примером того, как византийские памятники получали новую жизнь в новое время под влиянием таких разных факторов как политика, идеология, религия, исторические и археологические исследования.

В 1775 г. Екатерина II утвердила название «Херсон» для будущей крепости, которую планировалось соорудить за пределами Крыма – в Днепро-Бугском лимане. Выбор имени диктовался не только идеологическими соображениями, но и состоянием научных знаний. В русских летописях положение Корсуни неопределенно, а после того как в середине XV в. город оставили последние жители, некому было сохранить традицию, связывавшую руины «Желтой крепости» с историческим Херсоном. Ситуацию дополнительно усложняло то, что многие интеллектуалы путались в топонимах «Корсунь», «Херсон» и «Херсонес Таврический», причем, по их представлениям, значительный античный и византийский центр не мог остаться совсем без жителей и, следовательно, должен был превратиться в один из османских или татарских городов.

В итоге были предложены несколько вариантов. В.Н. Татищев отождествил летописную Корсунь с османской крепостью Кинбурн на Днепро-Бугском лимане. М.И. Ломоносов и М.М. Щербатов и их французские коллеги П.-Ш. Левек и Н.-Г. Леклерк полагали, что Владимир крестился в Кафе (Феодосии), городе в восточной части Крымского полуострова, а Ш. де Бар даже утверждал, что в 1784 г. видел там церковь, где это произошло. По мнению кабинетного географа Ж.-Б. д'Анвиля и путешественника К.-Ш. де Пейсоннеля, Херсон находился в западном Крыму и был известен в османское время под именем Кезлэв (нынешняя Евпатория). Версии о нахождении Корсуни в юго-западном Крыму, по-видимому, придерживался Г.-З. Байер. Русские топографы, начавшие работу на территории полуострова в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг., точно определили местоположение городища. Такого же мнения придерживались кабинетные исследователи И.-Г. Штриттер, И.-Э. Тунманн и И.Н. Болтин, а также путешественники В.Ф. Зуев, П. ван Вунсел и граф де Людольф.

Екатерина II считала крещение Владимира важнейшим событием в истории, тем более что в киевском князе она видела своего предтечу – «просветителя России». В 1782 г., начиная работу над «Записками касательно российской истории», императрица осознавала проблему, связанную с локализацией Корсуни, но доверилась авторитету Татищева. Однако присоединение Крыма, случившееся уже через год, заставило изменить официальную точку зрения. 8 марта 1784 г. был

утвержден герб Таврической области, символика которого говорила о крещении Владимира на Крымском полуострове.

Г.А. Потемкин прекрасно понимал, какой символический капитал можно получить, обнаружив место, где крестился князь Владимир. Потому он организовал поиски остатков города силами своих приближенных – архиепископа Евгения Булгари, полковника Бальдани и таврического вице-губернатора К.-Л. Габлица. Они к 1786–1787 гг. собрали доказательства того, что Корсунь находилась в юго-западном Крыму, убедив в этом своего патрона. Однако их сочинения не были изданы вовремя, и потому в обществе продолжали циркулировать «компромиссные» представления, соединявшие в истории с крещением Херсонес и Кафу (А. Нарушевич, П.И. Сумароков, М. Гатри, Г. де Каstellньо).

В начале XIX в. точная – с современной точки зрения – локализация Херсона становится общепринятой, благодаря завоевавшим широкую популярность исследованиям П.-С. Палласа, С. Сестренцевича-Богуша и Н.М. Карамзина. Однако о сакрализации развалин города речи еще не было. Так, в 1822 г. британец Р. Лайалл удивлялся равнодушию, с которым российское правительство и общественность относятся к развалинам города, откуда они получили свою религию. Вероятно, в это время памятники крымского христианства находилось «в тени» богатейшего античного наследия полуострова, которым путешествующие литераторы и их читатели интересовались в первую очередь. Показателен контраст с Киевом, который в конце XVIII – начале XIX в. ежегодно привлекал десятки тысяч богомольцев, а образованная публика пыталась отыскать в городе христианские древности.

Хотя Габлиц и Сумароков на рубеже XVIII–XIX вв. фиксируют местные предания, связывающие отдельные памятники Херсонесского городища с крещением Владимира, они не вышли за пределы региона. Путешественники первой четверти XIX в., оказавшись на развалинах Херсонеса, либо вообще не интересовались сюжетом о крещении Владимира (В.В. Измайлов, Г.В. Гераков, И.М. Муравьев-Апостол), либо не склонны были относиться к этому событию с религиозным пиететом (В.Б. Броневский, А.С. Грибоедов), причем среди последних были церковные деятели (Э. Хендерсон, М. Бжишкян).

Для сакрализации херсонесского городища понадобилось разыскать материальные остатки, которые можно было связать с историей Владимира. Существуют отрывочные сведения о раскопках на городище, проводившихся по указанию адмирала Ф.Ф. Мекензи в 1783–1786 гг. и Г.-К.-Э. Келером в 1804 г., но только широко освещавшиеся в прессе раскопки К. Крузе в 1827 г. открыли остатки трех византийских церквей. Это событие и стало тем рубежом, после которого в обществе увеличился интерес к христианским древностям Крыма, а церковные и политические деятели решили использовать его в идеологических целях. Сакральный статус Херсонеса в русском православии был окончательно оформлен с выходом «Истории русской церкви»

митрополита Макария (1846), основанием на городище монастыря (1850) и строительства колоссального Владимирского собора (1861–1892).

Л.Г. Хрушкова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Раннехристианский архитектурный комплекс в Севастополисе (совр. Сухум в Абхазии): план, функции, хронология

Изучение комплекса октагональной церкви в Севастополисе продолжается уже свыше четверти века¹. Комплекс состоит из двух частей: октагона и базилики. План центрального октагонального ядра осложнен четырьмя помещениями, расположенными крестообразно. В пространство, расположенное между восточным и южным рукавами креста, была вписана базилика. Положение базилики согласовано с планом октагона, который был сооружен первым (рис. 1).

Базилика средних размеров, ее длина составляет около 17 м. Она обладает некоторыми особенностями, ранее неизвестными в Восточном Причерноморье. Это аркосолии в продольных стенах, которые сейчас имеют вид ниш. Их наличие указывает на мемориальное назначение базилики, которая служила также и церковью евхаристического культа. Еще одна особенность базилики – вымостка *opus sectile*. Базилика пережила перестройку: ее столбы были заложены и превращены в стены.

У октагона Севастополиса не было апсиды, здесь мы имеем дело с архаичной версией этого типа. Октагональную церковь можно датировать первой половиной V в., что согласуется с данными стратиграфии. В центре октагона был заложен шурф, доведенный до материковой глины. Датирующей находкой нижнего слоя является стеклянная чаша конца I в. до н.э. – I в. н.э. В верхнем слое шурфа, предшествующем церкви, обнаружено около 20 фрагментов черепицы с клеймами *XV LEGIO APOLLINARIS. Notitia Dignitatum* не упоминает в Севастополисе этот легион.

Комплекс был разрушен в 542 г., во время византийско-персидской войны. Перестройка базилики в однефную церковь была связана с восстановлением города после пожара 542 г. По-видимому, большая купольная

---

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья IV–VII вв. М., 2002. С. 195–259; Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècles. Turnhout: Brepols, 2006. P. 57–70; Khroushkova L. Early Christian Monuments of the North-East Black Sea Coast: Excavations of 2001–2008 // Acta XV Congressus internationalis archaeologiae christianae. Toleti (8–12.9.2008). P. II / Ed. O. Brandt et al. Città del Vaticano, 2013. P. 1303–1306; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Северо-Восточного Причерноморья: раскопки 2001–2008 гг. // Православие в истории и культуре Северного Кавказа. Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений (Ставрополь, 14 мая 2014 г.) / Ред. игум. Алексей (Смирнов) и др. Ставрополь, 2014. С. 111–115. Ил. 2.

церковь в селе Дранда была построена тогда, когда Себастополис еще не был восстановлен. Эта церковь служила кафедралом Абазгского архиепископства¹.

Высказывалось мнение о том, что октагональная церковь Себастополиса была храмом, построенным Юстинианом для абазгов. Это кажется маловероятным. В церковной организации этого региона немало спорных вопросов. Один из них связан с Анакопией (совр. Новый Афон), где, согласно предположению В.В. Латышева, в XI в. был епископ. З.В. Анчабадзе считал, что кафедра Себастополиса был перенесена в Анакопию. По-моему мнению, более вероятно, что епископ Анакопии подчинялся архиепископу Сотириуполя (совр. Пицунда)². Это место в моей книге А.Ю. Виноградов передает следующим образом: якобы я считаю, что епископ Анакопии подчинялся архиепископу Себастополиса, что, по его мнению, «абсолютно антиисторично». Далее он повторяет мою точку зрения, но уже как свою собственную: Анакопия «была подчинена какому-то соседнему византийскому архиепископу... наиболее вероятный вариант – это архиепископ города Сотириуполя...»³. Здесь видим и искажение чужого мнения, и повторение чужого мнения как своего. К сожалению, это не единственный случай фальшивых ссылок в работах А.Ю. Виноградова. Еще один пример тоже связан с Апсилией. Был ли Евстафий – персонаж, связанный с событиями 30-х гг. VIII в. – первым апсильским святым⁴? Не входя в детали, отмечу только манеру цитирования А.Ю. Виноградова: он приводит выражение «апсильский патрикий», которое якобы встречается в моей книге⁵, однако на указанной им странице это выражение отсутствует⁶. То же самое повторяется в другой работе того же автора⁷. Бесспорно, искажение чужих мнений и ложные ссылки не могут способствовать уяснению дискуссионных вопросов.

¹ *Khrushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale...* P. 89–118, 131–133; русский перевод глав, посвященных эпохе средних веков: *Хрушкова Л.Г. Абхазия в эпоху средних веков: церковная организация и архитектура // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань, 2015. С. 98–168.*

² «À mon avis, l'évêque d'Anakopia pourrait plutôt dépendre de l'archevêque de Sotérioupolis»: *Khrushkova L. Les monuments chrétiens...* P. 92; рус. пер.: *Хрушкова Л.Г. Абхазия в эпоху средних веков...* С. 103.

³ *Виноградов А.Ю. Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / Отв. ред. и сост. Е.Ю. Ендольцева. СПб., 2011. С. 213–214, 220. Прим. 564 на с. 213.*

⁴ *Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья...* С. 59–60; *Khrushkova L. Les monuments chrétiens...* P. 25, 152.

⁵ *Виноградов А.Ю. Заметки о культуре святых Евстафиев на Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские Чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 287–289.*

⁶ *Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники...* С. 392.

⁷ *Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. 1 / Отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2013. С. 162–163.*

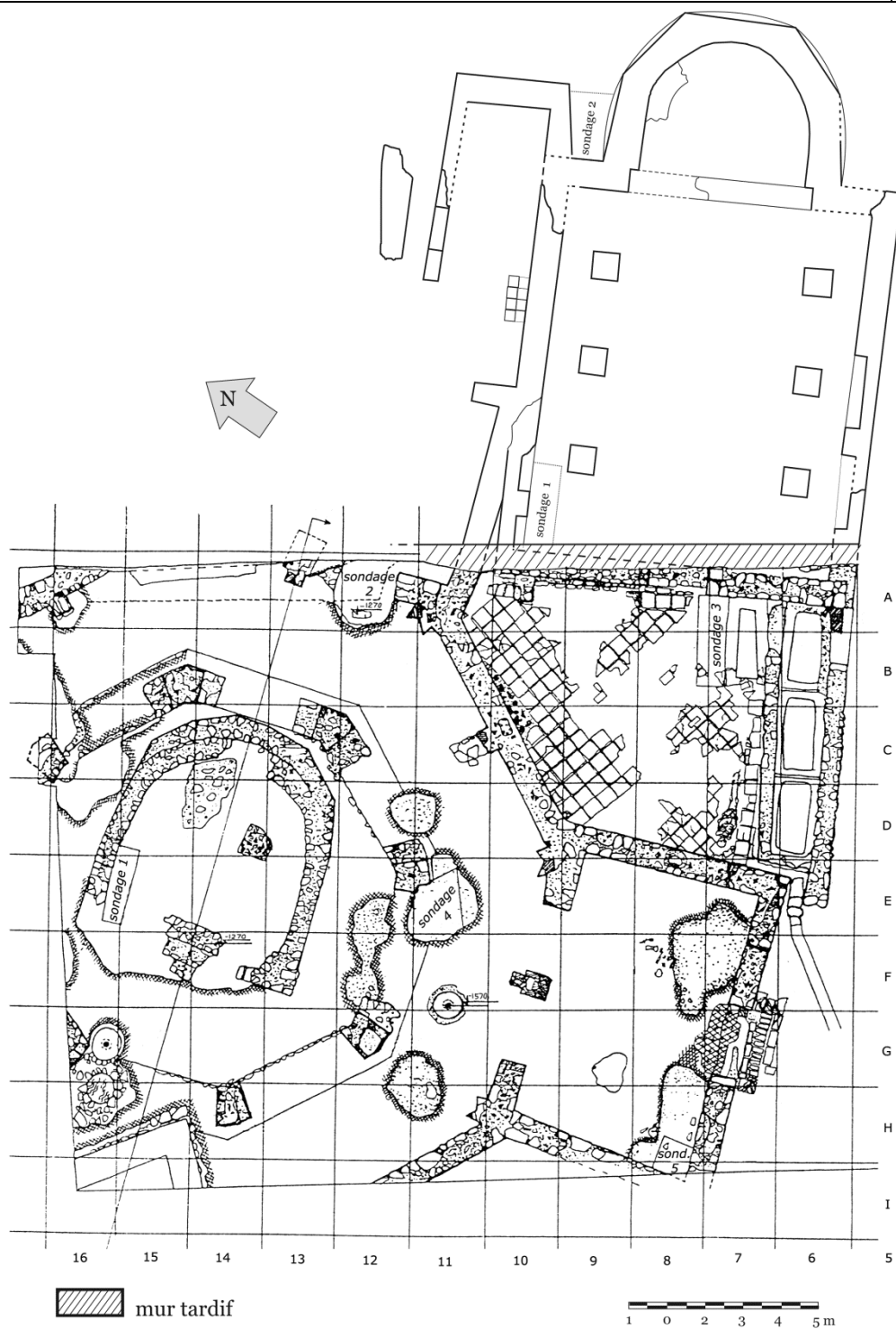

Рис. Себастополис. Комплекс октогональной церкви, план
(обмер и чертеж Г.А. Баронина и Л.Г. Хрушковой, 1990–1991, 2003–2004)

А.Г. Цыпкина

Архив Российской академии наук (Москва)

О реконструкции архива Трапезундской экспедиции*

Реконструкции архива экспедиции производится на основе отчётов, сохранившихся материалов научного характера (в том числе, черновиков), а также мемуаров и личной переписки участников. Если об экспедиции 1916 г. имеется больше сведений, благодаря подробному дневнику Ф.И. Успенского, то 1917 г. нуждается в более подробной реконструкции, в том числе, в выяснении авторства материалов.

Руководитель экспедиции писал: «Были произведены измерения и планы 4-х крупных памятников, сделаны копии в красках с наиболее важных из вновь открытых фресок; изготовлено до 20 акварельных рисунков. Начато детальное изучение кремля и стен, получены особо нужные наблюдения, которые возбуждают много новых запросов к истории Трапезунта». Если два памятника (Св. Евгений и Хрисокефалос) были изданы Н.Б. Баклановым, то чертежи Св. Софии, выполненные Н.К. Клуге в 1916 г., которые запрашивал Ф.И. Шмит для составления подробного отчёта, не найдены, даже неизвестно, были ли выполнены они до конца. В ноябре 1916 г. Клуге задаёт вопрос, «нужно ли будет вычертить план Св. Софии и др. чертежи, сделанные мною в Трапезунде только в эскизах» (СПбФ АРАН. Ф. 169 Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.).

Другой пример – сделанные Н.Б. Баклановым «подробное обследование и обмеры развалин т. наз. дворцовой церкви, находящейся в одной из башен» (с. 211 Отчёта)¹ и «планы верхнего и нижнего ярусов, высоты для разреза здания и ряд деталей внутри и снаружи здания, позволяющих до некоторой степени восстановить его древний вид, чрезвычайно редкий для крепостных сооружений», не были найдены ни в архивах экспедиции, ни в архивах Московского археологического общества, которому принадлежала по договорённости часть материалов, ни в личном архиве Н.Б. Бакланова. Однако в архиве экспедиции есть план, нарисованный военным инженером М.Э. Керном (Ф. 169. Оп. 1. Д. 8), стены с дворцовой церковью. На данный момент там хранятся также планы-эскизы фасадов, трапезундского кремля в целом, развалин дворца его же авторства, выполненные в октябре 1917 г. Кремль также довольно подробно сфотографирован экспедицией и сотрудником Красного Креста Ф.М. Морозовым, есть изображения фресок в ограде кремля. Н.Б. Бакланов сетовал, что развалины городских стен и дворца были им только осмотрены, потому что не доставало геодезических инструментов и раскопок.

---

* Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

¹ Здесь и далее цитируется отчёт: *Успенский Ф.И.* Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г. Доклад 17 января 1918 г. в заседании Отд. историч. наук и филологии Академии наук // Известия Академии наук. 1918. Сер. VI. № 5. С. 207–238.

Хотя раскопки не проводились, но измерения стен, возможно, были проведены М.Э. Керном. Н.Д. Протасов писал, что ему необходимо завершить наблюдения над сделанными им измерениями и привести в порядок черновики. Было ли это выполнено – неизвестно, как неизвестно и где находится упомянутая в автобиографии статья Н.Б. Бакланова о Трапезундской поездке за 1921 г. (обнаружены только его рисунки и акварели).

Изобразительные материалы экспедиции упоминаются и на с. 211 Отчёта – копии красками, выполненные Н.К. Клуге. Однако акварелей Клуге в фонде экспедиции почти нет: только 3 изображения, относящиеся к Св. Софии. Н.Е. Макаренко (с. 220) были зарисованы «все изображения» дворцовой церкви, покрывающие «полукружие развалин церкви» (сохранившаяся западная часть в форме полукружия), а также «изображение панциря неизвестного святого». Далее археолог указывает, что он «очищал фреску Св. Евгения, акварелью в натуральную величину написал 1) голову его (с. 219), 2) деталь шитого оплечья на его одежде и 3) деталь шитого подола». Все эти части изображения были также сфотографированы и хранятся ныне в фонде экспедиции. Логичным будет вывод, что эти снимки были сделаны, скорее всего, именно Н.Е. Макаренко, который провёл в дворцовой церкви около двух недель. Известно также, что Успенский спрашивал Н.Б. Бакланова о фотографии Св. Евгения из дворцовой церкви, сделанной фотографом Лядовым, посланным на деньги А.А. Бобринского для запечатления рельефов (потом Лядов стал помогать экспедиции). Поэтому другая часть сохранившихся изображений фресковой живописи могла быть сделана Лядовым. Макаренко ещё удалось выяснить имя (прочитав надпись над изображением) ктитора дворцовой церкви. О результатах он, однако, не сообщает даже в Отчёте, и в описаниях росписи Макаренко и Успенского есть противоречия. Авторство акварелей с изображениями головного убора ктитора дворцовой церкви тоже могло принадлежать Н.Е. Макаренко. Благодаря этим материалам, можно реконструировать часть фресковой живописи дворцовой церкви и внешний вид башни (ФО НА ИИМК РАН и СПбФ АРАН). Анализ фотографий и надписей на их обратной стороне свидетельствует, что кто-то из участников мог считать дворцовую церковь освящённой в честь Св. Евгения. Благодаря таким надписям также известно, что как минимум 8 снимков было сделано из [другого] храма Св. Евгения. Нумерация снимков экспедиции заменена в 1953 г. на архивную, на данный момент атрибутированы только 2 или 4 (если предполагались повторы) фотографии.

Дополнительным материалом по памятникам Трапезунда и его окрестностей может служить архив Ф.М. Морозова. Помимо уже указанного, на его фотографиях присутствует церковь Св. Анны и роспись внутри неё, храмы Преображения, Св. Саввы, Св. Кириака, пещерный храм.

Из девяти задач, поставленных Ф.И. Успенским перед участниками экспедиции по её результатам, до логического конца были доведены только 4. Из-за гражданской войны и революции не удалось выполнить и некоторые простые действия: например, осуществить для проведения сравнения пересылку фотографий изображения Св. Евгения на иконе и на фресках в дворцовой церкви.

А.А. Чекалова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Пальмира – первый реальный прообраз Византийской империи

В ходе кризиса III в. в результате ослабления центральной власти, когда распад империи достиг крайних пределов, на Востоке возникло обширное Пальмирское царство, в состав которого вошли Сирия, Египет, Палестина, римская Месопотамия, большая часть Малой Азии и которая явилась первым реальным прообразом Византийской империи.

В целом, можно сказать, что Пальмира в полной мере воспользовалась кризисом III в. для создания независимой от Рима обширной державы. После жестокого поражения римской армии и взятия в плен Шапуром I римского императора Валериана Восток, предоставленный самому себе, мог теперь жить на собственный лад. История возвышения и гибели Пальмирского царства обнаружила резкий перелом в политическом развитии Сирии и изменение тех целей, которые ставили перед собой или достижения которых стихийно добивались социальные слои, определявшие направление общественного движения в Сирии во второй половине III в. Эти слои теперь стремились к монархии сасанидского образца, к абсолютному единодержавию, отказываясь, по существу, от традиций Антонинов, от идеалов, нашедших отражение в сочинениях Филострата и Геродиана. Вместе с тем они, в том числе, и приближенные претендентов на власть, как показывает пример Септимия Ворода, использовали и механизм городского самоуправления.

Сохранившиеся источники не содержат информации о том, какие события внутреннего характера середины III в. вызвали столь резкое изменение общественных настроений. Насколько можно судить из имеющихся данных, сыграли важную роль соображения внешнеполитические. Очевидная слабость центральной власти, особенно в условиях военных переворотов, делала Сирию легкой добычей иранских захватчиков. Интересы обороны требовали создания сильной общесирийской власти.

Неудивительно, что политическое развитие Сирии в III в. привело в конце концов к созданию государства Одената и Зиновии, явившегося едва ли не первым реальным прообразом Восточной Римской империи, точнее сказать – Византии. Судя по тому, что известно о государственном строе Пальмиры того времени, она была не только хронологически, но и типологически предшественницей системы домината, установившейся после прихода к власти Диоклетиана¹. Как известно, уже Евтропий отмечает, что Диоклетиан «первый привнес в римскую систему управления форму царствования более, нежели римской свободы»². В этом он явился прямым продолжателем Зиновии, установившей при своем дворе, персидский царский церемониал (*vixit regali pompa, more magis Persico adorata est, regum more Persarum convivata est*)³. В особенности существенным представляется

¹ См.: *Bengston H. Grudriss der römischen Geschichte (mit Quellenkunde). München, 1982. Bd. 1. S. 387.*

² *Eutrop. IX. 26.*

³ *Treb. Poll. Tyr. Trig. 13.*

Евтропию введение адорации – простирания ниц перед владыкой в качестве приветствия¹, но и в этом, как показывает текст Требеллия Поллиона, он по существу только продолжал начатое Зиновией.

В целом, несмотря на то, что после гибели Пальмирского царства отдельным императорам пришлось бороться с соперниками, в том числе, и в Сирии, где против Проба выступил наместник Сирии Сатурнин (276–282 гг.), и самому Диоклетиану, насколько явствует из сообщений Ливания, пришлось расправляться со своими противниками в Антиохии, – в целом, устойчивость режима, который был создан на Востоке Зиновией и окончательно оформлен Диоклетианом и его преемниками, показывает, что для него уже имелась определенная социальная база.

Д.А. Черноглазов

Санкт-Петербургский государственный университет

**Pluralis reverentiae и pluralis majestatis в Византии:
к вопросу об эволюции этикетных норм***

Pluralis reverentiae (далее PR), «множественное вежливости» – употребление 2 л. мн. ч. вместо 2 л. ед. ч., выражающее почтительность к собеседнику. Pluralis majestatis (далее PM), «множественное величия» – употребление 1 л. мн. ч. вместо 1 л. ед. ч., выражающее авторитет самодержавной власти, или – в более широком смысле, характерном для средневековья – подчеркивающее превосходство говорящего по отношению к собеседнику. PM не следует смешивать с другими случаями употребления 1 л. мн. ч. вместо 1 л. ед. ч., такими как pluralis modestiae, pluralis sociativus, pluralis auctoris и др.

Становление и развитие PR и PM в западноевропейской латинской традиции изучено неплохо: известно, что оба языковые явления возникли в поздней античности, а к X– XII вв. сформировались в устойчивые этикетные нормы, связанные между собой – их употребление не только отчетливо фиксируется в текстах, но и эксплицитно регламентируется в теоретических трактатах по ars dictaminis, науке эпистолярного общения: к вышестоящим рекомендуется обращаться на «вы», а к нижестоящим писать во множественном числе о себе. Правила, сложившиеся в Средние века, – особенно в отношении PR – в значительной мере сохраняются и поныне.

В греческом языке PR тоже возникает в эпоху позднего средневековья, а PM отмечается даже раньше – в эллинистический период. Как PM и PR развивались и функционировали на византийской почве, и поныне остается малоизвестным. PR исследован лишь в пределах ранневизантийской эпохи, а судьба PM в Византии рассматривается лишь в общих чертах и с учетом лишь немногих источников. Наши исследования – попытка восполнить этот пробел. Задача настоящего доклада – охарактеризовать эволюцию PR и PM в Византии

¹ Eutrop. IX. 26.

* Исследование осуществляется при содействии РГНФ, проект № 15-03-00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

с VII по XII вв. Исследование, основанное на анализе памятников греческой эпистолярной теории, византийской эпистографии, официальных и правовых документов, позволяет сделать следующие основные выводы:

1. PR, активно развивавшийся в V–VI вв. (см., в первую очередь, письма Феодорита Киррского и Прокопия Газского, папирусные памятники), продолжает употребляться и в последующие столетия, но, начиная с эпохи Македонского ренессанса, частотность его появления значительно падает, в письмах XI–XII вв. он встречается лишь в исключительных случаях. Кроме того – в отличие от западноевропейской и ранневизантийской традиции – трудно выявить закономерности, позволявшие бы объяснить появление PR в той или иной ситуации. Обращение на «вы» в византийских текстах не вполне правомерно даже называть PR, поскольку оно далеко не всегда означает почтительность, а уважение к адресату далеко не всегда выражается через обращение во множественном числе.

2. PM наиболее часто и последовательно употребляется в текстах V–VI вв. Например, Юстиниан I Великий пишет о себе почти исключительно во множественном числе. В дальнейшем, к эпохе Македонского ренессанса, ситуация меняется – в императорских указах, новеллах, официальных посланиях продолжает употребляться PM, но наряду с ним нередко вводится и 1 л. ед. ч.; при этом (как и в случае PR) проследить какую-либо закономерность, которая бы объясняла это чередование, вряд ли возможно. В поздневизантийских письмовниках и формулярах PM практически вовсе не встречается. Исследование PM осложняется тем, что его непросто бывает отделить от других случаев употребления 1 л. мн. ч. – например, *pluralis sociativus* или *pluralis auctoris*.

3. Оба изучаемые языковые явления, PR и PM, проходят в Византии один и тот же путь – и то и другое, достигнув расцвета в V–VI вв., впоследствии отходит на второй план; в отличие от западноевропейской традиции, ни PR, ни PM в Византии никогда не приобретает значение обязательной этикетной нормы: употребление того и другого не подчинено никаким сколько-нибудь отчетливым законам и представляет собой «игру без правил».

Е.А. Черных

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

К вопросу о византийском миссионерстве у восточных славян: историографический аспект

В кирилло-мефодиевской проблематике редко поднимается вопрос о возможности просветительской деятельности равноапостольных Кирилла и Мефодия среди восточных славян в рамках собственно хазарской миссии в начале 60-х гг. IX в. Большинство исследователей, обращаясь к вопросу о пребывании солунских братьев на Руси во время хазарской миссии, ставят под сомнение прямую связь между кирилло-мефодиевской миссией и крещением

Древней Руси из-за недостатка источникового материала и вследствие трудностей, возникающих при истолковании имеющихся данных немногочисленных источников. Однако ход развития исторических событий способствует поиску прямой связи между кирилло-мефодиевской миссией в Хазарии и до-Олеговой Русью.

Официальное посольство в Хазарию конца 860 – начала 861 г., моравская миссия Кирилла и Мефодия 863 г., крещение болгарского хана Бориса 864 г. свидетельствуют о том, что в конце правления императора Михаила III (842–867) и в первое патриаршество Фотия (858–867) заметно активизировалась миссионерская деятельность Византийской империи на севере. Примерно в то же время «так называемый (народ) Рос» вместе с христианством принял греческого (архи)епископа. Такое оживление внешнецерковной деятельности Империи могло быть своего рода ответом на поразившее греков нападение росов на Константинополь в июне 860 г.¹

Приблизительная синхронность начала «хазарской» миссии славянских первоучителей и «первого крещения Руси», их совокупность в рамках миссионерских усилий Константинополя 60-х гг. IX в. обращает на себя внимание исследователей, заставляет искать связи между этими событиями. Из сопоставления посольств «от росов» и «из Хазарии», вызвавших миссию Константина и Мефодия «в Хазарию», ряд ученых пришел к выводу, что братья во время своей миссии крестили Русь². Так, например, академик В.И. Ламанский, изучив моравские Жития Константина и Мефодия (далее: ЖКМ), впервые пришел к выводу, что «хазарская» миссия солунских братьев осуществлялась не к хазарам, а к руси в Киеве. Историк церкви А.В. Карташев обратил особое внимание на содержащиеся в ЖК и ЖМ несоответствия хазарской обстановке. Крупнейший современный православный богослов, мыслитель и церковный историк протоиерей Лев Лебедев предположил, что первое массовое крещение на Руси осуществили именно Кирилл и Мефодий в 861–862 гг. при князьях Аскольде и Дире, вскоре после их набега на Царьград в 860 г., причем местом крещения мог быть только Киев. По мнению Лебедева, большинство исследователей не решаются отнести христианизацию к Древнерусскому государству, к Киеву именно из-за упоминания Хазарии в ЖК и ЖМ, и полагают, что крестились русские, жившие в Крыму или Азово-Черноморской Руси. Историк сопоставил описанное в ЖК «посольство от хазар» со свидетельствами о «посольстве росов», отметил, что цели этих «посольств» в точности совпадают, и предположил, что в ЖК произошло

¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 52; Тахиаос А.-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005. С. 60–80.

² См.: Ламанский В.И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // ЖМНП. 1903. Апрель. С. 345–385; Май. С. 136–161; Июнь. С. 350–388; Декабрь. С. 370–405; 1904. Январь. С. 137–173; Апрель. С. 215–239; Май. С. 131–168; Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 75–92; Лебедев Л. Крещение Руси. М., 1987. С. 65–67, С. 77–78; Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления Патриаршества. М., 2007. С. 8–9.

смещение русского «посольства» с хазарским. Заметив, что в ЖК описание приема хазарского двора, следующее за географическим указанием подлинной Хазарии, сильно не соответствует Хазарии, Л. Лебедев дополнил доводы своих предшественников новой деталью – соответствием текста хазарского диспута отрывку из ПВЛ о выборе веры, и заключил, что народный совет принял немислимое для подлинной Хазарии решение.

Лебедев привел ряд аргументов в пользу того, что во время «хазарской миссии» просветители славян крестили именно русских, а не хазар и допустил возможность, что посольство от росов в некоторых источниках могло получить название посольства из Хазарии.

Вслед за А.В. Карташевым, Л. Лебедев предложил учесть все несоответствия собственно хазарской обстановке, которые встречаются в текстах ЖК и ЖМ о путешествии в так называемую «Хазарию». Кирилл и Мефодий отправились в Киев, здесь спорили с иудейскими и мусульманскими проповедниками, крестили тех, кто пожелал, а затем отправились в собственно Хазарию¹. По мнению ученого-богослова, пока нет оснований утверждать, что они вообще не побывали там с дипломатической миссией, цель которой могла заключаться в том, чтобы оповестить хазар, что русские совершенно примирились с Византией, и теперь Хазария может не беспокоиться об их «усмирении», как делала она прежде, исполняя союзнические обязательства перед Византией.

Л. Лебедев пришел к выводу, что еще до знаменитой великоморавской миссии 863 г. просветители славян Кирилл и Мефодий проповедовали на Руси и совершили здесь первое массовое крещение. Это обстоятельство, по его мнению, могло стать камнем преткновения для составителей текстов ЖК и ЖМ – моравлян или моравлянина, пожелавших подчеркнуть «первенство» Моравии среди тех славянских земель, в которых проходила просветительская деятельность славянских первоучителей. Оба жития возникли в конце 885 г. в обстановке острой политической борьбы, что объясняет определенную направленность в освещении фактов, их тенденциозность, с чем, по мнению Л. Лебедева, может быть связана и замена названия «Русь» названием «Хазария».

В пользу возможной проповеди солунских братьев у восточных славян во время хазарской миссии высказывался историк церкви В.И. Петрушко. Согласно его точке зрения, ко времени дипломатической миссии Кирилла и Мефодия хазары покорили многие племена восточных славян, в связи с этим вполне допустимо, что Кирилл мог вести христианскую проповедь среди покоренных хазарскими иудеями восточных славян, или что находившиеся в орбите влияния Хазарии восточные славяне могли впервые познакомиться с христианством именно после проповеди Константина.

---

¹ *Лебедев Л.* Крещение Руси. С. 65–67, 71.

М.М. Чореф

Нижевартовский государственный университет

**Следы семейной хроники Филиппиков, или об источниках
«Хронографии» Св. Феофана Исповедника**

Источниковедческая ценность «Хронографии» Св. Феофана Исповедника огромна. Многие поколения исследователей обращались к ней как к неисчерпаемому кладю знаний по истории Византии. К настоящему времени изучение «Хронографии» поднялось на новый этап. Началось выявление недошедших до нас исторических трудов, скомпилированных ее составителем. Так, Д.Е. Афиногенову удалось выделить самостоятельные произведения: биографии Льва III Исавра (717–741)¹. Очевидно, что жизнеописания этого правителя не могли быть составлены в придворных скрипториях Константинополя. Вернее всего, мы имеем дело с хрониками, сгруппированными вокруг предания семьи императора, из которого были почерпнуты важные сведения о нем как о частном лице. В то же время, многочисленность ответвлений в рассказе Св. Феофана Исповедника, а также детальность в изложении материала позволяют нам предполагать, что хронист пользовался и другими записями такого же рода. Продолжая исследование, начатое Д.Е. Афиногеновым, попытаемся выделить в труде Св. Феофана Исповедника следы еще одной хроники, составленной в семье Филиппиков.

Начнем с того, что Св. Феофан Исповедник, как и большинство его современников, понимал историю как ряд жизнеописаний. И в своем труде он попытался собрать как можно больше сведений о своих героях. Так, при изложении истории персидских войн конца VI в. хронист привел биографии византийских полководцев, одним из которых был Филиппик – зять императора Маврикия (582–602)². Он был удачливым военачальником³. Под его командованием служили не менее прославленные стратеги, в том числе, и отец императора Ираклия (610–641)⁴.

Но вряд ли Филиппик был возвышен только за военные заслуги. По крайней мере, в «Хронографии» не приведен его послужной список. Вернее всего, он происходил из узкого круга знатных семей, родственников Маврикию. Именно этим можно объяснить самостоятельность его суждений, а также неподчинение необдуманному приказам правителя. За это Филиппик был отстранен от командования как по желанию василевса, так и по требованию солдат⁵. Но он интересен не только этим. Летописец акцентирует внимание читателя на его доверительных отношениях с императором⁶. Так что не

¹ Афиногенов Д.Е. Источник рассказа о крымских событиях 705 и 711 гг. в «Хронографии» Феофана Исповедника // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь. 2006. С. 602–614.

² Theophanis Chronographia / Rec. de Boor C. Vol. I. Lipsiae, 1883. P. 253.26–27.

³ Ibid. P. 253.24–256.24.

⁴ Ibid. P. 256.7–9.

⁵ Ibid. P. 262.2–6.

⁶ Ibid. P. 272.19–26; 285.2–286.8.

случайно праведный герой стал жертвой «кентавра» Фоки и после низложения Маврикия был вынужден постричься в монахи¹.

О том, что в дальнейшем произошло с семьей Филиппиков, мы из «Хронографии» узнать не можем. Однако, приводя биографию Вардана, Св. Феофан Исповедник сообщает весьма интересный факт. По словам хрониста, его герой родился в Пергаме в семье патрикия Никифора. Отметим, что последний нигде более в «Хронографии» не упоминался. Далее, Вардан Филиппик был сослан Тиверием III Апсимаром (698–705) на Кефалинию, так как ему напророчили верховную власть. Возможно, что подобным образом обосновывали претензии на трон. Но куда важнее то, что, по логике текста, представители семьи Филиппиков самим Богом были избраны сменить василевсов из дома Ираклия и их противников. И не случайно Вардан стал мстителем за невинных жертв Юстиниана II.

Обратим внимание на следующий аспект. Общий тон изложения истории правления императора Филиппика не оставляет никаких сомнений в авторской к нему неприязни. И это не удивительно. Дело в том, что этот государь не был ортодоксом. Даже пророчествовал ему о троне не православный монах, а «затворник провидящий, впрочем, еретик»². Достигнув верховной власти, Вардан Филиппик повел себя как жестокий тиран. Его подручные убивают Юстиниана II и малолетнего Тиверия. В первый год его правления проходит «безумный собор» (711 г.). По словам Св. Феофана Исповедника, василевс только тем и занимался, как оскорблял веру и опустошал казну, растрачивая сокровища, собранные прежними императорами «через опись имений в казну и под разными предлогами, особенно при последнем Юстиниане»³. Пользуясь этим, враги разорили империю. Болгары дошли до Золотых ворот, а арабы грабили Малую Азию. И низложен он был, по словам Св. Феофана Исповедника, так же позорно, как и жил. Филиппика схватили после пира, пьяного и сонного, и ослепили⁴. Остается только удивляться, как такой персонаж смог захватить и удерживать власть в империи.

Однако попытаемся проанализировать материал самостоятельно, не основываясь на мнении хрониста. Вернее всего, Филиппики являлись представителями каппадокийской знати. Причем, судя по имени последнего из них, они были армянами. Первый же Филиппик, с учетом акцентирования внимания на его благочестии, был православным. Однако Вардан Филиппик склонился к монофелитству. Но именно он был избран из круга военачальников, находившихся в тот период в Таврике. И все прочие стратеги, а также воины и мирные жители ему сразу и беспрекословно подчинились. Филиппика поддержали и хазары. Следовательно, Вардан был не только авторитетным стратегом и отличным дипломатом, но и политиком-реалистом. По приходу к власти он первым делом постарался успокоить общество.

¹ Ibid. P. 293.22–23.

² Ibid. P. 381.8.

³ Ibid. P. 381.26–27.

⁴ Ibid. P. 383.15–17.

Император отказался от методов правления апостатического Юстиниана II. И его царствование стало кратким периодом общественного умиротворения.

Значительную роль сыграли щедрость и жизнелюбие нового императора. За свое недолгое правление он завоевал расположение горожан. Даже попытка пересмотреть решения Шестого Вселенского собора 680–681 гг. не вызвала заметных протестов. Общество хотело только одного – как можно скорее забыть ужасы правления Юстиниана II.

В то же время, армия его не поддержала. В результате Вардан Филиппик так и не смог опереться на какие-либо значительные воинские контингенты. Этим можно объяснять его внешнеполитические неудачи. Непопулярность императора в войсках сыграла свою роль. Он был низложен армиями фем Опсикий и Фракисий.

Полагаем, что Вардан Филиппик был свергнут не вследствие какой-то особой непригодности к власти, а только потому, что нашелся претендент – будущий Анастасий II Артемий (713–715), поддержанный войсками. Кстати, последний вел не менее беззаботную жизнь и, в свою очередь, также был лишен престола.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что Феофан Исповедник при составлении «Хронографии» использовал семейные хроники, в том числе, и предания Филиппиков, конечно, переосмыслив по-своему жизнеописание единственного императора из этого рода. Однако отдельные сохранившиеся фрагменты биографии последнего позволяют нам восстановить его образ – умного, волевого, но добродушного и щедрого человека, волей судьбы и благодаря своим качествам добившегося верховной власти и павшего жертвой коварных заговорщиков.

Ю.Ю. Чуева

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Св. Олимпиада Диаконисса: жизнь без тщеславия

Институт диаконисс, в соответствии с христианской традицией, возник еще во времена апостолов. Основное развитие он получил в IV–VI веках. В «Постановлениях святых апостолов» (ок. 380 г.) подробно описана процедура посвящения в этот сан. Но в данном контексте необходимо различать избрание на церковное служение и посвящение посредством церковных таинств – хиротонию и хиротесию¹.

Первые диакониссы обычно ассоциируются с ветхозаветными пророчицами Мариам, Деворой, Анной. Но наличие определенного дара и осуществляемый по этому признаку выбор в диакониссы не подтверждается

---

¹ *Неселовский А.* Чины хиротесий и хиротоний. Каменец-Подольск, 1906. С. 64–73.

источниками. Эти служительницы церкви только получали благословение на пророчествование как особый труд ради Церкви¹.

В диакониссы сначала избирались преимущественно девы, а из вдов лишь «верные и благоговейные, бывшие замужем только один раз» (Пост. Апост. VI, 18); но при императоре Юстиниане дозволено было избирать из тех и других и ранее 40 лет, но действительное служение поручалось им по достижении этого возраста (IV Всел. 15; Just. Nov. 123); лишь женщины, отличавшиеся благочестивой жизнью, сразу назначались в диакониссы без испытания. Диаконисса могла быть женой духовного лица, не состоящей в фактическом браке². К последним мы можем отнести мать Григория Богослова Нонну, супругу Григория Нисского Феосевию (Феозву) и др.

Византийский церковный обычай предусматривал прикрепление диаконисс к конкретным церквам. В знаменитом соборе Св. Софии в Константинополе на службе в V в. находилось около 40 служительниц (Just. Nov. 3.1)³. Основная их деятельность заключалась в духовном наставлении женщин, посещении больных и неимущих, заключенных в тюрьмы. В условиях становления христианства они присутствовали при беседах священнослужителей и женщин, проповедующих языческие культы.

Самой известной диакониссой в ранней Византии стала Олимпиада. На эту должность она была назначена св. патриархом Нектарием. Олимпиада стала наиболее показательным примером женской социальной мобильности в ранней Византии в сфере клира.

Св. Олимпиада принадлежала к знатному роду, являлась дочерью сенатора Анисия Секунда и внучкой по матери знаменитого епарха Евлалия, а ее мать была замужем в первый раз за армянским правителем Арсаком. По традиции своего сословия Олимпиада была с юности обручена, и брак должен был заключаться по достижении ею совершеннолетия. Свидетельства о ее браке мы находим у свт. Григория Богослова, который обратился к Олимпиаде с такими словами: «Почитай Бога, а потом супруга – глаз твоей жизни, руководителя твоих намерений. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тем больше, чем нежнейшую к тебе питает любовь; под узами единокровия сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себе не такую вольность, на какую вызывает тебя любовь мужа, но какая прилична... Когда муж раздражен, уступи ему, а когда утомлен, помоги нежными словами и добрыми советами... Сколько бы ни была ты раздражена, никогда не укоряй супруга в понесенном ущербе, потому что сам он лучшее для тебя приобретение... Радости и все скорби мужа и для себя почитай общими. Пусть и заботы будут у вас общие, потому что чрез это возрастает дом... Будь высокоумна, но не высокоумна...»⁴.

¹ См.: *Ванькова А.Б.* Социально-правовой статус монашества в восточных провинциях Римской империи в IV–VI вв. Автореф. канд. дисс. М., 2001. 20 с.

² *Дюшен Л.* История древней Церкви. Т. 2. М., 1912. С. 214.

³ См. также: *Краснобаева Ю.Е.* Институт вдовиц в раннехристианской церкви // *Antiquitas iuventae.* Саратов: СГУ, 2008. С. 143–149.

⁴ *Greg. Naz. Ad Olymp.* // PG. Т. 39–43.

Св. Олимпиада обладала такими качествами как мужественность и благочестие, поэтому стойко восприняла решение Феодосия Великого об ограничении ее наследственных прав после отказа выйти замуж во второй раз.

Церковная деятельность диакониссы Олимпиады охватывала несколько направлений:

– огромная благотворительная деятельность (эвергесия) – почти все имущество семьи было отдано нуждавшимся;

– помощь и поддержка святителям церкви, подвергшимся гонениям - Амфилохию, епископу Иконийскому, Онисиму Понтийскому, Григорию Богослову, Петру Севастийскому, брату Василия Великого, Епифанию Кипрскому;

– церковное строительство.

Отдельно следует сказать о ее дружественных отношениях с Иоанном Златоустом¹. После пожара в соборе Св. Софии и уплаты огромной суммы в качестве компенсации суду, так и не нашедшем против нее улик, Олимпиада покинула Константинополь.

405 год стал решающим в судьбе Св. Олимпиады. Она была осуждена и арестована в Никомидии. В заточении продолжалась ее переписка с Иоанном Златоустом, который оказывал ей моральную поддержку. Заключение продлилось четыре года, и в 409 г. Св. Олимпиада скончалась.

Таким образом, биография Св. Олимпиады наглядно демонстрирует переход из богатейшего и наиболее знатного сословия ранней Византии к истинному служению и историческому признанию в рамках церковной деятельности. Достоверность этих сведений не вызывает сомнений.

В.Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН (Москва)

Связи Херсона, Сугдеи и Матархи по данным памятников сигиллографии IX–XI вв.

Многочисленные находки византийских свинцовых печатей двух последних десятилетий убедительно заняли место в ряду важнейших источников по истории Крыма и Тамани IX–XI вв. Так, два архива печатей обнаружены в Херсонесе и Судаке: количество моливдовулов, происходящих из средневекового Херсона достигает 2000 экземпляров², в Сугдее известно

¹ Ioannes Chrysostomus. Epist. ad Olymp. // PG. Т. 47–64; Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 1–10. СПб.: СПбДА, 1898 (переизд. в 20 кн.: М., 2006).

² Alexeyenko N. L'administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris, 2012; Алексеевко Н.А. Территория византийского влияния в Таврике по находкам моливдовулов имперских чиновников и придворных аристократов // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVII. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 9–13; Он же. Новые сфрагистические находки в округе Византийского Херсона (к вопросу

до 130 печатей¹. В Тамани (средневековой Матархе) найдено уже более 150 моливдовулов². И с каждым годом количество этих источников увеличивается.

Несомненный интерес для изучения византийского присутствия в крымско-таманском регионе³ и византийской сигиллографии в целом представляет сравнительный анализ небольшого числа печатей, встреченных одновременно в двух или во всех трех городских центрах.

Данные приведены в таблице (+ означает количество печатей).

Моливдовул	Дата	Херсон	Сугдея	Матарха
Григора, императорский спафарий и архонт Херсона	Первая половина IX в.	+	+	+
Константин (?), императорский спафарий и архонт Херсона	Первая половина IX в.	+	+	+
Григорий, императорский спафарий и архонт Херсона	Первая половина IX в.	+	+	+
Сергий, магистр и логофет геникона	Первая половина IX в.	+		+
Епифаний, императорский протоспафарий и логофет геникона	Середина IX в.	+	+	++
Петрона, патрикий, логофет геникона	Середина IX в.	+		++
Филофей, императорский протоспафарий и логофет геникона	Вторая половина IX в.	+		+
Константин, императорский спафарокандидат и стратиг	Третья четверть IX в.	+		+

об адресатах корреспонденции) // VII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2015. С. 19–21.

¹ Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegeln in Sudak // Studies in Byzantine Sigillography (SBS). Vol. 3. Washington, 1993. P. 85–98; Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. Vol. 6. Washington, 1999. P. 47–58; Eadem. New Finds from Sudak // SBS. Vol. 8. München; Leipzig, 2003. P. 123–130; Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев; Судак, 2008. С. 296–330; Степанова Е.В. Находки печатей в Судаке // Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 175–192.

² Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015; Он же. Контакты Херсона и Таматархи по данным сфрагистики и нумизматики // VII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2015. С. 73–75.

³ Ср.: Степанова Е.С. Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 19–28.

Феодор, императорский протоспафарий, логофет геникона	Конец IX – начало X в.	+		+
Лев, примикирий, императорский протоспафарий и логофет геникона	Начало X в.	+	+	+
Никита, патрикий, императорский протоспафарий и логофет геникона	Первая половина X в.	+		+
Георгий, протоспафарий и стратиг Херсона	60е– 70е гг. X в.	+		+
Иоанн, императорский протоспафарий и стратиг Херсона	Вторая половина X в.	+		+
Михаил Херсонит, патрикий и стратиг Херсона	Вторая половина X в.	++		+
Елисей, анфипат, патрикий, императорский протоспафарий и логофет геникона	Вторая половина X в.	++		++
Григорий, императорский протоспафарий ἐπί τοῦ Χρυσотρικλίνου и логофет геникона	Вторая – третья треть X в.	+	+	++
Николай, магистр, анфипат, патрикий, императорский протоспафарий и логофет геникона	Третья четверть X в.	+	+	+++
Григорий, императорский протоспафарий и стратиг Херсона	Конец X – начало XI вв.	+		+
Георгий Цула, императорский протоспафарий и стратиг Херсона	Начало XI в.	+++ +++		+
Игнатий Цула	Конец X – начало XI вв.	+		+
Иоанн, архиепископ Готии	X– XI вв.	+		+
Никита Пипери	XI в.		+	+
Феодор Мацарис	Последняя треть XI в.		+	++
Михаил, архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии	80-е гг. XI в.		++	+

Можно констатировать, что печати 24 функционеров принадлежат представителям имперской канцелярии, фемной администрации, одному церковному иерарху, частным лицам, это достаточно ясно показывает значение трех городов, располагающихся на границе греческого и варварского миров.

Находки печатей византийских чиновников (прежде всего, логофетов геникона) демонстрируют непосредственное распространение имперского влияния на оба полуострова и включение их в сферу обширного бюрократического аппарата на северных границах Византийской империи. Несмотря на разновременное, но последовательное влияние в регионе хазар, а затем Древней Руси, можно говорить о Херсоне, Сугдее и Матархе как о крупных центрах Византии, играющих ключевую роль в политике и экономике северо-восточной части Понта и Меотиды.

Моливдовулы местных чиновников – архонтов, а затем стратиггов Херсона, найденные в Сугдее и Матархе, свидетельствуют о прямых связях этих городов, и указывают на лидирующее положение Херсона в регионе.

Небольшая группа печатей знакомит с рядом представителей знатных византийских родов (в том числе, родом Цула – семейством тюркского или болгарского происхождения, появившимся в Крыму ок. сер. X в.). И можно полагать, что адресанты подвешивали печати к документам, отправляемым в их частные владения.

Таким образом, печати городских корреспондентов, происходящие из Херсона, Сугдеи и Матархи, принадлежат представителям торгово-таможенного, налогово-финансового и военно-административного ведомств – это важное подтверждение функций всех трех городов как административных и торговых центров Византийской империи в Северном Причерноморье в IX–XI вв.

А.А. Шевченко

*Северо-Западный государственный медицинский университет
имени И.И. Мечникова (Санкт-Петербург)*

Положение рабов в Византии в V в. на основании Сирийско-римского законника

Т.н. Сирийско-римский законник появился в Византии в 80-х годах V столетия. Кодекс Феодосия (438 г.) и законодательство Юстиниана (533–534 гг.) содержат весьма подробное законодательство, на основании которого можно судить о правах и обязанностях рабов в Византии в 438 и 534 гг. соответственно. Между тем, Сирийско-римский законник позволяет проследить, как положение рабов менялось в течение ста лет, и что представляло из себя оно в 80-х гг. V в. Как отмечал П. Крюгер, некоторые статьи законника являются указами императоров Константина, Феодосия и Льва, которые не сохранились в других источниках¹. С другой стороны, роль

---

¹ *Krüger P.* Quellen und Literatur des römischen Rechts. 2. Aufl. München und Leipzig. 1912. S. 364.

законника недооценивается рядом исследователей: так, П.Ф. Жирар отмечает, что содержащиеся в нем статьи зачастую повторяют уже известные постановления императоров¹.

В IV–VI вв. в Византии меняется отношение к наиболее бесправному сословию. Это нашло отражение в законодательных памятниках, которые призывают к бережному отношению к рабам (Inst. I,3; Dig XL,1,2).

По норме Римско-сирийского законника, хозяину запрещается убивать собственного раба (Syr.-rom. 56c (1)), поскольку свободный за убийство раба подвергался смертной казни (Syr.-rom. 56c (2)). Такой же запрет содержится в Кодексе Феодосия, а также в Кодексе и Дигестах Юстиниана (C.Th. IX,44,4; C.J. I,25,1; Dig. I,6,2). При этом Дигесты устанавливают более мягкое наказание: «тот, кто без причины убьет своего раба наказывается..., как если бы убил чужого раба» (Dig. I,6,1§2). Таким образом, наказание за убийство раба по Сирийско-римскому законнику в конце V в. гораздо суровее, чем в законодательстве Феодосия и Юстиниана.

Норма законника предписывает, что раб, совершивший преступление и заслуживающий смертной казни, должен быть передан хозяином соответствующему чиновнику для этого наказания (Syr.-rom. 56c (1)). Точно так же, согласно Дигестам, раб мог быть наказан муниципальными магистратами (Dig. II,1,12).

В ряде исследований высказывается точка зрения, что в Византии IV–VI вв. была узаконена продажа детей в рабство². Данные Кодекса Феодосия, а также Кодекса, Дигест и Институций Юстиниана, скорее, доказывают обратное, в то время как Сирийско-римский законник подтверждает данное утверждение.

То, как менялось законодательство, может быть реконструировано следующим образом. В 294 г. Диоклетиан запретил обращать в рабство детей (C.J. IV,43,1), в 329 г. этот запрет был отменен (C.Th. V,10,1; C.J. IV,43,2), а затем вновь установлен в 333 г. Константином (C.Th. IV,8,6; C.J. VIII,46,10). Феодосий I подтвердил этот запрет в 391 г. (C.Th. III,3,1). Однако Феодосий II, по всей видимости, предпринял попытку сохранить численность рабского сословия, и, по крайней мере, ужесточил действие сенатусконсультума Клавдия, по которому свободная за сожительство с рабом теряла свободу вместе с детьми (C.Th. IV,1,5). В 451 г. Валентиниан I вновь запрещает обращать детей в рабство (Nov. Val. XXXII,1). В 80-х гг. V в., согласно Сирийско-римскому законнику, дети свободной и раба становились рабами, хотя женщина могла сохранить свободу (Syr.-rom. 44). В то же время, разрешается обращать подброшенных детей в рабство (Syr.-rom. 86). И, наконец, в 534 г. Юстиниан вновь запрещает продавать детей в рабство, так же, как и обращать в рабство подкинутых детей (C.J. I,4,24). Таким образом, законодательство по этому вопросу неоднократно менялось на протяжении IV–VI вв.

Законник допускает разлучать членов рабской семьи (Syr.-rom. 86). Это противоречит законодательству как Феодосия (C.Th. II,25,1), так и Юстиниана (Dig. XXI,1,35; Inst. I,10,10). По всей видимости, этот запрет был по

¹ Girard P.F. Manuel élémentaire de droit romain. 5 éd. P., 1911. P. 75–76.

² Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 29–31.

неизвестным нам причинам отменен в конце V столетия и вновь установлен в начале VI века.

Начиная с III в. н.э., постепенно упрощается процедура освобождения раба. Ограничения по отпуску рабов постепенно отменяются соответствующими конституциями императоров в течение IV–VI вв. Согласно юристу Гаю, ограничения по отпуску рабов, введенные законами Элия – Сеция и Фуфия – Каниния и связанные с возрастом раба, господина и с количеством освобождаемых рабов (Gaius I,38–43), стали относиться только к завещаниям (Gaius I,44). Текст законника подтверждает, что закон Фуфия – Каниния имеет юридическую силу только по отношению к рабам, получающим свободу по завещанию, и целиком цитирует его (Syr.-rom. 4). В VI в. Юстиниан окончательно отменил закон Фуфия – Каниния (Inst. I, 7).

Точно так же законник подтверждает, что в ранней Византии процедура освобождения рабов была сильно упрощена. Законодатель ссылается на указ императора Константина, согласно которому разрешалось освобождать рабов в присутствии свидетелей, перед епископом и пресвитерами (Syr.-rom. 19 (1–2)). Это постановление Константина приводится в Кодексе Юстиниана (C.J. I,13,1; Inst. I,5). Таким образом, одно лишь присутствие свидетелей считалось достаточным для освобождения раба, в более ранние периоды проведение данной процедуры было сильно осложнено.

Ю.В. Шелудченко

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

К вопросу о жизни и трудах Кирилла Скифопольского

Жизнь и труды Кирилла Скифопольского очень интересны и важны не только по своему содержанию, но и дают много полезной информации. Кирилл Скифопольский написал жития палестинских святых, несмотря на то, что его родиной был языческий город Скифополь.¹ Название Скифополь издавна использовалось в эллинистических кругах.²

Кирилл Скифопольский родился в 514 г. С молодых лет, почувствовав влечение к иноческой жизни, принял монашеский постриг в одном из монастырей родного города и проживал там до 543 г. Затем, по совету своей матери, отправился в Иерусалим и сделался там учеником Иоанна Молчальника, подвижника лавры Св. Евфимия в Иудейской пустыне близ города. В 555 г. Кирилл перешел в Великую лавру Саввы Освященного в Иудейской пустыне, где и оставался до своей смерти.

¹ *Abel F.-M. Geographie de la Palestine. Paris, 1967. P. 103, 217-220, 224; Ovadiah A. Greek Cults in Beth-Shan/Skythopolis in the Hellenistic and Roman periods // Eretz-Israel. 12. 1975. P. 116-124.*

² См.: *Elliott-Binns J. Cyril of Scythopolis and the monasteries of the Palestinian Desert. London, 1989.*

Общение с монастырями и святыми побудило Кирилла по совету Иоанна Молчальника описать аскетические подвиги святых.

Первым агиографическим трудом Кирилла Скифопольского было «Житие Евфимия Великого», затем он написал «Житие Саввы Освященного», входящие в «Палестинский патерик». Кроме того, Кирилл составил жития: Иоанна Молчальника, преподобного Кириака Отшельника, аввы Феодосия Киновиарха, епископа Феогиния и Авраамия, ученика Св. Саввы и епископа Кратийского, имеющие большое значение для изучения истории палестинского монашества. Работы Кирилла Скифопольского содержат важные сведения об иерусалимских патриархах V–VI вв., об оригенистских волнениях и монофизитских спорах. Литературный стиль Кирилла характеризуется простотой и ясностью слога, отсутствием риторических украшений и безыскусностью изложения.¹

Агиографическое повествование Кирилла Скифопольского об этих подвижниках – жемчужина древнехристианской литературы – знакомит нас с повседневной жизнью древнейших обитателей. В V в. иночество процветало уже в Сирии и на Синайском полуострове. Образы великих сирийцев Ефрема и Исаака, Иоанна Лествичника и Симеона Столпника говорят о необычайной высоте, на которую взойшло там иноческое отречение от мира.

Ценность этих житий заключается в том, что Кирилл Скифопольский подвизался в тех местах, где жили его герои, разговаривал с очевидцами их жизни, не говоря уже о том, что некоторых палестинских подвижников, чьи жития он написал, Кирилл Скифопольский видел лично (Савву, Кириака; житие Иоанна Молчальника он начал писать еще при жизни святого).

Д. Читти, характеризуя стиль Кирилла, отмечает: «Он, судя по текстам житий, никогда не приукрашивает увиденное и не дополняет от себя услышанное им. Повествование его напрочь лишено избыточных или не относящихся к тексту деталей; при этом мы не только видим замечательных подвижников – перед нами проходит полтора века истории этой незабываемой страны».²

Агиографические труды Кирилла Скифопольского переводились на славянский язык монахами Киево-Печерской лавры в ранние годы существования этого монастыря. Остается выразить сожаление по поводу того, что современного научного комментированного перевода сочинений Кирилла нет.

Датой смерти Кирилла Скифопольского традиционно считается около 557/558 г., прежде всего, на основании того, что он после этой даты ничего не написал. Однако, недавно Д.Е. Афиногенов, на основании датировки Похвалы Св. Евфимию и Св. Савве, показал, что Кирилл мог дожить до конца VI в. (582 или 590 г.)³.

Таким образом, изучение наследия этого автора чрезвычайно важно в контексте истории палестинского монашества VI в. и истории всей ранневизантийской Палестины.

¹ Шатохина Н.В. Обозначение источников информации в "Житии Евфимия Великого" Кирилла Скифопольского // Ломоносов-2015. М., 2015.

² Читти Д. Град Пустыня. СПб., 2007. Гл. VII.

³ Похвала преп. Евфимию Великому и преп. Савве Освященному Кирилла Скифопольского / Пер. Д.Е. Афиногенова // ВДИ. 2014. № 1. С. 232-233.

Т.Н. Юдина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**Домострой (ойкономикос) Второго Рима и хрематистика:
историко-экономические уроки для XXI в.¹**

Со времени основания Нового Рима (Константинополя, или Царьграда), второй столицы Римской Империи, секуляризированные граждане и квазиученые продолжали уничижительно называть его Византием – по названию деревни, на месте которой он расположился, а Римскую Империю (лат. *Imperium Romanum*, *Romania*, греч. *Βασιλεία Ῥωμαίων*, *Ῥωμανία*) – Византийской Империей. Этим нарушалась целостность концепции единой Римской Империи с переносимыми императорами столицами (Римом, Константинополем и впоследствии Москвой).

Римская Империя со столицей в Константинополе имеет свою особенную институциональную трёхмерную матрицу.

Во-первых, с точки зрения политики, в том числе и метафизической, Римская Империя (IV–XV вв.) – это феномен христианской империи, а с XI в. – православной, с монархическим государственным строем, а не республики; это конституирующая модель государства или общества, при которой государством являлись верноподданные государя, а государство и общество отождествлялись. Как правило, императорская власть передавалась в рамках царствующей династии. Однако императором мог стать любой человек при условии легитимизации своего положения посредством вхождения в правящую династию (через брак, усыновление, братотворение и др.).

Во-вторых, с точки зрения экономики, это реальный пример конституирующей универсальной перспективной экономической системы – домостроя как системы жизнедеятельности человека и общества, общественно-полезного хозяйства, связанного с производством благ и обеспечением безопасности, живой хозяйственный организм, функционирующий в гармонии с душой и природой, имеющей этические рамки.

В-третьих, с точки зрения идеологии, государственной религией Римской Империи было христианство.

Таким образом, институциональная матрица II Рима может быть позиционирована как целостность православно-христианской религиозной идеологии, эллинской культуры, в том числе, и традиции хозяйствования, а также римского права и государственного строительства.

Задачей автора тезисов является *лишь историко-экономический анализ, философско-хозяйственное осмысление ойкономикэ (домостроя) и хрематистики (финансомики) сквозь призму XXI в., а не всей матрицы Римской Империи.*

---

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания».

Прежде всего, будем позиционировать Римский домострой (ошибочно названный «византийским»¹) как производное от православно-христианского вероучения. В Римской Империи константинопольского периода формировалась и развивалась экономика «византийской» цивилизации – домострой, домостроительство с наличием инородных элементов хрематистики.

Домостроительство предстает как целенаправленное созидание целостной, эффективной с точки зрения самодостаточности и справедливости, экономической безопасности и конкурентоспособности системы общественного хозяйства, способной обеспечить гармоничное включение всех членов и ячеек общества в реализацию совместного хозяйства с учетом неоднородности и разнообразия социума, а также присущих ему социокультурно-хозяйственных традиций и инноваций². В православном домострое Второго Рима труд, собственность и богатство объединены, а в иноверных, т.н. западноевропейских домостроях – разъединены.

В отечественной и иностранной светской научной литературе экономическая концепция «византийского» домостроя целостно до сих пор не разработана. Поверхностное исследование экономики Римской Империи, начатое на западе Финлеем и Герцбергом, продолжено Brentano в его работе «Народное хозяйство Византии» (1924). Оригинальный труд С.П. Шестакова «Византийский тип Домостроя» (1901) дает, с одной стороны, свод правил хозяйствования, с другой стороны, сравнительный анализ домостроев, западных, русского и восточных³.

Историки-византинисты в своих многочисленных трудах описывают экономику Римской Империи, однако не определяют ее как ойкономикэ-домострой-экономика и не противопоставляют хрематистике – разрушительной и потому тупиковой «экономической» анти-системе, представляющей собой доморазорительство с целью наживы – хремы, основанное на делании денег, на ростовщичестве, паразитизме⁴.

«Византийский» домострой в контексте «народного хозяйства» Римской Империи – это, прежде всего, производное от православно-христианского вероучения. В экономике этой Римской Империи были свои *принципы, инструменты, институты, механизмы хозяйствования*: справедливые цены; стабильность принципов ойкономикэ-домостроя-экономики-нехрематистики, обеспечивавших стабильность экономического развития; примат производства над торговлей; высокий уровень производства (в отдельные периоды он

---

¹ См.: Юдина Т.Н. Институциональные принципы домостроя (идейная основа конституирующей национальной модели хозяйственной системы России IX – начала XX вв.). М., 2006.

² Юдина Т.Н. Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М., 2015. С. 361.

³ Шестаков С.[П.]. Византийский тип Домостроя и черты сходства его съ Домостроем Сильвестра // Византийский Временник. Т. 8. Вып. 1–2. СПб., 1901.

⁴ Юдина Т.Н. Экономика-Домострой-Ойкономикос-Нехрематистика (в контексте поиска национальной модели хозяйства России 862–1917 гг.). М., 2008. С. 272–273.

достигал 85–90% всего объема производства Евразии, кроме Индии и Китая); стабильность финансовой системы и изобилие денежной массы с золотым солидом-безантом; прибыль – не главная цель производства; отрицание сверхприбыли; решение военных задач в целях безопасности Империи. Действительно, Римская Империя – это хозяйственное пространство, где стабильными были прежде всего принципы, а не сама экономика (ойкономикэ-домострой), в которой было много товаров и денег, что являлось причиной частых военных вторжений с целью ограбления этой православной Империи.

С точки зрения периодизации расцвет «византийского» домостроя охватывает VII–XI вв. – это период стабильности развития, когда соблюдались его институциональные принципы¹, основанные на духовных трудах великих кападокийцев, а также святителя Иоанна Златоуста². Для «византийского» домостроя это время стало наиболее успешным в противостоянии этически инородной хрематистике.

С XI в. начался печальный период идеологической трансформации Римской Империи. Полиэтническая православная Империя постепенно превращалась в моноэтническое греческое царство. В сознании имперцев произошел глубинный сдвиг в сфере целеполагания: подвиг собирания народов в Небесную Веру был подменен на служение земным узко-корыстным «национальным интересам». После окончательного падения Второго Рима в 1453 г. закончился период институционально-организованного противоборства домостроительных идей и сил ростовщически-паразитической антисистемы. В дальнейшем великое служение православного Домостроительства было по праву преемственности воспринято Третьим Римом.

С.В. Ярецв

*Тульский государственный педагогический университет
имени Л.Н. Толстого*

Имперская стратегия в Северном Причерноморье при императоре Константине Великом³

Известно, что в период правления Септимия Севера буферная зона в Северном Причерноморье сложилась в виде глубоко эшелонированной системы обороны дальних подступов к империи. Ее ядром являлись античные государства с прилегающими территориями, занятыми варварским зависимым населением. Функцию первого пояса обороны взяли на себя союзные сарматские орды, кочевавшие в междуречье Дона и Волги и не пропускавшие

¹ Юдина Т.Н. Институциональные принципы домостроя... С. 9–10.

² Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви / Пер. с нем. С. предисл. С.Н. Булгакова. М., 1913. С. 295–296.

³ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ №2014/389 (НИР №1799).

враждебных варваров из аланского племенного союза в причерноморские степи. При этом координация военных действий с сарматскими союзниками осуществлялась через общину танаитов.

События второй половины III в. н.э. наглядно продемонстрировали, что наиболее уязвимым местом такой эшелонированной системы обороны дальних рубежей Римской империи являлись морские коммуникации, чем варвары, в конечном итоге, и воспользовались. При этом в Северном Причерноморье только у Боспора имелось достаточное количество кораблей, при помощи которых можно было обойти все препятствия буферной зоны и укрепления лимеса и быстро оказаться в центре неукрепленной римской территории. Варвары хорошо осознали данный недостаток римской обороны и со знанием дела использовали его в своих целях. Следовательно, самым слабым местом буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье являлся Боспор. В ходе дальнейших событий, боспорские правители, из-за поддержки Лициния, окончательно потеряли расположение Константина. Более того, ситуация здесь усугублялась еще и тем, что варвары, похоже, опять постарались прорвать оборону империи, используя боспорский флот. Стало окончательно ясно, что устранить вероятность нового масштабного морского нападения варваров с этого направления можно было только при экономическом ослаблении Боспора и ликвидации его мощного флота. Не исключено даже, что в рамках стратегии Константина решено было, в перспективе, совсем ликвидировать боспорскую государственность.

Собственно же стратегия императора в Северном Причерноморье подразумевала традиционные для римской внешней политики военно-политические методы, а также организацию экономической и культурной экспансии по отношению к народам и государствам, вновь попавшим в зону имперского влияния. Так, еще в самом начале своего единоличного правления в 325 г., Константин отправил римскую когорту в Крым для силовой поддержки отчуждения у Боспора Предгорного Крыма. При помощи римского отряда, а также воинства херсонитов и, возможно, антибоспорски настроенных варваров – аланских сторонников предыдущего царя Радамсада, Константину удалось аннексировать значительную часть ранее принадлежавшей Боспору территории. Поводом для дальнейших действий против ставленника Лициния – боспорского царя Рескупорида VI, стал военный инцидент на новой херсонесско-боспорской границе, произошедший по нашим расчетам в 328–329 гг. Судя по тому, что данная пограничная стычка была выгодна, в первую очередь, херсонитам и даже самому Константину, можно предположить, что по отношению к Боспору это была специально организованная провокация. Несмотря на то, что данный конфликт известен только из позднего сочинения Константина Багрянородного, его причинно-следственные связи вполне находят объяснение в рамках развития римской стратегии в регионе в эпоху Константина.

Отчетливее стратегические ориентиры Константина в Северном Причерноморье стали проявляться после принятия императором решения о переносе столицы на восток в район черноморских проливов, на место городка Византия. Сразу же стало очевидно, что нестабильность во взаимоотношениях с готами, сохранение на Боспоре антиримских настроений и достаточно большого флота, а в его ближайшей округе – враждебного варварского населения являются главными угрозами Новому Риму. Именно поэтому указанные обстоятельства вызвали необходимость срочного восстановления, в той или иной форме, буферной зоны в Северном Причерноморье. Только в этом случае степной коридор мог быть полностью перекрыт для прохода враждебных племен к границам империи, что гарантировало бы безопасность новой столицы со стороны сухопутных путей. Угроза же со стороны моря должна была блокироваться как самим расположением Константинополя, преграждающим варварам морской путь в Средиземное море, так и мощным имперским флотом, размещенным в бухте новой столицы. При этом для устранения вероятности нового морского нападения требовалось не только ослабить или даже совсем уничтожить боспорскую государственность вместе с ее флотом, но и ввести для жителей античных городов строжайший запрет на передачу варварам секретов кораблестроения.

Дальнейшим важным шагом в рамках намеченной стратегии Константина представляется договор императора с готами 332 года. Именно благодаря этому соглашению произошло фактическое восстановление буферной зоны с опорой на готов, которые полностью закрывали подходы к дунайскому лимесу со стороны степей и лесостепей и превращались в защитников возрожденных античных центров Тиры и Ольвии. Тем самым, они брали на себя функцию бывшего окрестного населения этих городов, став главной частью новой оборонительной системы дальних подступов к империи.

Таким образом, ядро восстановленной буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье при Константине Великом состояло из античных центров и ближайшего варварского окружения. Степной коридор для прохода враждебных племен к границам империи был перекрыт союзными готами, угроза со стороны моря полностью блокировалась имперским флотом, размещенным в бухте новой столицы. При этом само расположение Константинополя перекрывало варварам морской путь через проливы, а максимальное ослабление Боспора и ликвидация его мощного флота не давали варварам шанса вновь использовать боспорские корабли против империи.

Содержание

Аверьянов Ю.А. (Москва). Османские документы XV–XVI вв. из библиотеки Русского монастыря на Афоне: преемственность византийских традиций.....	3
Авилушкина Л.Т. (Санкт-Петербург). Из эпистолярного наследия Михаила Глики (письма к светским лицам)	5
Агаркова Ю.Н. (Белгород). К проблеме реальной христианизации ранневизантийского общества (V–VI вв.)	7
Алексеев Н.А. (Севастополь). Византийский Херсон: Империя и полис по данным сфрагистики	10
Арутюнян А.Ж. (Ереван). Остров Кипр согласно данным «Ашхарацуйца».....	12
Барабанов Н.Д. (Волгоград). Волосы – змеи. Метаморфозы образа в контексте проблемы интерпретации византийских амулетов-змеевиков	14
Бармин А.В. (Москва). Осуждение Евстратия Никейского (1117 г.).	16
Бахматова М.Н. (Москва). Византийско-генуэзское противостояние в Константинополе в 70-е гг. XIII в.	18
Белый К.В. (Москва). Последствия возвращения Константинополя в 1261 г. в состав империи для византийской Малой Азии.....	20
Бибиков М.В. (Москва). Афонская нарративная традиция о начале русского монашества.....	23
Богданов Д.Е. (Белгород). Участие Флавия Стилихона в политической борьбе при дворе императора Аркадия в 395– 400 гг.	24
Богомаз Е.Е. (Белгород). Письма Прокопия Газского в контексте позднеантичной эпистолографии	26
Богомаз Н.А. (Белгород). Военный эдикт Анастасия I в контексте Исаврийской войны	28
Болгов Н.Н. (Белгород). «Последний схолярх» Стефан Александрийский и круг его знания	30
Болгова А.М. (Белгород). К проблеме закрытия Афинской философской школы в 529 г.	32
Бочаров С.Г. (Симферополь). Спор между иерархами Херсонской, Сугдо-Фульской и Готской митрополий о приходах Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.). Возможные причины конфликта.....	35
Булдакова Е.В. (Краматорск). К вопросу об устройстве христианского мира: общее и разное в западной теории «двух мечей» и византийской концепции «симфонии властей»	37
Бутырский М.Н. (Москва). Экспедиция Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину (1891 г.) по данным архивных источников	40
Быстрицкий Н.И. (Москва). 100-й том «Византийского временника».....	42
Ванькова А.Б. (Москва). Некоторые замечания по поводу употребления Василием Великим монашеской терминологии	45
Ведешкин М.А. (Москва). Веротерпимость и коррупция в ранней Византии ..	47

Вин Ю.Я. (Москва). Византийско-славянские параллели в экспертной системе «Византийское право и акты»	50
Воронова А.А. (Москва). Раннехристианские базилики Северной Далмации и островов Кварнера: проблемы типологии	52
Вус О.В. (Львов). Ранневизантийский бург Шиварин в горном Крыму	54
Гаврилович А.Ч. (Белград). О незапаженном мотиву змијâ у пољу сока испод лика светог Меркурија у цркви Христа Спаса у Дечанима (1339–1340) / О незамеченном змеином мотиве в цокольной зоне под образом Святого Меркурия в церкви Христа Спасителя в Дечанах (1339–1340).....	57
Гоголева Ю.П. (Санкт-Петербург – Цюрих). Образ Византии в кураторских решениях выставок в Западной Европе	59
Головина О.В. (Белгород). Готы на территории империи: договор 382 г.	62
Гончарко О.Ю. (Санкт-Петербург). Логические приемы Феодора Продрома в диалоге “Ксенедем или гласы”: софизмы, паралогизмы или апории?	64
Грацианский М.В. (Москва). «Акакианская» или всё же «феликианская» схизма? К истории отношений Константинопольской и Римской Церквей в конце V в.	66
Гречухина А.А. (Белгород). Философская школа в Александрии и становление философских взглядов Синесия	68
Деминцев М.С. (Тюмень). «Чудо техники» Византии глазами авторов Лицевого летописного свода XVI в.	70
Денисов С.А. (Москва). Политические центры Эпирского царства в 1205–1261 гг.	72
Денисова И.В. (Белгород). Педагог Алексей Димитриу (1857–1925) – первый византинист Белгорода	75
Евдокимова А.А. (Москва). Новые надписи в долине Мечей и долине Гомеда (Каппадокия)	77
Ендольцева Е.Ю., Чхаидзе В.Н. (Москва). Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации средневековых рельефов	78
Жигалова Н.Э. (Екатеринбург). Завоевание Фессалоники в 1430 г.: проблема взаимоотношений турок и греческого населения	81
Жордания Э.Г. (Москва). Византийский Понт и картвелы в XIII– XV вв.	83
Заболотный Е.А. (Москва). Император и Sol invictus как прообразы Христа в экзегезе Ефрема Сирина	85
Зайцева И.В. (Белгород). Проблема взаимоотношений Константинопольского и Александрийского патриархатов в IV–V вв.	87
Залесская В.Н. (Санкт-Петербург). Завещание Евстафия Воилы (1059) и артефакты XI в.	89
Захарова А.В. (Москва). Малоизвестные росписи трапезундских храмов по материалам экспедиции Ф.И. Успенского 1916–1917 гг.	91
Зибаев А.В. (Саратов). «Церковная история» Филосторгия и некоторые жанры античной географической литературы.....	93

Золотовский В.А. (Волгоград). Податные обязательства и виды воинского довольствия в системе материального обеспечения византийской армии раннепалеологовского периода.....	95
Иваницкая Я.Ю. (Белгород). Античные памятники в Константинополе IV–VI вв.: специфика вторичного использования	97
Иванов С.А. (Москва). Телеграф Льва Математика: история – астрология – сказка	99
Казарина В.Б. (Санкт-Петербург). Византийские традиции изображения виноградной лозы в орнаментальных заставках древнерусских рукописных книг XI–XV столетий.....	100
Карпов С.П. (Москва). Талассократия XIV века в оценках современников	102
Князький И.О. (Москва). Появление половцев на рубежах Византии	105
Кобзева А.В. (Белгород). Образ императора Константина в «Хронографии» Иоанна Малалы	107
Козлов А.С. (Екатеринбург). Была ли Далмация в V в. в составе Византии? ..	109
Козлов К.В. (Белгород). Митрополит Макарий (Булгаков) и Византия	111
Крюкова А.Н. (Москва). Романические черты в «Актах Ксанфиппы, Поликсены и Ревекки».....	113
Кузенков П.В. (Москва). Кредитный процент в Византии.....	114
Кузнецов В.Н. (Белгород). Религиозная политика Феодосия Великого как внешнеполитический инструмент	117
Курбанов А.В. (Белгород – Санкт-Петербург), Спиридонова Л.В. (Санкт-Петербург). Законодательство Юстиниана о монашестве и традиции палестинских монастырей	119
Куш Т.В. (Екатеринбург). Политическая элита при Мануиле II Палеологе: эволюция придворной иерархии.....	120
Лаврентьева Е.С. (Москва). Архитектурный образ кувуклии храма Успения в Гефсимании эпохи крестоносцев: его значение и возможные прототипы	122
Литовченко Е.В. (Белгород). Некоторые персонажи «Константинова века» в послании Сидония (письмо Секундину, 477 г.)	123
Лосева О.В. (Москва). Известие месяцеслова Sinait. Gr. 293 1053 г. об одном из событий византийско-болгарской войны 809–815 гг.....	125
Луховицкий Л.В., Жаркая В.Ю. (Москва). Благодетельное приношение или литературное состязание? Самосознание Палеологовского агиографа в письмах Константина Акрополита	127
Лысиков П.И. (Волгоград). Мятеж Алексея Дуки Филантропина в контексте проблем социальной ситуации в Византии в конце XIII в.....	129
Майко В.В. (Симферополь). Провинциально-византийская культура Восточного Крыма первой половины XIII в.	132
Макаров Д.И. (Екатеринбург). Из истории греко-латинской полемики начала XIII в. Николай Месарит как компилятор Андроника Каматира.....	134
Маковецкий Е.А. (Санкт-Петербург). К истории риторического искусства в Византии: четыре правила красноречия в «Картинах» Филострата Старшего ...	135

Максимович К.А. Каноническое право Вселенского патриархата и парадоксы современной церковной автокефалии (на примере РПЦ).....	137
Манохин Я.В. (Белгород). Монашеская школа в ранневизантийской Газе как уникальный институт христианского богословского образования.....	140
Манохина О.А. (Белгород). К проблемам изучения истории богословского образования в ранней Византии (IV–VI вв.).....	143
Мантова Ю.Б. (Москва). Репрезентация пути в средневизантийских житиях апостола Андрея	145
Мирошниченко Е.И. (Санкт-Петербург). «Письма» Синесия Киренского и проблемы изучения ранневизантийской эпистолографии.....	148
Могаричев Ю.М. (Симферополь). Крым между Византией и Хазарией: северная периферия Империи ромеев в VIII – середине X вв.	150
Мохов А.С. (Екатеринбург). Регулярные контингенты византийских фем в VIII– IX вв.	152
Науменко В.Е. (Симферополь). Византийский Боспор в X в.: политико-административный аспект	154
Охлупина И.С. (Екатеринбург). Образы иноверцев в житии Феодора из Эдессы.....	157
Пашкин Н.Г. (Екатеринбург). Греко-латинская церковная уния в отношениях Польши, Литвы и Тевтонского Ордена первой половины XV в... ..	159
Петрунин В.В. (Орёл). Религиозный фактор ограничения императорской власти в поздней Византии.....	161
Петрунина О.Е. (Москва). Ромеи или греки? Дихотомия греческого национального сознания в XIX в.	163
Пиотровская Е.К. (Санкт-Петербург). «Лествицы» из собрания Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН в коллекции Н.П. Лихачева и славяно-русская письменная традиция	165
Прокопенко С.Н. (Белгород). И.М. Гревс и отечественная византистика: случайные и не случайные связи	166
Пуцко В.Г. (Калуга). Константинополь и иконописные центры эпохи Палеологов	168
Роменский А.А. (Харьков). «Колоти яко золото»: к интерпретации формулы клятвы русов в договоре с Византией 971 г.	170
Рышковская А.Ю. (Белгород). Ксенитии (благочестивые путешествия) как аскетическая практика в ранней Византии	172
Рябцева М.Л. (Белгород). Готы-федераты Византии на Боспоре.....	174
Сазанов А.М. (Москва). Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и новые проблемы	176
Семичева Е.А. (Белгород – Бремен). Образ Другого в позднеантичных бревиариях: источниковедческий аспект.....	179
Серов В.В. (Барнаул). Исследование финансовой политики императора Фоки....	181
Синица М.М. (Белгород). Трактат Иоанна Лида «О знаменях» и предзнаменования в Константинополе VI в.	183

Сиротенко А.Д. (Мюнхен). Воздвижение Креста Ираклием в греческой и западной традиции: некоторые наблюдения	186
Скотникова Г.В. (Санкт-Петербург). «Византийский стиль» в зодчестве В.А. Косякова в аспекте антропологического богословия и антропного принципа.....	188
Смирнова Е.О. (Москва). Двойная церковь Учайак XI века на востоке Малой Азии	190
Сорочан С.Б. (Харьков). Еще раз о политическом статусе крымской Сугдеи в VI– X вв.	191
Степаненко В.П. (Екатеринбург). К иконографии изображений печати князя Олега (Михаила) Святославича	193
Стржалковская А.Д. (Белгород). О литургии Александрийской Церкви и влиянии IV Вселенского собора на ее развитие.....	194
Тоноян Л.Г. (Санкт-Петербург). Роль Михаила Пселла в истории логики	196
Ушаков С.В. (Симферополь). «Базилика Крузе» в Херсонесе: о времени сооружения храмового комплекса.....	198
Фомин М.В. (Харьков). Церкви Херсонеса IV в.	200
Храпунов Н.И. (Симферополь). Путешественники, исследователи и политики второй половины XVIII – начала XIX в. в поисках византийской Корсуни....	202
Хрушкова Л.Г. (Москва). Раннехристианский архитектурный комплекс в Себастополисе (совр. Сухум в Абхазии): план, функции, хронология	205
Цыпкина А.Г. (Москва). О реконструкции архива Трапезундской экспедиции	208
Чекалова А.А. (Москва). Пальмира – первый реальный прообраз Византийской империи	210
Черноглазов Д.А. (Санкт-Петербург). Pluralis reverentiae и pluralis majestatis в Византии: к вопросу об эволюции этикетных норм	211
Черных Е.А. (Москва). К вопросу о византийском миссионерстве у восточных славян: историографический аспект	212
Чореф М.М. (Нижевартовск). Следы семейной хроники Филиппиков, или об источниках «Хронографии» Св. Феофана Исповедника	215
Чуева Ю.Ю. (Белгород). Св. Олимпиада Дияконисса: жизнь без тщеславия.....	217
Чхаидзе В.Н. (Москва). Связи Херсона, Сугдеи и Матархи по данным памятников сигиллографии IX– XI вв.....	219
Шевченко А.А. (Санкт-Петербург). Положение рабов в Византии в V в. на основании Сирийско-римского законника	222
Шелудченко Ю.В. (Белгород). К вопросу о жизни и трудах Кирилла Скифопольского	224
Юдина Т.Н. (Москва). Домострой (ойкономикос) Второго Рима и хрематистика: историко-экономические уроки для XXI в.	226
Ярцев С.В. (Тула). Имперская стратегия в Северном Причерноморье при императоре Константине Великом.....	228

Научное издание

ИМПЕРИЯ РОМЕЕВ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ:
ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов

Компьютерная верстка
О.О. Петрова

Подписано в печать 01.04.2016. Заказ № 93. Тираж 300 экз.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 13,72. Гарнитура Times New Roman.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 1